

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Белорусский государственный университет иностранных языков

**МАТЕРИАЛЫ
ЕЖЕГОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И АСПИРАНТОВ УНИВЕРСИТЕТА**

23–24 апреля 2025 года

В четырех частях

Часть третья

Минск
БГУИЯ
2025

УДК 800
ББК 81.2
М34

Редакционная коллегия: Н. Е. Лаптева (ответственный редактор), О. В. Лущинская (зам. ответственного редактора), П. П. Глазко, Н. В. Дардыкова, А. М. Дудина, Е. В. Зуевская, Т. И. Кевлюк, Н. В. Курбаленко, Н. В. Лещенко, А. Б. Лисова, Е. С. Ляшенко, Н. В. Михалькова, А. Ю. Москалева, Ю. В. Овсейчик, И. И. Панова, Н. П. Петрашкевич, Н. С. Сычевская, Е. В. Тихоненко, В. П. Толстой, Т. В. Тропец, М. С. Филимонова, А. Р. Чернецкий, Е. В. Чеснокова, В. В. Яскевич.

Материалы ежегодной научной конференции преподавателей
М34 и аспирантов университета, 23–24 апреля 2025 г. : в 4 ч. Ч. 3 / отв. ред.
Н. Е. Лаптева [и др.]. – Минск : БГУИЯ, 2025. – 4,12 Мб.

ISBN 978-985-28-0320-5 (Ч. 3)
ISBN 978-985-28-0316-8

Третья часть сборника содержит материалы работы секций по направлениям «Грамматика», «Фонетика», «Востоковедение», а также круглых столов «Испаноязычный дискурс: семантика, прагматика, перевод», «Итальянстика: лексика, грамматика», «Итальянский язык в диалоге культур», «Константность и вариативность единиц французского языка в современных дискурсивных практиках», «Лексические единицы в полидискурсивном пространстве», «Лексические и грамматические характеристики различных типов дискурса», «Современные тенденции в испанистике», «Фонетические и грамматические единицы французского языка в различных типах дискурса».

В авторской редакции.

УДК 800
ББК 81.2

Электронная версия издания доступна
в электронной библиотеке БГУИЯ
по ссылке e-lib.bsufl.by/ или по QR-коду

ISBN 978-985-28-0320-5 (Ч. 3)
ISBN 978-985-28-0316-8

© УО «Белорусский государственный
университет иностранных языков», 2025

ГРАММАТИКА

А. А. Баранова

ПРИЧАСТИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА КАК ПОТЕНЦИАЛЬНО ПРОПОЗИТИВНЫЕ ЕДИНИЦЫ

На современном этапе развития языкоznания предложение рассматривается не только как коммуникативная, но и как номинативная единица. Основой для формирования нового взгляда на предложение как на сложный знак, использующийся для номинации ситуаций, стали валентностная теория Люсъена Теньера, генеративная грамматика Ноама Хомского и падежная грамматика Чарльза Филлмора.

Денотатом предложения в лингвистике считается ситуация, в отличие от денотата слова. Под сигнификатом предложения понимается пропозиция, формализуемая как сочетание семантического предиката и семантического аргумента или нескольких аргументов.

Исследования единиц языка обнаружили, что ситуация может быть денотатом не только предложения. Так в лингвистике встал вопрос о существовании не только полных развернутых пропозиций, но и их сжатых, свернутых вариантах, которые в поверхностной структуре предложения оказываются представлены разнообразными полу- или потенциально пропозитивными языковыми единицами.

В рамках семантического синтаксиса непредикатные употребления причастий (наряду с другими отглагольными образованиями) могут рассматриваться как потенциально пропозитивные единицы, сохраняющие валентностные характеристики исходного глагола, и, следовательно, представляющие собой свернутые пропозиции. В свернутых пропозициях предикатное ядро (семантический предикат) представлено в номинализированном виде. Потенциальные номинативные элементы являются ожидаемыми, но не всегда вербализованными в поверхностной структуре.

Восстановление исходной пропозиционной структуры причастия и последующее сравнение полученной потенциальной пропозиции с актуализированными в окружении причастия номинативными элементами позволило выявить основные тенденции их репрезентации.

Для выявления основных тенденций эксплицитного или имплицитного представления субъектов свернутых пропозиций в разных типах текстов был проведен анализ 450 употреблений причастия I и II вне состава аналитических форм из художественных, газетных и научных текстов посредством «развертывания» исходной пропозиции причастия и де-импликации имплицированных семантических субъектов.

Процедура восстановления («развертывания») свернутой пропозиции опирается на положения семантического синтаксиса, согласно которым глагол может предсказывать количество и типы своих аргументов. Таким образом, с опорой на словарные дефиниции, отмеченные в них комбинаторные характеристики глагола, его переходность, мы можем выстроить потенциальную пропозицию. При необходимости производятся трансформации пассивизации или де-пассивизации, осуществляется сопоставление смоделированной пропозиции и реальной синтагматической группы с причастием для определения того, какие из позиций смоделированной пропозиции могут быть заполнены словами предметного значения из состава синтагматической группы.

В нашем исследовании причастия преобразовывались до исходной предикатной формы (например, причастие *thinking* ‘думающий’ образовано от глагола *to think* ‘думать’). Затем, взяв за основу теорию семантического синтаксиса, в соответствии с которой тип процесса, обозначаемого глаголом-предикатом, предполагает наличие определенного набора аргументов, мы выстраивали потенциальную пропозитивную структуру: *smb thinks* ‘кто-то думает’.

Де-импликация субъектов пропозиции причастий проводилась из контекста всего предложения (86 % случаев), общетекстовой (2 %) либо внеtekстовой информации (12 %). При этом наблюдается соответствие степени возможной конкретизации имплицированных субъектов с источниками его восстановления. 86 % субъектов с определенным статусом восстанавливались за счет предложения, 2 % имплицированных субъектов со слабой определенностью – за счет общетекстовой информации и 12 % неопределенных субъектов де-имплицировались, учитывая внеtekстовую информацию.

Анализ материала исследования позволил установить факторы, влияющие на эксплицитное или имплицитное представление и возможность восстановления имплицированных семантических субъектов свернутых пропозиций в разных типах англоязычных текстов. Были выявлены закономерности экспликации / импликации семантических субъектов пропозиции в зависимости от формы причастия (причастие I или причастие II) и его синтаксической функции.

Так, было установлено, что форма причастия в определенной степени влияет на сохранение / устранение семантического субъекта пропозиции. Причастие II, часто объединяющее в себе значение пассивности и завершенности, открывает возможность для устранения семантического субъекта. Тем не менее часто (56 % для газетных текстов и 76 % для художественных текстов) наблюдалось его введение в поверхностную структуру предложения за счет предложных фраз. Большинство субъектов причастия I имплицировалось (75 % устранных субъектов в художественных текстах, 60 % – в газетных текстах, в научных текстах – 79 %), что соотносится с преобладающей функцией обстоятельства для данной формы причастия в нашей выборке.

Одним из факторов, влияющих на репрезентацию субъекта, стала синтаксическая функция причастия, которое может употребляться в роли определения или обстоятельства. Выступая в функции определения, причастие сохраняет прямую синтаксическую связь с семантическим субъектом пропозиции, что позволяет говорить о его экспликации. В функции обстоятельства причастие не имеет непосредственной связи с семантическим субъектом потенциальной пропозиции, в связи с чем этот номинативный элемент можно рассматривать как имплицированный.

Таким образом, было установлено, что к факторам, влияющим на эксплицитное или имплицитное представление семантического субъекта предиката свернутой пропозиции, относятся форма причастия (причастие I либо причастие II) и синтаксическая функция причастия. Имплицированные семантические субъекты свернутых пропозиций могут быть восстановлена за счет контекста предложения, общетекстовой либо внеtekстовой информации, из которых именно предложение, включающее синтагматическую группу с причастием является доминирующим (86 % употреблений в составе нашей выборки). Однако возможность восстановления имплицированного субъекта еще не означает его конкретизацию до конкретно-референтной единицы, хотя это и является преобладающим типом референции (86 % имплицированных субъектов свернутых пропозиций в составе нашей выборки были восстановлены до определенного статуса).

Е. С. Безменова

ПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ АДРЕСАНТА УГРОЗЫ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Для установления корреляции между номинативными элементами семантической структуры высказывания и верbalным выражением участников коммуникативного акта с семантикой угрозы требуется построить модель типичной семантической структуры предложения, обладающего значением угрозы. В рамках общепринятой методологии семантико-синтаксического анализа исходные данные формируются на основе лексикографических дефиниций соответствующих глагольных лексем, в которых имплицитно содержится информация о потенциальной актантной структуре предиката.

В настоящем исследовании в качестве аналитического материала используются словарные определения глагола *threaten* в английском языке.

Согласно Кембриджскому и Оксфордскому толковым словарям, глагол *threaten* получает следующую интерпретацию: *to say that you will cause someone harm or trouble if they do not do what you want* (заявить о намерении причинить вред или создать проблемы в случае невыполнения требований); *to say that you will cause trouble, hurt somebody, etc. if you do not get what you want* (выразить намерение причинить ущерб или создать затруднения при неудовлетворении требований).

Лексикографический анализ дефиниции глагола *threaten* позволяет констатировать, что в структуре коммуникативной ситуации угрозы предполагается наличие как минимум двух обязательных участников: субъекта угрозы (коммуниканта, инициирующего угрозу) и объекта угрозы (реципиента угрожающего высказывания).

Данные определения также позволяют смоделировать высказывание со значением угрозы. Например, *I will cause trouble / hurt you if you do not do what I want* ‘Я причиню тебе вред, если ты не сделаешь то, что я хочу’. В данной конструкции подлежащее главного предложения (*I*) выполняет семантическую роль агента и соответствует адресанту угрозы, тогда как дополнение (*you*) выступает как пациент, репрезентируя адресата.

Как отмечал Р. И. Карчевский, подобная бинарная структура, выраженная сложноподчиненным предложением с условным придаточным, представляет каноническую форму менасивных высказываний. В его интерпретации главное предложение реализует комиссивный аспект угрозы, тогда как придаточное – ее директивный компонент.

Анализ контекстов и высказываний со значением угрозы показывает, что говорящий и адресант чаще всего персонифицированы как единый участник коммуникативной ситуации угрозы.

Рассмотрим следующее высказывание: *If you don't stop sticking your nose in my business, I'm going to beat the hell out of you!* ‘Если ты не перестанешь совать свой нос в мои дела, я из тебя отбивную сделаю!’. Оно демонстрирует каноническую реализацию коммуникативных ролей участников менасивного акта. В данном случае наблюдается явная интенция адресанта принудить адресата к прекращению нежелательной деятельности посредством демонстрации готовности к применению физического насилия. Коммуникативная стратегия говорящего характеризуется использованием прямого иллокутивного воздействия, маркированного экспрессивной лексикой (*beat the hell out of you*), что подчеркивает серьезность намерений и служит для усиления перлокутивного эффекта. Ситуативный контекст (приватная обстановка, обозначенная как *in a dark hallway* ‘в темном коридоре’) способствует актуализации непосредственной реализуемости угрозы.

Данное высказывание представляет собой типичный пример вербальной угрозы с выраженной директивно-комиссивной структурой, где условие (*if you don't stop...*) маркирует требование, а главная пропозиция (*I'm going to beat...*) – санкцию за его невыполнение.

Однако данный участник, т.е. адресант, не всегда вербализуется как семантический субъект предложения-высказывания. Такие типы вербализации, включающие в себя нарушение предполагаемой структуры, характеризуются определенной асимметрией.

Чтобы проследить данный феномен, рассмотрим следующий пример: *If you go on flirting with the king with those sickly little smiles, one of us Boleyns is going to scratch your eyes out* ‘Если ты и дальше будешь заигрывать с королем с этими тошнотворными улыбочками, один из нас, Болейнов, выщипает

тебе глаза’. Здесь демонстрируется характерная модель косвенной репрезентации субъекта угрозы: семантический субъект (*one of us Boleyns*) не совпадает с говорящим, хотя контекст (факт озвучивания и коллективная идентификация) указывает на его причастность к потенциальному исполнению угрозы. В рассматриваемой коммуникативной ситуации также ссылаются на третье лицо (здесь – *the king* ‘король’) для создания более напряженной обстановки. Само высказывание выполняет манипулятивную функцию, создавая условия принудительного выбора для адресата. Для усиления эффекта угрозы и достижения перечисленных коммуникативных целей говорящий также пользуется определенными невербальными средствами (*waving her arms* ‘размахивая руками’; *pointing at* ‘указывая пальцем на’; *leaning forward* ‘наклоняясь вперед’).

Анализ номинативных элементов семантической структуры предложений со значением угрозы показывает, что прямое соотнесение, прямая номинация участников ситуации угрозы является лишь одним из возможных способов вербализации. Остальные варианты представляют собой своего рода проекции, степень удаленности которых от «канонической» модели определяется, прежде всего, соотношением семантических и коммуникативных ролей, а также требует учета возможных вариантов, получающих свою реализацию на синтактико-морфологическом уровне.

В результате анализа обнаружено, что одним из наиболее распространенных способов вербализации (помимо употребления «канонической» модели высказывания со значением угрозы) является модель, где адресант угрозы представлен как субъект пропозиции комиссивной составляющей.

Также в некоторых случаях отмечается присутствие дополнительного участника коммуникативной ситуации – третьего лица.

Е. В. Беланович

РЕАЛИЗАЦИЯ СИТУАЦИИ УКРАШАТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Проблема глагольной классификации является одной из самых актуальных и дискутируемых в лингвистике. Изучение лексико-семантических групп (ЛСГ) глаголов позволяет формировать их классификации с учетом разных основополагающих признаков. Разнообразие классификаций свидетельствует о неоднозначных подходах в процессе изучения ЛСГ глаголов, представители лингвистических школ и направлений разными путями шли к установлению и обоснованию единства классификаций.

При анализе семантики глаголов ЛСГ «Украшать» мы обращаем внимание на денотативно ориентированную классификацию, т.е. опираемся на лексическую семантику глаголов. Основным способом извлечения семантических признаков глаголов является словарный состав языка, поэтому

выборка глаголов, отражающих значение ‘украшать’, проводилась на основе словаря английского языка и словаря синонимов [Concise Oxford thesaurus, 2002; The Oxford thesaurus: an A – Z dictionary of synonyms, 1991].

В основе принципа отбора глагольных лексем лежит интегральный семантический признак. Под интегральным признаком подразумевается общий признак хотя бы для двух языковых единиц. Результаты анализа глагольных лексем показали, что единица *decorate* ‘украшать’ – to make something look more attractive by putting things on it ‘делать что-либо более привлекательным, размещая на этом вещи’¹ входит в состав содержательного ядра двадцати глаголов и является ведущим интегральным признаком.

Из словаря синонимов английского языка были извлечены двадцать глаголов со значением ‘украшать’: *embelish* ‘украшать’, *adorn* ‘украшать’, *ornament* ‘украшать’, *garnish* ‘украшать (блюдо)’, *embroider* ‘вышивать’, *array* ‘украшать’, *bedeck* ‘украшать’, *deck (out)* ‘наряжать’, *trim* ‘подравнивать’, *dress up* ‘наряжать’, *spruce up* ‘прихорашиваться’, *beautify* ‘приукрашивать’, *fix up* ‘ремонтировать’, *restore* ‘восстанавливать’, *redecorate* ‘ремонтировать, переоформлять’, *renovate* ‘реконструировать’, *refurbish* ‘ремонтировать’, *furbish* ‘очистить’, *revamp* ‘обновлять’, *do up* ‘приводить в порядок’.

Интегральные и дифференциальные признаки глаголов ЛСГ «Украшать» позволяют выделить шесть подгрупп: 1) ‘украшать, выраженная глаголом-гиперонимом to decorate’; 2) ‘украшать, выраженная глаголом-гиперонимом to make’; 3) ‘украшать, выраженная глаголом гиперонимом to add’; 4) ‘украшать при наличии дополнительных характеристик процесса’; 5) ‘украшать при наличии определенной цели’; 6) ‘украшать при включении ситуации через сложный компонент’. Выявленные признаки глаголов исследуемой группы находят отражение в таблице.

Т а б л и ц а
Структура ЛСГ глаголов со значением «Украшать»

Подгруппа «Украшать», выраженная глаголами-гиперонимами <i>decorate</i> , <i>make</i> , <i>add</i>			Подгруппа «Украшать при наличии дополнительных характеристик процесса»	Подгруппа «Украшать при наличии определенной цели»	Подгруппа «Украшать при включении ситуации через сложный компонент»
1	2	3	4	5	6
Adorn	Beautify	Ornament	Adorn	Deck (out)	Dress up
Array	Bedeck		Array	Refurbish	Redecorate
Embellish	Do up		Bedeck	Revamp	Renovate
Furbish	Embroider		Embellish		
Restore	Fix up		Embroider		
Revamp	Refurbish		Garnish		
Spruce up			Renovate		
Trim			Trim		

¹ Здесь и далее перевод дословный.

Наибольший интерес представляют глаголы шестой подгруппы, поскольку в структуре дефиниций данных глаголов содержится сложный компонент, названный таким образом по причине включения через него еще одной ситуации. Рассмотрим эти глагольные лексемы по отдельности.

Dress up ‘наряжаться’ – to wear clothes that are more formal than the ones you would usually wear ‘надевать одежду, которая более формальная, чем та, которую носят обычно’, мы наблюдаем включение ситуации *that are more formal than the ones you would usually wear*, выраженной придаточной частью в структуре дефиниции, через компонент *clothes*: *Little girls dress up as angels for fiestas* ‘Маленькие девочки наряжаются ангелами на праздники’. Вышесказанное позволяет отнести данную глагольную лексему к шестой подгруппе, отражающей сложную ситуацию украшательства.

Глагольная лексема *renovate* ‘реконструировать’ – to repair and paint an old building, a piece of furniture, etc. so that it is in good condition again ‘ремонтировать и красить старое здание, предмет мебели и т.д., чтобы оно снова было в хорошем состоянии’ мы относим к четвертой подгруппе по причине наличия дополнительной характеристики процесса, которая выражена придаточной частью *that it is in good condition again*, что позволяет ее также отнести и к шестой подгруппе, отражая сложную ситуацию украшательства: *He renovates old houses* ‘Он реконструирует старые дома’.

К четвертой и шестой подгруппам глаголов также относится глагольная лексема *redecorate* ‘ремонтировать, переоформлять’ – to paint the inside of a house or put paper on the inside walls when this has been done previously ‘красить внутреннюю часть дома или клеить обои на стены, как ранее’, так как придаточная часть *when this has been done previously* отражает сложную ситуацию украшательства через дополнительную характеристику процесса: *We're redecorating the kitchen* ‘Мы ремонтируем кухню’.

Таким образом, анализ словарных дефиниций глаголов ЛСГ ‘Украшать’ позволил выделить существенные признаки, в которых содержится информация о составляющих процесса, его этапах и участниках, а также заключить, что ситуация украшательства в английском языке является структурно сложной, что не может не отражаться на построении предложений с данными глаголами. Сказанное позволяет определить актуальность и важность проводимых исследований с целью выявления параметров и компонентов, которые учитываются самими носителями языка при построении такого рода высказываний.

В. И. Бельченко

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ СЛЕДСТВИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ: ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ В ПУБЛИЦИСТИКЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Функционально-семантическое поле следствия в немецком языке представляет собой систему языковых средств, выражающих причинно-след-

ственныe отношения. В них выявляется одна из наиболее общих закономерностей языка и мышления, без понимания которой невозможно осмыслить и выразить идеи взаимосвязи явлений, событий и предметов, существующей в природе, а следовательно, и в языке, так как язык является отражением действительности.

Следствие, обслуживающие категорию следствия в современном немецком языке, разнообразны и относятся к разным уровням языка – лексическому и грамматическому. На лексическом уровне следствие получает свое выражение глаголами и существительными с семантикой следствия. Для выражения конзективности на грамматическом уровне служат сложно-подчиненные (с союзом **so dass**, с союзом **dass** и коррелятом **so** в главном предложении) и сложносочиненные предложения с союзными наречиями **darum/deshalb/daher/deswegen**, и союзами **so, also**.

Необходимость изучения специфики реализации ФСП следствия в разных функциональных стилях, в частности в публицистике и художественной литературе, позволяет выявить ключевые особенности выражения следствия и определить их коммуникативную направленность.

Повышенное внимание исследователей к языку газеты объясняется и тем, что газета является средством массовой информации, в котором складываются и формируются основные стилистические приемы и средства, характерные для языка массовой коммуникации, которые впоследствии оказывают влияние на развитие языка в целом. Многообразие современных публицистических текстов создает неисчерпаемую почву для исследования способов выражения любого языкового явления.

Чертами газетно-публицистического стиля являются передача информации, ее достоверность и актуальность, информирование и убеждение читателей. Главной особенностью художественного стиля остается создание образности и эмоционально-экспрессивное воздействие. В художественных текстах нет целеустановки исключительно на объективную передачу информации – сообщение: его текстоформирование должно иметь своим продуктом воздействие, т.е. такое представление сообщаемого содержания, которое вызывало бы у адресата или реципиента определенные образы, эмоции, оценки, сопереживание или отторжение и т.д. Это достигается за счет взаимодействия коммуникативной функции передачи информации со стилистическими функциями – экспрессивной, эмотивной, эстетической, контактной и др. Только так в художественном тексте может решаться в полной мере задача “эмоционально-образного воздействия” как pragматическая установка автора.

Материалом для сопоставительного анализа послужили оригиналы статей немецких журналов «Internationale Politik» объемом 29000 словоформ, 3 рассказа Г. Белля „Die verlorene Ehre von Katharina Blum“, „Der Zug war pünktlich“, „Ende einer Dienstfahrt“, объем которых составляет 135000 словоформ. Основываясь на вышеупомянутой классификации средств выражения следствия, было подобрано 114 примеров употребления средств выражения следствия в публицистическом стиле и 124 – в художественном соответственно.

Исходя из полученных данных можно сделать вывод, что в публицистических текстах наиболее употребительным средством выражения на грамматическом уровне является сложносочиненное предложение с союзными наречиями **deshalb**, **darum**, **daher**, среди которых сложносочиненное предложение с союзными наречиями **deshalb** и **daher** является самым распространенным. ФСП следствия в текстах художественного стиля представлено не так разнообразно, как в газетных текстах, но среди самых употребительных маркеров следственных отношений в сложносочиненных предложениях является союзное наречие **deshalb**.

Diese Frage muss gestellt werden, und deshalb finde ich die deutsche Diskussion sehr einseitig.

Auch in großen Kliniken lässt sich die Zahl der Organspenden im Jahr an einer Hand abzählen. Deshalb sollen die Transplantationsbeauftragten jetzt für ihre Tätigkeit besser freigestellt werden.

Deutschland wird dem Deutschland von heute ganz ähnlich sehen – nur dass alles ein bisschen mehr heruntergewirtschaftet sein wird. Es wird außerhalb von Berlin und München nicht viele junge Leute geben, daher werden viele Städte weniger lebendig wirken.

Er war so lieb gewesen, und deshalb hatte sie ihm gar nichts von dem Ärger erzählt, weil er nicht das Gefühl haben sollte, er sei die Ursache irgendeines Kummers. Die Polizei pflegt ein Profil bei Instagram. Die Fotos sind so süß, dass Profil weltbekannt ist.

Союзные наречия относятся к традиционно-грамматическим средствам обеспечения когезии и выполняют 2 функции: грамматическую и текстообразующую. Их преобладающее употребление в газетных текстах, относящихся к деловой прозе, объясняется функциями данного жанра, а именно передача информации, точность и достоверность ее изложения.

Что касается придаточных предложений с союзами **so**, **also**, **folglich**, то их встречается в полтора раза меньше, чем сложносочиненных предложений с союзными наречиями.

Сложноподчиненные предложения с союзом **dass** и с коррелятом **so** представлены редко в публицистике, но являются самым употребительным средством выражения следствия в художественных текстах.

Dabei wirkte sie planvoll, keineswegs erregt, so überzeugt und überzeugend, daß Else W. und Konrad B. nichts unternahmen.

Es muß hier festgestellt und festgehalten werden, daß Samstagnachmittag und -abend fast nett verliefen, so nett, daß alle – die Blornas, Else Woltersheim und der merkwürdig stille Konrad Beiters – ziemlich beruhigt waren.

Особенностью коррелятов является ослабление собственно понятийного содержания и выдвижение на первый план эмоционального, субъективно-оценочного, образно-экспрессивного. Исходя из этого, особенно ощутима эмоциональная выразительность в художественном стиле, что объясняется его функциями. Корреляты **so**, **derart** в этом случае используются для активизации экспрессивности, эмоционального воздействия, привлечения вни-

мания адресата к последующей информации. Поэтому, синтаксис речи художественного стиля носит отпечаток недостаточной продуманности и спонтанности, что проявляется в непоследовательности и небрежности.

В отобранном корпусе материала наибольшее разнообразие и частотность средств выражения на лексическом уровне представлена в текстах газетно-публицистического стиля (глаголы и существительные с семантикой следствия (*führen zu, folgen, auslösen; Wirkung, Ergebnis, Folge*)).

Die wichtigste und allgemeinste Folge der Ohnmacht ist die Wut, die besonders durch ihre Ohnmächtigkeit gekennzeichnet ist.

Die Diskussionen über Antisemitismus in Frankreich führen in Deutschland zu Unbehagen.

Это объясняется особенностями стиля, которые определены pragmatischen установкой этого типа коммуникации, а именно, уложить большой объем информации в возможно меньшее количество строк.

Также тексты художественного стиля отличаются имплицитным следствием – бессоюзными предложениями.

Diese Dame, seine Kusine ersten Grades, Agnes Hall, deren feines jüngferliches Gesicht eine zarte Schönheit bewahrt hatte, wie sie Ehefrauen gleichen Alters oft versagt bleibt, wohnte seit nunmehr zwanzig Jahren allen öffentlichen Verhandlungen bei die er leitete; jeder kannte sie als »Agnes das Gerichtsmöbel«.

Таким образом, результаты исследования подтверждают, что выбор средств выражения следствия обусловлен коммуникативными задачами стиля. Целью художественного текста является эстетическое воздействие и создание образности, в то время как публицистика больше нацелена на передачу информации.

А. В. Бенедиктович

КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ СЛОЖНОСТИ МЕДИЙНОГО ТЕКСТА

Оценка сложности текста основывается на таких параметрах, как индекс абстрактности, количество слов в предложении, количество слогов в слове, степень нарративности текста, который определяется по соотношению употребления существительных к глаголам. Один из основных параметров – это степень абстрактности текста.

Понятие абстрактности / конкретности в настоящее время находится в фокусе исследований в лингвистике, психологии, педагогике, медицине и ряде других. Рейтинги абстрактных / конкретных слов используются в исследованиях статистических моделей распределения слов, системах ранжирования текстов по сложности для различных категорий читателей, а также в исследованиях грамотности, где рейтинги А / К нацелены на помочь студентам с трудностями обучения.

В связи с этим для различных языков создаются базы данных абстрактных/конкретных слов, в которых каждой единице присваивается слововое значение степени абстрактности. Существуют рейтинги абстрактности, созданные для английского, китайского, французского, итальянского, немецкого, португальского, русского языков.

В основе методологии создания базы данных – проведение психосемантических опросов. Методы квантитативной лингвистики позволяют переводить языковые данные в числовые показатели, это, в свою очередь, делает возможным применение статистических методов, например, нахождение среднего арифметического и стандартного отклонения, анализ распределения оценок, осуществление корреляционного анализа и др. Статистический анализ больших массивов данных позволяет исключать исследовательский субъективизм. Методы квантитативной лингвистики позволяют объективно оценить степень проявления абстрактности в семантической структуре слова.

В современной парадигме языкоznания не существует единой теории классификации языковых единиц на конкретные и абстрактные. Лингвисты прибегают к морфологическим или семантическим критериям различия конкретных и абстрактных существительных. Исходя из морфологического критерия, абстрактными существительными являются языковые единицы, не употребляющиеся во множественном числе. Семантический критерий указывает на смысловые приметы лексико-грамматической группы существительных, то есть на связь между значением слова и обозначаемым объектом. При таком подходе конкретные имена – это слова, называющие предметы материальной действительности, которые доступны зрительному или тактильному восприятию; абстрактные же называют предметы, которые лишены пространственной локализации.

Семантический критерий является ключевым, так как в слове могут сочетаться как признаки конкретности, так и признаки абстрактности, в зависимости от контекста или особенностей восприятия могут быть выражены в большей или меньшей степени.

Важным моментом, определяющим значение слова, является способ его усвоения. Слово может быть приобретено перцептивно, то есть исходя из субъективного опыта (сенсорно-моторный опыт); лингвистически, то есть слово будет восприниматься как часть языка с определенным фиксированным значением; либо комбинацией этих двух способов. Значение слова представляется как взаимодействие различных ассоциаций, которые возникают при декодировании предоставленной лексической единицы.

На основе экспериментальных данных исследователи высказывают также предположение о том, что еще одним фактором различия конкретных и абстрактных слов является скорость их восприятия. Скорость реакций мозга на слово-стимул свидетельствуют о более длительной обработке восприятия абстрактных слов.

Процесс создания рейтинга абстрактных слов на материале английского языка описан в работе (M. Brysbaert, A. B. Warriner, V. Kuperman, 2014).

В данном рейтинге представлены разные части речи: существительные, глаголы, прилагательные, наречия. Абстрактными считаются слова с рейтингом абстрактности от 1 до 3, рейтинг 4–5 является показателем конкретности слова.

На примере фрагмента статьи из газеты “The Guardian”:

THE MAY ELECTIONS (3,17) ARE A PERFECT (1,69) OPPORTUNITY (1,88) FOR NIGEL FARAGE TO PEDDLE HIS POLITICS (2,66) OF GRIEVANCE (2,19)

So what is going on here?

With his trademark (3,13) malevolent (2,19) grin (4,17), he told (2,9) us exactly (2,11) what he is up to during (1,48) an attention- (2,3) seeking (2,74) swing (4,54) through Labour heartlands (2,31) in the north (4,14) of England where Reform is hoping (1,25) to make (2,67) hefty (3,07) gains (2,68) in the local (3,04) elections (3,17).

He cackled (3,63) about “parking (4,74) their tanks on the lawns of the red wall”, a phrase he’s used (2,64) with quite (1,72) such (1,48) an intensity (2,14) of intent (1,52).

The plan (3,4) makes (2,67) sense (2,61).

If he is to advance (2,57) on his stated (2,7) ambition (1,74) to be the next (2,56) prime minister (4,48), it won’t be sufficient (1,9) to get (2,38) the better (1,91) of the Tories in the scrap (4,15) between (2,72) the two of them for traditionally (1,41) rightwing (2,11) voters (3,93).

He’s also (1,83) going (2,69) to need (1,69) to garner (2,38) support (2,83) from at least some of the voters (3,93) who backed (2,43) Labour last (3,04) July (The “Guardian”. 21.04.2025) (в скобках обозначен рейтинг слов по шкале абстрактности / конкретности),

можно проследить ближайший контекст абстрактных существительных и закономерности их сочетаемости в тексте, которые демонстрируют высокую степень абстрактности текста. Существительные, которые в рейтинге определяются как абстрактные, как правило, сочетаются с абстрактными атрибутами: *a perfect (1,69) opportunity (1,88), such (1,48) an intensity (2,14) of intent (1,52), his stated (2,7) ambition (1,74), his politics (2,66) of grievance (2,19)*, которые сужают семантический спектр сочетаний, но представляют существительные как абстрактное понятие.

Сочетаемость абстрактных существительных с глаголами также демонстрирует тенденцию к их сочетаемости с абстрактными лексическими единицами: *Reform is hoping (1,25) to make (2,67) hefty (3,07) gains (2,68); He is to advance (2,57) on his stated (2,7) ambition (1,74); He’s also (1,83) going (2,69) to need (1,69) to garner (2,38) support (2,83)*.

Следует отметить, что и существительные, обозначенные в рейтинге, как конкретные, также могут сочетаться как с абстрактными атрибутами, так и с абстрактными глагольными фразами: *an attention- (2,3) seeking (2,74) swing (4,54); traditionally (1,41) rightwing (2,11) voters (3,93); his trademark (3,13)*

malevolent (2,19) *grin* (4,17). *The plan* (3,4) *makes* (2,67) *sense* (2,61). Однако, такого рода сочетания представлены в значительно меньшем количестве в тексте.

Сочетаемость абстрактных существительных, их окружение и ближайший контекст подтверждает и усиливает их абстрактное восприятие, что в свою очередь повышает степень абстрактности текста в целом.

И. В. Дмитриева

СИНТАГМАТИКА И ПРАГМАТИКА ВЕРБАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ

Группа глаголов говорения, вербальных глаголов, может быть по-разному представлена в общих классификациях семантических типов. Например, в фундаментальной классификации предикатов Ю. Д. Апресяна, которая позиционируется как построенная на строго семантических основаниях, речевые глаголы входят в класс глаголов действия и, хотя обозначаются как «речевые» действия, объединяют достаточно разнородное множество единиц. Как самостоятельные классы они представлены в классификациях М. А. К. Хэллидея, А. Даунинг (где они под названием «вербальных глаголов» рассматриваются в одном текстовом блоке с глаголами существования). Они были объектом пристального анализа в работах Л. М. Васильева (наряду с глаголами мысли, чувства и поведения), их внутренние классификации, основанные на разных критериях, предложены в исследованиях О. Д. Дворник, Р. М. Хазиевой и др.

Формирование номенклатуры глаголов говорения – это важный этап общего изучения данной лексико-семантической группы глаголов; внутренняя диверсификация и выделение подгрупп – это существенный результат описания парадигматических свойств лексико-семантической группы глаголов говорения. При этом их синтагматические характеристики, особенности комбинаторики и комплементации, равно как и прагматический потенциал пока остаются на периферии внимания лингвистов.

Исходя из общего понимания глагола как имени процесса, действия или состояния, отметим, что вербальные глаголы служат именованию не просто процесса говорения. Они, по сути, обслуживают весь процесс речевой (в широком смысле) коммуникации. Центральными единицами в общем списке вербальных глаголов в английском языке являются лексемы *say*, *tell*, *announce*, *ask*, *report*. Тезаурные словари значительно расширяют группу глаголов говорения. Так, для *say* это *speak*, *tell*, *declare*, *state*, *affirm*, *mention*, *allege*, *recite*; для *tell* – *recount*, *relate*, *narrate*; *inform*, *apprise*, *acquaint*, *explain*; *reveal*, *disclose*, *own*, *confess*, *acknowledge*, *discern*; *speak*, *state*, *declare* и многие другие. Список можно продолжить. Но уже эти примеры показывают, что в лексико-семантическом плане вербальные глаголы демонстри-

рут пересечение разнообразных тематических групп, отражающих не только процессы производства речи (собственно «говорения»), но также разные процессы коммуникации, информирования и т.д.

В анализе синтаксических структур остановимся на предложениях с пятью предикатами, отмеченными выше, которые в силу своей семантики и частотности являются достаточно репрезентативными. Языковой материал (предложения с этими глаголами-предикатами) показывает их переходную, часто двухпереходную, природу: (1) *Peter told me the truth*, (2) *The note says "No smoking"*, (3) *The jury announced the name of the winner*, (4) *The clock tells the time*, (5) *Our correspondent reports the exhibition having been opened by the city Mayor*.

В семантическом окружении верbalного предиката обязательным номинативным компонентом является субъект речи, «говорящий», который как видно из примеров совсем необязательно должен представлять собой одушевленную сущность (*Peter, The note, The jury, The clock, Our correspondent*). Но при этом он должен быть значимым и ожидаемым участником ситуации речевого взаимодействия, обладать свойством дискретности или обобщенности (собирательности) и быть способным подавать коммуникативный сигнал, при чем необязательно собственно вербальный звуковой сигнал. В поверхностной структуре этот номинативный компонент может быть формализован посредством имени существительного, именной группы с существительным или иной языковой единицей имеющей значение субстантивности.

Вторым существенным номинативным компонентом является вербиаж – тот информационный блок, который стал объектом коммуникативной передачи посредством процесса говорения (*the truth, "No smoking", the name of the winner, the time, the exhibition having been opened by the city Mayor*). И именно в этой позиции отмечается наибольшая вариативность синтагматического окружения вербальных предикатов. Наиболее ожидаемым в этой позиции является некий дискретный, чаще всего неантропоморфный и даже нематериальный участник, некий коммуникативно-значимый информационный блок. В поверхностной структуре вербиаж формализован, как правило, именем существительным или именной группой с существительным. Однако весьма частотными оказываются употребления, когда этот номинативный компонент семантической структуры предложения имеет в качестве своего денотата не отдельную дискретную информационную сущность, но целую ситуацию, представленную как свернутая или полная пропозитивная структура. На уровне синтаксиса номинация таких встроенных ситуаций осуществляется посредством вторично-предикативных структур (как в примере *Our correspondent reports the exhibition having been opened by the city Mayor*) или придаточных предложений.

Рассмотрим несколько примеров. (6) *A voice announced that the plane was cancelled*, (7) *Mary enquired of the clerk if the museum was open*, (8) *Mother told the boys to be quiet*. В примерах (6) и (7) встроенная ситуация вербализована

придаточными предложениями, в примере (8) – инфинитивной конструкцией, которые на синтаксическом уровне заполняют позицию и выполняют функцию дополнения. Однако в pragматическом плане эти три повествовательные предложения демонстрируют существенные отличия. Предложение (6) является примером типичного декларатива, утверждения. Предложение (7) по сути, является интерроргативом. В грамматических описаниях такие употребления классифицируются как косвенные вопросы, т.е. pragматическое назначение таких предложений-высказываний расширяется и включает два компонента: декларатив и интерроргатив. Предложение (8) иллюстрирует реализацию pragматики директива посредством предложения с глаголом говорения в качестве предиката.

В завершении отметим еще один, возможный, но не обязательный, номинативный компонент семантической структуры предложения с вербальными глаголами – реципиент, это *me* в примере *Peter told me the truth*. На синтаксическом уровне *me* выполняет функцию дополнения. Его ожидаемым характеристиками являются одушевленность, антропоморфность, дискретность или собирательность, а типичным средством вербализации выступает имя существительное или именная группа с существительным.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что pragматическая вариативность предложений-высказываний с вербальными глаголами в качестве предиката порождается потенциальной вариативностью заполнения позиции вербиажа. Это проявляется наиболее эксплицитно при заполнении позиции вербиажа пропозитивными, полными или свернутыми, структурами, денотатом которых выступает не отдельная сущность, но целостная ситуация.

И. В. Дмитриева, А. А. Серая

БЛЕНДЫ В КОММУНИКАТИВНОЙ СТРУКТУРЕ АНГЛИЙСКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В настоящее время английскому языку свойственна высокая степень динаминости и склонность к языковым инновациям, среди которых особое место занимают бланды – лексические единицы, включающие в себя два элемента, реже – три, которые объединяются путем наложения и/или усечения хотя бы одного из компонентов. Если раньше употребление бландов сводилось к немногочисленными сферам (политика, реклама), то в последние десятилетия бланды проникают практически во все сферы коммуникации – от медиадискурса до повседневного общения.

В контексте бландинга не просто генерируются имена для отдельных сущностей, а создаются комплексные понятия. Иными словами, бланды включают в себя несколько идей или аспектов, которые переплетаются и взаимодействуют друг с другом, отражая множественные аспекты явлений современного мира. Как правило, бланды обладают новизной значения и

формы, что способствует усилению экспрессии и влиянию на восприятие речевого сообщения. Эти особенности указывают на необходимость анализа блендов в коммуникативной структуре предложения, т.е. в структуре предложения-высказывания. Соотношение понятий «предложение» и «высказывание» имеет разные трактовки в лингвистической литературе. В нашем исследовании мы исходим из того, что высказывание есть предложение, употребленное в речи и соотнесенное с конкретной ситуацией общения. Компонентами коммуникативной структуры предложения считаются тема и рема (в русскоязычной традиции это «данное» и «новое», в американской – «topic» и «comment»).

Тема считается отправной точкой высказывания, которая связывает отправителя и получателя высказывания. Она опирается на предыдущее сообщение и способствует формированию связности текста или коммуникативного обмена репликами. Рема высказывания опирается на Тему и служит передаче новой информации о Теме. Соответственно, она оказывается коммуникативно более значима, способствует коммуникативному развертыванию не только данного высказывания, но и в целом продвигает сообщение и носит динамический характер.

В ходе анализа было установлено, что в подавляющем большинстве случаев бленды нашей выборки выступают в предложениях в качестве ремы (77,8 %).

1. *Children could be breathalysed under radical new plans to tackle underage drinking.*

2. *I'm gonna be a gallerina again.*

Анализ показал, что в 22,2 % случаев бленды нашей выборки функционируют в предложении в качестве темы.

3. *Marston Park glampsite is a canvas for budding artists, offering tents with a 'light garden', easels, guitars, and live music sets.*

Среди блендов нашей выборки встретились те единицы, которые употребляются в функции темы без дальнейшего пояснения. Предположительно, это связано с высокой степенью узнаваемости и прозрачности структуры и, как следствие, безошибочностью толкования значения.

4. *Chillax, ladies.*

5. *For the record, Labradoodles are hypoallergenic.*

Заслуживают внимания употребления блендов в заголовках новостных статей, где, в некоторых случаях, данные единицы только номинально выполняют функцию темы.

10. *Unicorn, Dragon and Mermaid Frappuccino – Starbucks' latest crimes against coffee.* В данном примере бленд *frappuccino* формально является темой предложения. На самом деле, исходя из контекста употребления бленда становится понятно, что именно в данной единице заключается центральный смысл, а именно представляется информация о новом напитке, который представила сеть кофеен Starbucks. То же самое можно проследить и в следующем примере.

11. *The equally creative portmanteau **infobesity** is very now, capturing the information overload particular to the perfect storm of a 24-hours news cycle and a pandemic with hourly changing data points.* Несмотря на оформление структуры предложения таким образом, что блэнд *infobesity* входит в состав подлежащего, в котором, как принято считать, заключается тематический фокус, данный блэнд, в силу своей креативности и необходимости осмысливания, все же несет рематическую нагрузку, о чем может свидетельствовать и пояснение, следующее за самим блэндом (*the information overload particular to the perfect storm of a 24-hours news cycle and a pandemic with hourly changing data points*).

Более того, стоит отметить, что блэнды нашей выборки, выступающие в качестве темы, могут сопровождаться пояснением не только в медиадискурсе, но и в бытовом дискурсе, представленном в нашем случае репликами героев фильмов и сериалов.

12. *Drunkorexia – socialite disease...it's when you skip dinner and have cocktails instead.*

Это может объясняться рядом факторов: во-первых, их относительной новизной и непривычностью для восприятия. В таком случае рематическая часть предложения будет способствовать раскрытию смысла блэнда, употребленного в тематической части. Во-вторых, как показал предыдущий этап анализа, при экспликации смыслов блэндов могут возникнуть сложности в определении их составных элементов, что приводит к неверному осмысливанию информации, заключенной в номинативной единице. В отдельных случаях, даже при корректном определении мотивирующих компонентов блэндов, вероятно затруднение при понимании или недостаточность понимания целостного смысла, передаваемого блэндом.

Необходимо подчеркнуть, что блэнды, отобранные из медиадискурса, наиболее часто выполняют функцию темы – 32,7 % от общего количества блэндов, употребленных в медиадискурсе, в сравнении в сетевым (15,6 % от общего количества блэндов, употребленных в сетевом дискурсе) и бытовым (7,7 % от всего количества блэндов, употребленных в бытовом дискурсе) дискурсами. Вероятно, такая тенденция обусловлена большей возможностью последующего раскрытия и пояснения значения блэнда, чем в других дискурсах.

Поводя итог, отметим, что одним из факторов, побуждающих к употреблению блэндов в рематической части предложения может быть их высокая информативная насыщенность и новизна как лексических единиц. Это, в свою очередь, требует интерпретации и когнитивных усилий со стороны адресата, что позволяет усилить коммуникативный эффект.

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ТРЕВЕЛ-БЛОГАХ

Под тревел-блогом традиционно понимается специфический вид текста, одна из разновидностей блога, где основной контент посвящен путешествиям и личным впечатлениям автора о них. По сути, это рассказ о конкретном путешествии или серии путешествий, часто дополненный фотографиями и другими медиа-материалами.

Современные тревел-тексты могут создаваться в различных жанрах: путевой очерк, путевая заметка, репортаж, комментарий, портретное интервью и интервью-беседа, обозрение, отчет и рекомендация (Тертычный А. А., 2002). В зависимости от интенции автора они делятся на два типа: информационно-познавательные и информационно-рекламные тревел-блоги.

Для анализа современных немецкоязычных тревел-блогов были отобраны блоги 10 наиболее популярных блогеров, содержащие описательные и рекомендательные тексты.

В ходе анализа средств выражения темпоральности на себя обратил внимание тот факт, что независимо от автора, такого рода описательные тексты, как правило, написаны в форме презенс, так как с ее помощью описываются места и их особенности:

Sevilla ist eine lebendige Stadt...

Bali ist ein beliebtes Reiseziel für Strandliebhaber.

Die Wüste ist voller Geheimnisse.

Lissabon ist eine Stadt der sieben Hügel.

Die Straßenbahn 28 fährt durch die malerischsten Viertel.

Часто данная временная форма служит для описания вневременных явлений, философских обобщений:

Hier gibt es keine Eile, nur den Rhythmus der Gezeiten.

Die Wüste lehrt uns Geduld.

Reisen verändert nicht nur Orte, sondern uns selbst.

Jeder Schritt fühlt sich wie eine Entscheidung an.

Ей же оформляются советы:

Hier kannst du authentische Tapas probieren.

Форма перфект, как правило, **указывает** на личные впечатления автора, его опыт:

Ich habe diese Route selbst ausprobiert und kann sie empfehlen.

Ich habe diesen Ort besucht und war begeistert.

Другие формы прошедшего времени практически не используются, лишь иногда встречается претеритум, в основном, в исторических справках:

Die Kathedrale wurde im 15. Jahrhundert erbaut.

Die Burg wurde im 12. Jahrhundert erbaut.

Изредка форма претеритум используется для описания личных воспоминаний: *Ich stand damals an diesem Kai und wusste nichts von dem Sturm.*

Форма будущего времени (футур I) иногда используется для прогнозов, обещаний и советов:

Du wirst diese Stadt lieben!

Wer hierher kommen wird, wird die Spuren unserer Anwesenheit finden.

Ich werde sicher wieder hierher kommen.

Du wirst diese Reise genießen!

Из наречий времени наиболее часто используются наречия, указывающие на временной период, без точной временной отнесенности:

früh – *Komm früh, um Warteschlangen zu vermeiden.*

spät – *Die Bars sind bis spät in die Nacht geöffnet.*

oft – *Hier findet oft Live-Musik statt.*

morgens – *Markt ist morgens am lebendigsten.*

normalerweise – *Normalerweise ist es im Sommer sehr voll.*

В первую очередь такого рода наречия служат для уточнения времени посещения, длительности. Аналогичным образом используются и существительные, указывающие на определенные временные отрезки:

Abend – *Am Abend wird die Kathedrale beleuchtet.*

Tag – *Ein Tag reicht nicht, um alles zu sehen.*

Saison – *In der Hochsaison ist es überfüllt.*

Использование отдельных глаголов с семантикой времени демонстрирует зависимость от вида тревел-блога: в описательных повествованиях преимущественно используются глаголы, указывающие на начало, окончание и продолжительность действия, т.е. структурирующие поездку, например: *Die Führung beginnt um 10 Uhr. / Die Show dauert zwei Stunden. / Die Wanderung dauert den ganzen Tag.* В блогах, описывающих личные впечатления и выполняющих функцию репортажей, предпочтение отдается глаголам, позволяющим описать личные впечатления и эмоции: *Die Zeit verging wie im Flug. / Ich habe so viel erlebt. / Manchmal musste ich stundenlang warten.* При этом их использование демонстрирует четкую корреляцию с преимущественным выбором формы прошедшего времени.

Таким образом можно отметить, что авторами описательных тревел-блогов преимущественно используется форма настоящего времени для создания эффекта непосредственного присутствия, так как блог выполняет функцию «гида» в реальном времени, что помогает читателю представить себя в путешествии. Наречия времени, существительные и глаголы с семантикой времени помогают читателю сориентироваться и структурируют повествование, делая его более практичным и полезным для планирования поездки. Только лишь в жанре тревел-сторителлинга используемые наречия времени передают эмоции и чувства (например, *plötzlich, endlich*), а глаголы и существительные служат для описания личных впечатлений.

КАТЕГОРИЯ ЗАЛОГА В ЗАГОЛОВКАХ БЕЛОРУССКО- И НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Категория залога представляет собой важный грамматический и стилистический инструмент, который позволяет многообразно структурировать информацию в предложении, акцентируя внимание либо на субъекте действия, либо на самом действии или его объекте. В публицистических текстах, особенно в заголовках, выбор залога играет ключевую роль в формировании воздействующего потенциала сообщения.

Залог – грамматическая категория, отражающая отношение между действием, его субъектом и объектом. Традиционно выделяют активный (действительный) залог, где субъект является агентом действия, и пассивный (страдательный) залог, благодаря которому центром высказывания становится объект, субъект же может опускаться. В некоторых языках существует также средний залог (медиальный), представляющий собой нечто среднее между действительным и страдательным залогами. Медиальный залог показывает, что действие субъекта направлено на самого себя.

Белорусский и немецкий языки, принадлежащие к разным языковым группам (славянской и германской соответственно), демонстрируют как сходства, так и различия в способах выражения залога.

В белорусском языке категория залога передается преимущественно посредством глагольных форм: активный залог выражается прямым порядком слов: подлежащее → сказуемое → дополнение («*Беларусбанк адкрыў новы філіял у Гродне*»). Пассивный же залог образуется при помощи глагола «быць» + страдательного причастия («*Дзякуючы герайчным учынкам людзей былі вызвалены гарады і гарадскія паселкі*»), а также через возвратные глаголы («*Як з 1 студзеня 2025 года ўзмацнілася падтрымка сем'яў з дзецьмі?*»).

Немецкий язык обладает более развитой системой пассивных конструкций, которая включает в себя: активный залог (*Aktiv*), обозначающий действие, выполняемое субъектом и направленное в большинстве случаев на объект; пассивный залог (*Passiv*), который, в свою очередь, делится на процессуальный пассив (*Vorgangspassiv*), описывающий действие, направленное непосредственно на сам субъект, а также статический пассив (*Zustandspassiv/Stativ*), который обозначает состояние субъекта, наступившего вследствие выполненного действия. Процессуальный пассив образуется при помощи глагола «*werden*» в соответствующей форме и *Partizip II* (причастия II) («*Der Frieden muss vernichtet werden*»). Статический пассив состоит из глагола «*sein*» и также *Partizip II* («*Warum CEOs gegen Rechtsextremismus besonders gefordert sind*»).

Что касается употребления того или иного залога в немецких и белорусских публицистических заголовках, можно проследить явные сходства,

обусловленные как грамматическими особенностями языков, так и прагматическими целями журналистики. Анализ заголовков публицистических текстов СМИ показывает, что как в немецком, так и в белорусском языках в равной степени употребляется преимущественно активный залог («*Olaf Scholz ruft zu Toleranz auf*», «*Kabinett beschließt niedrigere Hürden für Einbürgerung*»; «*Сяргей Алейнік 14 студзеня правеў асабісты прыем грамадзян*», «*Выставу «Мая Беларусь» наведалі больш за 300 тысяч чалавек*»). Благодаря активному залогу журналисты четко обозначают инициатора действия, придают сообщению динамизм.

С другой стороны, немецкий язык характеризуется также частым использованием пассивного залога в публицистических текстах – преимущественно в новостных (информационных) жанрах («*Das war die RAF – und diese Verdächtigen werden noch gesucht*»). Так, пассивный залог позволяет сделать акцент на самом событии, а не на его инициаторе. Социальные новости часто нацелены на то, чтобы подчеркнуть факт изменения, а не того, кто его осуществил. Например, заголовок «*Preise werden erhöht*» концентрирует внимание на экономическом явлении, а не на правительстве или компании, ответственной за это решение.

Благодаря развитой системе пассивных конструкций в немецком языке, включая процессуальный (Vorgangspassiv) и статический (Zustandspassiv) пассив, пассивный залог является важным инструментом для передачи безличных действий. В отличие от белорусского, в немецком допустимы конструкции без указания субъекта, что соответствует традиции нейтральной, объективной подачи новостей («*Es müssen mehr und bezahlbare Wohnungen gebaut werden*»)

Пассивный залог также часто используется в случаях, когда источник информации неизвестен или намеренно скрывается («*Zehntausende bei Demo gegen Rechtsextremismus erwartet*»).

В белорусской публицистике активный залог значительно преобладает, поскольку в белорусском языке он более естественен для передачи прямых действий. В отличие от немецкого, белорусский пассив чаще требует указания агента (например, творительного падежа: "Рашэнне было прынята ўрадам"), что делает конструкции более громоздкими. Поэтому журналисты предпочитают краткие активные формы («*Брэсцкая пошта звязае сэцы*»).

В белорусской традиции СМИ (особенно в новостных и аналитических жанрах) важно указывать источник информации. Читатель ожидает ясности: кто именно совершил действие. Это связано с культурой доверия к медиа: заголовок «*На якіх пытаннях акцэнтаваў увагу Iгар Сергяенка падчас пасяджэння Савета Палаты прадстаўнікоў*» звучит убедительнее, чем безличное «*Было акцэнтавана...*».

Тем не менее, пассивный залог в белорусских заголовках тоже встречается, особенно в официальных сообщениях и случаях, когда нужно подчеркнуть результат, а не процесс. Например: «*Новы закон уступіў у сілу*» – здесь важен факт, а не то, кто его подписал.

Таким образом, выбор залога в немецких и белорусских заголовках определяется как грамматическими возможностями языков, так и pragматическими задачами журналистики. Немецкие СМИ чаще используют пассив для нейтральности и акцента на событиях, а белорусские – актив для ясности и динамичности. Однако в обоих случаях отклонение от нормы служит конкретным коммуникативным целям.

С. В. Кондракова

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Категория образа действия (способа действия) – это функционально-семантическая категория, выражающая характер протекания действия или способ его осуществления. Данная категория охватывает различные языковые средства, относящиеся к грамматическому и лексическому уровням и выполняющими в предложении синтаксическую функцию обстоятельства образа действия.

К средствам выражения образа действия на грамматическом уровне относятся сложноподчиненные предложения с союзами *что*, *чтобы*, *словно*, *точно* и союзным словом *как*; сложносочиненные предложения с союзами *и*, *а*, *да*, *(и) при том*, *(и) при этом*, *причем*; деепричастия и деепричастные обороты, предложные группы с предлогами *в*, *по*, *с*, *без*, существительными в падежной форме (*в отчаянии*, *без страха*, *с восторгом*), в том числе в сочетании с определением (*нежнейшим движением*, *громким голосом*).

Средствами выражения образа действия, относящимися к лексическому уровню, являются наречия образа действия (*неожиданно*, *безразлично*, *лениво*) и фразеологизмы (*сломя голову*, *спустя рукава*).

Материалом для исследования особенностей функционирования средств выражения образа действия в художественных текстах послужили произведения современных русских писателей «Одна из многих» В. С. Токаревой, «Непобедимое солнце» В. О. Пелевина и «Зеленый шатер» Л. Е. Улицкой. Всего для анализа методом текстовых проб было отобрано 272 средства выражения образа действия.

В ходе исследования установлено, что категория образа действия выражается в проанализированных художественных текстах различными грамматическими и лексическими средствами, выполняющими в предложении синтаксическую функцию обстоятельства образа действия. Обстоятельства образа действия обозначают качество действия, состояния, а также способ совершения действия или проявления признака.

Приведенная ниже таблица отображает частотность употребления средств выражения образа действия на грамматическом и лексическом уровнях.

Частотность употребления средств выражения образа действия
в русскоязычных художественных текстах

Уровень	Средства выражения образа действия	Абсолютная частотность	Относительная частотность, %
Грамматический	Сложноподчиненное предложение	11	4,0
	Сложносочиненное предложение	3	1,1
	Деепричастие	3	1,1
	Деепричастный оборот	32	11,8
	Предложные группы	56	20,6
	Существительные в падежной форме	17	6,25
Лексический	Наречия образа действия	138	50,7
	Фразеологизмы	12	4,4

Анализ показал, что наиболее употребительными в текстах трех авторов оказались лексические средства, составив 55,1 %. Лексические средства представлены в художественных текстах наречиями образа действия (50,7 %) и фразеологизмами (4,4 %), например:

По дороге Ганс-Фридрих ядовито и смешно издавался над индийскими гуру, торгующими «просветлением».

Она ходила в газонах на босу ногу.

Грамматические средства выражения образа действия составляют 44,9 %, при этом самыми частотными являются предложные группы (20,6 %), например:

Наташка смотрела на дачницу с отчаянием и надеждой, как перед расстрелом.

Анжела вытаскивала без разбора и читала, читала.

Следующим по частотности грамматическим средством выражения образа действия являются деепричастные обороты, составив 11,8 %, например:

Тамара сидела перед тарелкой с жидкой яичницей и ела, еще досматривая сон.

Менее употребительными оказались существительные в падежной форме (6,25 %) и придаточные предложения (4,0 %), например:

Мама Раиса Ильинична нежнейшим движением проталкивала редкий гребень сквозь ее волосы, стараясь не слишком дратить этот живой войлок.

Парень в дальнем углу продолжал свою медитацию, будто ничего не случилось.

Наименее частотными средствами выражения образа действия на грамматическом уровне оказались сложносочиненные предложения и деепричастия.

Таким образом, можно отметить, что в проанализированных художественных текстах категория образа действия выражается в равной степени лексическими и грамматическими средствами. Следует отметить, что специ-

фика их использования обусловлена прагматикой художественных текстов. Употребление средств выражения образа действия в художественных текстах направлено на создание образности и экспрессивности, что соответствует прагматике данного типа текстов.

Н. В. Курбаленко

К КАТЕГОРИЯМ КАУЗАТИВНОСТИ И КАУЗАЛЬНОСТИ

Многочисленные описания категории каузативности характеризуются разным терминологическим аппаратом, что свидетельствует о неоднородности данной категории и о трудностях в определении ее сущности.

При установлении онтологической основы категории каузативности используются разные термины: *каузация, каузативность, каузальность, причинность, причинно-следственные отношения*. Термины *каузация, каузативность* и *каузальность* восходят к латинскому слову *causa* ('причина', 'основание', 'побудительное начало'). Уже в семантике этого слова отражена неоднозначность и разнообразие отношений и, соответственно, типов причинной связи, существующих между реалиями окружающего нас мира. С одной стороны, это такое отношение между ситуациями, когда наличие одной ситуации обусловливает реализацию другой, но одновременно это и такая связь между двумя субстанциями, при которой одна из них побуждает другую к действию.

Неоднозначность скрывается и за русскими терминами *причинность* и *причинно-следственные отношения*. Как известно, категория причинности отражает процессы, явления и действия, которые существуют в реальном, не зависящем от нас мире, и обозначает генетическую связь между отдельными состояниями предметов объективной действительности. Преломляясь в человеческом сознании, логическая категория причинности, сущностью которой является производство причиной следствия, находит свое выражение в языке. Причинность становится лингвистическим понятием, лингвистической категорией. Соответственно, за выше приведенными терминами может скрываться разное содержание, возможности различной интерпретации которого, с одной стороны, обусловлены разнообразными видами данного типа отношений, а с другой стороны, связаны с обозначением: а) причинно-следственных связей как отношений между объектами реального мира, б) логической категории, сформировавшейся как отражение данного типа отношений в нашем сознании и, наконец, в) с обозначением языковой категории.

Терминологическая неоднозначность влечет за собой нечеткость и размытость предлагаемых построений и лежит в основе многочисленных трудностей в исследовании каузативности. Ряд лингвистов использует термины *каузация, каузативность, каузальность, причинность* и *причинно-следственные отношения* в качестве синонимов, приравнивая их друг к другу,

поскольку онтологически они едины ([11], [22], [46], [66], [190] и др.). Однако в лингвистическом обиходе и при синонимичном использовании этих терминов за ними часто стоят разные понятия. Так, О. А. Хлебцова называет каузативностью семантическое свойство лексических и синтаксических единиц выражать причинно-следственные отношения между реалиями объективной действительности (О. А. Хлебцова, 1986). Несколько иной смысл в термин *каузативные отношения* вкладывают В. П. Недялков и Г. Г. Сильницкий. Используя данный термин также в качестве синонима термину *причинно-следственные отношения*, они отмечают побудительный смысл каузативных конструкций (В. П. Недялков, Г. Г. Сильницкий, 1969).

Осознавая, что причинные связи и отношения не однородны, исследователи пытаются показать их формальные и семантические различия, интерпретируя их при этом как конституенты одной категории – каузативности. Так, Н. К. Онипенко устанавливает между глагольными и неглагольными (предложно-падежными) каузативными конструкциями русского языка ряд существенных отличий в способе представления каузативной ситуации – с точки зрения непосредственного наблюдателя и с точки зрения логически мыслящего субъекта, которому в непосредственном наблюдении дано только следствие, т.е. перспективное представление каузативной ситуации и ее ретроспективное представление. Отталкиваясь от указанных семантических различий, Н. К. Онипенко предлагает рассматривать именные предложно-падежные формы, выражающие отношения причинения, как способ образования ретроспективных каузативных конструкций, а глагольные каузативные конструкции – как перспективное представление каузативной ситуации (Н. К. Онипенко, 1985).

По такому же параметру различают глагольные и именные причинные конструкции В. П. Недялков и Г. Г. Сильницкий, обозначая именные конструкции как «инверсивные», глагольные – «неинверсивные». Таким образом, исследователи устанавливают неоднородность глагольных и именных причинных конструкций не только в синтаксическом, но и в семантическом плане.

Наряду с исследованиями, в которых категория каузативности предстает как единая, хотя формально и семантически неоднородная категория, имеются работы, в которых содержится попытка закрепить за разными подсистемами языковых средств обозначения каузации и ее семантических разновидностей разные термины. Например, Т. А. Лапунина, исходя из того, что синтаксические конструкции различаются по способу представления связи между двумя ситуациями, одна из которой вытекает из другой, разделяет их на каузативные и каузальные. Каузативные конструкции выражают эту связь в рамках одной пропозиции. Каузальные конструкции выражают подобную связь в рамках двух различных пропозиций, хотя одна из них может быть «свернута», представлением этой пропозиции на уровне поверхностного синтаксиса является обстоятельство причины в простом предложении (Т. А. Лапунина, 1998).

Необходимо отметить, что введение в лингвистический обиход новых терминов, зачастую без должного их разграничения, еще больше усложняет задачу выявления сущности каузативных отношений в языковой системе. В лингвистике нет единого взгляда на синтаксическую природу каузативных и каузальных конструкций. Так, одни лингвисты видят отличие каузативных конструкций от каузальных в том, что в них вводится дополнительный предикативный план и тем самым происходит усложнение исходных моделей. Другие трактуют возникновение каузативных конструкций как процесс синтаксической деривации с введением дополнительного оператора каузации.

Возникающие вследствие этого неоднозначность и неясность трактовки терминов, особенно терминов *каузация*, *каузативность* и *каузальность*, привела целый ряд исследователей к осознанию необходимости их разграничения. Однако пути, по которым это разграничение осуществляется, разные. Так, в лингвистической литературе имеется концепция, согласно которой термины *каузация*, *каузативность* и *каузальность* интерпретируются как родо-видовые обозначения причинно-следственных отношений, при этом каузация является наиболее обобщенным, родовым, понятием, объединяющим две качественные разновидности: каузальность как причинение через обусловленность и каузативность как причинение через побуждение (В. Ф. Веливченко, 1990).

Другие исследователи считают, что термины *каузативность* и *каузальность* различаются прежде всего по объему своего содержания и характеризуются отношениями включения, при этом каузальность как значительно более широкое понятие охватывает значение каузативности (А. П. Комаров, 1970).

Заключая краткий обзор существующей терминологии, хотелось бы подчеркнуть следующее. Продемонстрировав трудности в выявлении всех типов причинно-следственных отношений, находящих свою фиксацию в языке, их разнообразие как в плане семантики, так и в плане грамматического выражения, проведенные исследования показывают, что в языке находят отражение и связь реальных явлений (само по себе причинное значение), и логическая связь основания-следствия (значение обоснования или основания). На этом и основаны попытки разграничения терминов *каузативность* и *каузальность*, четкая грань между которыми затемняется следующим обстоятельством. Причинно-следственная связь и логическая связь основания-следствия (а также шире – отношения логического обоснования, которые могут включать и некоторые другие значения) часто имеют одни и те же формы языкового выражения и объединяются в лингвистике в общую категорию каузативности у одних исследователей или же в общую категорию каузальности у других, или подразделяются на две категории у третьих.

С целью однозначной интерпретации языкового материала предлагаем следующие определения. Под *каузальностью* мы понимаем такое соотношение двух ситуаций, при котором одна из них является причиной и неизбежно

вызывает другую в качестве следствия, т.е. причинение через обусловленность. *Каузативность* – это такой тип отношений, выражаемых в языке, при котором имеет место воздействие, оказываемое на объект со стороны субъекта с целью исполнения объектом какого-либо действия или изменения его исходного состояния, т.е. причинение через побуждение.

А. М. Леус

ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ РЕЧИ КАК ПРИЗНАК ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (на материале немецких интервью)

Эмоции характерны для любого человека. Как справедливо отмечает В. И. Шаховский, «каждая языковая личность, независимо от ее культурных различий, переживает одни и те же базовые эмоции, и это объединяет людей; эмоции делают людей разных культур более / менее похожими друг на друга и также делают нас уникальными в силу индивидуального варьирования базовых и иных эмоций» (Шаховский, 2008). Как показывают многочисленные исследования, эмоциональная сфера человека и способы ее проявления характеризуются гендерной дифференциацией. Формы проявления эмоциональных переживаний и их содержание детерминируются не только психофизиологическими механизмами, но и социокультурными нормами поведения. Сфера эмоций человека и способы их выражения социально обусловлены, так как в процессе социализации у человека формируются знания об эмоциях, умение их контролировать, закладываются возможные и допустимые окружением способы их проявления (Колпакова, 2018). Являясь составляющей частью коммуникации, эмоции выражают оценочное отношение к происходящим событиям, а также к самому себе и находят свое отражение в речи говорящего мужчины или женщины. Дальнейшей задачей исследования было выявление гендерной специфики эмоциональной сферы на основе лингвистического анализа речи мужчин и женщин. Материалом для анализа послужил речевой материал из мужских и женских интервью на немецком языке по аналогичной тематике из сети Интернет. В результате анализа интервью были выявлены гендерные различия в использовании языковых элементов, выражающих эмоциональность говорящего.

1. Среди эмоционально-оценочной лексики женщин и мужчин имели место лексемы со значением эмоций. Однако их количество в женской речи значительно больше и интенсивность выраженных эмоций данными лексемами выше. Например: 1) *Ania macht oft Tango mit Worten, ich lieb die düstere Atmosphäre und so weiter.* 2) *Aber ich hatte das Glück, eine wunderbare Co-Autorin zu haben.* 3) ...*war ich so begeistert, dass ich Tania fragte*“.

В примере из мужской речи на первый план выходит не эмоция, хотя она и присутствует, а предметность речи: 1) *Auf dem Weg zur Arbeit freue ich*

mich am meisten auf neue Herausforderungen. 2) Es reizt mich, immer wieder neuen Aufgaben gegenüberzustehen und neue Lösungswege zu finden und aufzuzeigen.

2. Довольно часто женщины склонны к интенсификации прежде всего положительной оценки. Например: 1) *ein wahnsinnig offener, warmherziger, impulsiver Mensch*; 2) *Wir vertrauen uns da gegenseitig total*. 3) *eine grandiose Autorin; ein sagenhaft schlechtes Gedächtnis*.

Для мужчин в интенсификации характерна мускульность: 1) *felsenfest überzeugt; sehr verantwortungsvoll behandelt; recht schnell; sehr stark überzeichnet* 2) *Für Kinder ist die digitale Welt ein gigantischer Spielplatz*.

3. В качестве интенсификатора у женщин выступают слова в переносном значении. Например: *Genau, und diese Geschichte hat mich umgehauen und zum Weinen gebracht*.

4. Чтобы выразить свои эмоции более красочно и передать слушающему яркий образ, женщины привлекают в свою речь тропы, как то: метафоры, эпитеты и т.д. Например: 1) *Ich hoffe nur, dass Tania nicht irgendwann die Nase voll von mir Schnecken-Autorin hat*. 2) ... *diese Geschichte hat mich umgehauen*. 3) *Deshalb bricht es mir das Herz* 4) ... *welches Potenzial in ihnen schlummert*. В мужской речи частота использования тропов намного ниже: *Wir Erwachsenen müssen uns alle das Lesen zurückerobern*. При этом, как показывает наше исследование, эпитеты в меньшей степени несут эмоциональную окраску, а определяют количественные и параметрические отношения. Например: *völlig normal, verantwortungsvoll, pünktlich, interessant, gut, gigantisch, richtig, wichtig, fair*.

5. Чtot касается наличия фразеологизмов, прямо или опосредованно представляющих эмоциональное внутреннее состояние человека, его настроение, эмоции, характер, то в интервью мужчин и женщин они используются не часто. Но тем не менее в женской речи их было обнаружено больше, чем в мужской. Например: 1) *Antje fand den gut, und dann hat sie den fantastischen französischen Namen Olympe auf den Tisch geworfen*. 2) *Mein Herzensanliegen ist es*, ... В мужской речи встретились следующие примеры фразеологизмов: 1) *Ich muss mich als Lehrer aber daran halten, was mein Dienstherr sagt*. 2) *Manchmal bin ich aber auch echt schusselig*.

Для выражения положительной оценки женщины часто используют экспрессивные синонимы прилагательного *gut*, например: *sympathisch, toll, wunderbar, grandios, schön, super, fantastisch*, что не характерно для мужчин.

Наряду с синонимами в качестве интенсификаторов могут выступать наречия степени *sehr, stark*. В употреблении этих языковых единиц также прослеживается гендерное различие. Женские тексты отличаются большим разнообразием лексем-интенсификаторов, женщины используют слова *wahnsinnig, ganz, total, einfach, super, echt, sagenhaft, unendlich, extrem*. Словарный запас мужчин в этом отношении ограничен лексемами *sehr, echt, ungemein, ziemlich, völlig*.

В речи женщин больше компаративных и суперлятивных форм прилагательных. Например: *Vor allem aber ist sie der kollegialste Mensch, den ich kenne.*

Эмоциональная насыщенность речи на синтаксическом уровне проявляется в использовании женщинами большого количества восклицательных предложений. Восклицательные предложения являются интенсивной синтаксической формой эмоциональности. Например: 1) *Du solltest Jugendbücher machen!* 2) *Jugendbücher sind toll!* 3) *Du kannst das!* 4) *Tania: Never! Schnecken sind toll!*

Как показал анализ синтаксических структур женских и мужских интервью, синтаксис женской речи чаще представлен развернутостью предложений, а мужской сложностью. Пример из женской речи: *Es ist paradox, wie sehr wir „das Leben an sich“ in Europa um jeden Preis zu schützen suchen und alles dafür tun, möglichst lange zu leben, während wir gleichzeitig Menschen, die nichts anderes möchten, als in Sicherheit zu leben, behandeln, als wären sie es nicht wert, als wäre ihr Tod nicht schlimm, als wären sie Unfälle oder gar Kollateralschäden.* Пример из мужской речи: *Davon bin ich felsenfest überzeugt, weil ich aus Erfahrung weiß, dass es für jedes Problem die passende Lösung gibt.* Как видно из примеров, слов в женском предложении намного больше чем в мужском. Мужчины чаще используют подчинительную связь, а женщины сочинительную.

В женской речи можно чаще встретить повторы. Например: *Ich lebe gerne hier, weil ich in dieser Region aufgewachsen bin, meine Familie hier lebt und ich mich hier meiner Heimat verbunden fühle.* Повтор является признаком увлеченного, эмоционального человека, о чем свидетельствует содержание приведенного нами примера.

Таким образом, проанализированный материал дает нам основание считать, что, мужчины и женщины с различной интенсивностью и различными способами выражают свои эмоции. Для женской речи характерно более яркое проявление эмоций, их речь характеризуется наличием большого количества эмоционально оценочной лексики, частое использование мета-фор, эпитетов. Женский синтаксис отличается наличием восклицательных предложений, повторов, развернутостью предложений, использованием сочинительной связи. Мужской речи, наоборот, присуща сдержанность, меньшая эмоциональность. Мужская оценочная лексика чаще всего стилистически нейтральна. С точки зрения синтаксиса, следует отметить, что для мужской речи характерно использование подчинительной связи, более коротких предложений, но логически сложных.

ВОЗМОЖНОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ГЛАГОЛА *CHANGE*
И СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО *A CHANGE*
В УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЯХ

Английский многозначный глагол *change* ‘(из)менять(ся)’ можно считать центральным в лексико-семантической группе глаголов, используемых для описания всевозможных процессов и действий, связанных с преобразованиями, переменами различного рода. Как показывает анализ данных толковых и тезаурусных словарей, он наиболее последовательно и широко передает значение изменения. Его семантическая парадигма насчитывает 13 значений, начиная от лексико-семантического варианта *to become different* ‘становиться другим’ или *make someone or something become different* ‘делать кого-то/что-то другим’ до более узкого значения *to put clean sheets on a bed* ‘перестелить постель’. В свою очередь, существительное *a change* ‘изменение, перемена’ также характеризуется широкой семантикой и разнообразием значений.

В настоящем исследовании нами предпринимается попытка определить возможности использования указанных языковых единиц в устойчивых выражениях/идиомах.

Отметим, что в составе устойчивых сочетаний как глагол, так и имя существительное могут придавать определенную эмоциональную и смысловую окраску выражению в целом. Рассмотрим некоторые примеры, зафиксированные в различных лексикографических источниках.

Английское выражение гласит *change is as good as a rest*. Его можно истолковать следующим образом: ‘лучший отдых – смена деятельности’. Например:

(1) *Well, I gave my mind a thorough rest by plunging into a chemical analysis. One of our greatest statesmen has said that a change of work is the best rest. So it is* ‘Что ж, я дал своему мозгу полноценный отдых, погрузившись в химический анализ. Один из наших величайших представителей власти сказал, что смена деятельности – лучший отдых. Так и есть’.

Далее остановимся на идиоматическом выражении *a leopard cannot change its spots*. Интересно, что на русский язык его можно перевести с помощью сразу нескольких фразеологизмов: «сколько волка не корми, все равно в лес смотрит», «горбатого могила исправит», «черного кобеля не отмоешь добела». При этом значение остается неизменным, отражающим трудность перемены человека в силу его укоренившихся привычек и характера в целом. Например:

(2) *They'd have let us down sooner or later anyway. The leopard can't change his spots* ‘Рано или поздно они бы все равно нас подвели. Горбатого могила исправит’.

Обратим внимание на еще одно высказывание, соответствующее хорошо нам знакомому фразеологическому обороту «семь пятниц на неделе». Оно определяет человека как довольно непостоянного и ветреного. По-английски оно звучит как *somebody changes his mind at the drop of a hat*.

Сочетание *chop and change* используется преимущественно в неформальной обстановке в значении ‘постоянно и резко менять свое мнение или поведение, часто без уважительной причины’. И *chop*, и *change* первоначально обозначали ‘бартер’, ‘обмен’ или ‘куплю-продажу’. Однако по мере того, как данное толкование слова *chop* устарело, смысл всего выражения изменился на нынешний.

В Полном англо-русском фразеологическом словаре А. В. Кунина зафиксировано такое выражение, как *not to get any(much) change out of somebody*. Автор объясняет его как «ничего не добиться от кого-л.; не суметь переубедить кого-л.» (А. В. Кунин, 1984). Хотя данное сочетание свойственно разговорной речи, приведем пример из художественной литературы:

(3) *Didn't get any extra change out her,' commented of Battice* (A. Christie. Cards on the Table) ‘Никаких новых сведений у нее [миссис Лоример] мне получить не удалось, – сказал Баттл’.

В этом же словаре встречается идиома *take one's change out of* ‘отомстить, воздать должное’. Например:

(4) *I should certainly have taken my change out of the airs she continually gave herself* ‘Мне, конечно, следовало бы отомстить ей за то, что она так важничала’.

Далее отметим, что устойчивое сочетание *ring the changes (on)* имеет два абсолютно разных значения. Первое из них – ‘вносить мелкие изменения, не затрагивать главного’ (5), а второе – ‘повторять на все лады’ (6):

(5) *You see, you ring the changes, and people think you have a new gown on* ‘Вносишь какое то разнообразие, а люди думают, что у тебя новое платье’.

(6) *Do you suppose I can spend centuries dancing, listening to flutes ringing changes on a few tunes and a few notes* ‘Вы думаете, я могу бесконечно танцевать и слушать, как флейты все время повторяют несколько одних и тех же мелодий?’

Для определения высшего уровня точности и качественности выполненной работы можно использовать несколько синонимичных выражений: *I wouldn't change it in the slightest (at all); [of a piece of writing only] (there's) not a word to be changed; you cannot (I wouldn't) change a single word*. Например:

(7) *The report came out perfect – it's well written, all the particulars are included. You cannot change a single word* ‘Репортаж получился отличный: хорошо написан, все детали на месте. Как говорится, ни убавить, ни прибавить’.

Таким образом, нами выявлена широкая возможность образования устойчивых сочетаний, в том числе идиоматических, с глаголом *change* и существительным *a change*. Это, вероятно, связано с тем, что в английском языке нет приставочных образований с данными единицами, что компен-

сируется их большей свободой в плане сочетаемости с различными лексическими группами и, соответственно, большей свободой образования фразеологических оборотов.

М. В. Миронович

ХАРАКТЕРИСТИКА МОДАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА В СТРУКТУРЕ НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ

Исследование художественного текста в последнее время включает ориентацию на его прагматику. В целом это выглядит так, что в центре внимания современных лингвистических исследований находится не только и не столько описательная модель языка и система нормативных законов и правил, «сколько система функциональных опор, необходимых для успешности процессов производства и понимания речи»: (Л. И. Красенкова, 2004). Художественный текст представляет собой «своеобразный процесс коммуникации, передающий как определенный объем информации об объективном мире и субъективное видение этого мира, так и волевое намерение, интенцию автора, а также отношение автора к действительности, которое он стремится реализовать в структуре текста посредством лингвистических средств»: (Е. В. Сельченок, 1988). Отношение говорящего лица к действительности, являясь признаком модальности, «в той или иной мере характерно для всякого высказывания»: (И. Р. Гальперин, 1981). А для его выражения используются грамматические, лексические, синтаксические, интонационные и стилистические средства. Тем самым модальность как отношение, оказывается категорией, присущей «языку в действии, т.е. речи или дискурсу»: (И. Р. Гальперин, 1981). При определении модального ключа художественного текста (дискурса) важно видеть модальную структуру, как целого текста, так и взаимодействие его отдельных частей.

Такой отдельной частью текста в данном конкретном случае рассмотрения является несобственно-прямая речь (НПР). Под ней понимается изложение в художественном тексте мыслей или переживаний действующего лица, грамматически имитирующее речь автора, но по интонационным особенностям, стилистике, смысловым акцентам следующее ходу мысли самого лица. Вычленение ее в тексте, поэтому, не всегда легко, т.к. трудно определить, в какой точке она начинается и заканчивается. В целом НПР реализуется в виде контаминированного единства, сочетающего речь автора и мысли действующего лица, а формально в нее входит целый ряд самостоятельных предложений, окрашенных эмоциональным (экспрессивным) регистром – эллиптические, восклицательные, риторические, вопросительные и не доведенные до конца предложения, содержание которых преобладает над предметно-логическим планом текста. И в этом смысле вполне естественно, что НПР характеризуется наличием средств синтаксиса, способных, как и средства стилистики, четко маркировать прагматику.

Присутствие двух голосов в НПР, позволяет выделить в ней два модальных плана: план автора и план действующего лица. И в исследовании модального компонента в структуре НПР вполне логично устанавливаются модально-оценочное отношение действующего лица к сообщаемому и авторская оценка излагаемых фактов и событий. Но как показывает материал, специфическая особенность НПР проявляется в актуализации в первую очередь модального плана действующего лица, что позволяет извлекать оценочное отношение героя к своему высказыванию практически в каждом примере, в то время как план автора чаще всего не поддается расшифровке в отдельно взятом примере:

Fini war aufgereggt, aber zu ihrer Verwunderung spürte sie keine Angst, eher Trotz und sogar ein bisschen heimlichen Stolz. Was sollte nun werden? Würde man sie verhören? Wie hatte sie sich zu verhalten? (H. Zinner. Fini: Ahnen und Erben, S.234).

Данный пример с НПР начинается с риторического вопроса, в котором актуализируется глагольная конструкция ‘модализатор+инфinitив’: «*Was sollte nun werden?*», выражаящая модально-оценочное отношение действующего лица к предстоящему событию. Это отношение есть неуверенное предположение с оттенками сомнения и удивления, что подчеркивается и усиливается модальной частицей *nun*. В следующем риторическом вопросе «*Wie hatte sie sich zu verhalten?*» содержится модальное значение необходимости, выражаемое через конструкцию ‘haben+zu+Infinitiv’. В данном предложении речь идет в первую очередь об алетической модальности. И еще один риторический вопрос «*Würde man sie verhören?*» с конструкцией ‘würde+Infinitiv’, т.е. с кондиционалисом 1, относит событие к будущему времени в НПР, семантически же реализует оттенок предположения. Модально-оценочное отношение приведенного контекста создается структурой трех следующих друг за другом риторических вопросительных предложений, с задачей не столько выразить сему запроса информации, сколько передать pragmatischer смысл предположения с эмоциональной окрашенностью.

Препозитивный же контекст содержит авторский комментарий, дающий характеристику состояния Фини с точки зрения его внутреннего настроя к предстоящему событию: «*Fini war aufgereggt, aber zu ihrer Verwunderung spürte sie keine Angst, eher Trotz und sogar ein bisschen heimlichen Stolz*». Этот фрагмент не дает явного основания для определения модального плана автора, и здесь правомерно утверждать, что авторское оценочное отношение к сообщаемому носит имплицитный характер, т.е. оно проявляется в рамках общей текстовой категории модальности, подчиненной коммуникативной целеустановке художественного произведения.

Но в самой НПР все же содержатся маркеры плана автора, реализованные в употреблении местоимений с позиции повествователя и в оформлении временного плана повествования. Это можно трактовать как наличие иллютивной силы, направленной на изображение того, как действующее лицо должно говорить при включении эмоционально-экспрессивной характеристики.

Итак, исходя даже из небольшого изложенного фрагмента, правомерно утверждать, что прагматика художественного текста в аспекте через модальный план НПР, характеризуется использованием элементов, относящихся к различным языковым уровням, которые, взаимодействуя друг с другом, создают модальную сетку контекста НПР. Для выражения модальности в НПР используется целый комплекс языковых средств разных уровней: стилистические средства (эмоционально-экспрессивные конструкции), синтаксические средства (риторические вопросы, восклицания, эллипсы), лексические средства (модальные слова, частицы, оценочная лексика), грамматические средства (модальные глаголы, временные формы, наклонения).

Именно наличие разнообразных средств обуславливает максимальный коммуникативный эффект. Но следует иметь в виду, что отношение к действительности в контекстах НПР есть не чье-то прямое, а опосредованное авторским восприятием и намерением видение действительности. Автор художественного текста сам создает возможный мир, объясняя и оценивая его через голоса действующих лиц. Модальный компонент в структуре НПР имеет своей целью:

- Воздействие на читателя

НПР создает эффект непосредственного восприятия мыслей и чувств персонажа.

- Создание двойной перспективы

Сочетание авторской и персонажной точек зрения формирует многомерное восприятие художественной действительности.

- Эмоциональная насыщенность текста

Модальные средства в НПР усиливают эмоциональную составляющую текста, делая его более выразительным и живым.

Мы предполагаем, что исследование языковых единиц, обрамляющих структуру НПР – препозитивного, интертекста и, несомненно, постпозитивного контекста, могут способствовать адекватному проникновению в замысел и модальный план автора, поскольку препозитивный контекст подготавливает введение НПР, часто содержит авторский комментарий, указывающий на переход к внутренней речи персонажа. Интертекст показывает внутренние связи между элементами НПР через повторы, параллелизмы и другие средства когезии. Постпозитивный контекст завершает НПР, возвращая к авторскому повествованию.

Модальность в НПР имеет важное прагматическое значение, способствуя реализации коммуникативной целеустановки художественного произведения. Она позволяет автору создавать эффект непосредственного восприятия мыслей и чувств персонажа, не прибегая к прямой речи, однако вовлекая читателя в его внутренний мир. Благодаря модальным средствам в НПР достигается особая выразительность повествования, сочетающая объективность авторского изложения с субъективностью персонажного

восприятия. Сочетание авторской и персонажной точек зрения формирует многомерное восприятие художественной действительности. Это делает НПР мощным инструментом художественной выразительности, обогащающим арсенал повествовательных техник.

Ю. В. Овсейчик

СОЧИНИТЕЛЬНЫЙ СОЮЗ В КОНСТРУИРОВАНИИ СМЫСЛОВ

Существующее представление о союзах как выразителях связи между фрагментами действительности сложилось на протяжении многовековой истории научной мысли. В лексикографических изданиях разных языков сами значения сочинительных союзов определяются через их широкий контекст: союз *X* соединяет части предложения или сами предложения, из которых одни дополняют другое, противоречат другому, следуют один за другим. Абстрактность их значения приводит исследователей к признанию сугубо грамматической роли единиц этого класса, соединительной в широком смысле этого слова.

Развитие значимого раздела актуального научного направления – исследования дискурсивной лексики – приводит к пересмотру некогда устоявшегося понимания этого функционального класса слов, которые, с одной стороны, обеспечивают связность текста, с другой – отражают мыслительные процессы говорящего, рефлексию говорящим сознания слушающего, так называемую обыденную логику или логику здравого смысла, представление о норме, ценностную и ментальную оценку.

На современном этапе лингвистики с развитием семантических исследований, включая когнитивную семантику (Урыссон 2011, Кобозева 2016 и др.), сопоставительных (Инькова 2018), типологических и диахронических (Сердобольская, Кобозева 2024) исследований преобладает взгляд на союзы как единицы, отражающие деятельность сознания при обработке информации. Во всех работах отмечается, что союзы, в частности сочинительные союзы, тесно слиты с синтаксическим контекстом, их значение трудно поддается описанию.

Для демонстрации того, что эти функциональные слова служат ориентиром для декодирования отношений между фрагментами внеязыковой действительности, приведем сконструированный пример на французском языке, в котором имеются две пропозиции: P_1 – мышь бежит/убегает (*la souris court*) и P_2 – кошка прыгает (*le chat bondit*). При соединении синтаксических компонентов, репрезентирующих эти пропозиции, допустимо использование как нулевого показателя связи между ними, не дифференцирующего логико-семантические отношения, так и всех семи собственно сочинительных союзов французского языка: *et* ‘и’, *ni* ‘ни’, *ou* ‘или’, *mais* ‘но’, *car* ‘так как’, *donc* ‘поэтому’, *or* ‘а, но, однако, итак’.

При одинаковых пропозициональных составляющих разные союзы приводят к разному пониманию сущностной природы связи между P_1 и P_2 .

Основное свойство сочинительной связи – обратимость соединенных компонентов на основании равноправности отношений между элементами – не приводит к потере смысла в случае использования соединительного, разделительного и противительного союзов. Сопоставительное прочтение между двумя пропозициями имеет место при использовании противительного союза *mais*, когда в текущей ситуации два наблюдаемых живых существа наделяются разными физическими признаками: *La souris court, mais le chat bondit* ‘Мышь бежит, а кошка прыгает’ = *Le chat bondit, mais la souris court* ‘Кошка прыгает, а мышь бежит’. Профилирование одновременности происходящих ситуаций без сопоставления возникает при использовании союза *et*: *La souris court et le chat bondit* ‘Мышь бежит, и кошка прыгает’ = *Le chat bondit et la souris court* ‘Кошка прыгает, и мышка убегает’. В контексте отрицания ситуация трактуется как отсутствие двух живых существ в текущий момент: *La souris ne court pas, ni le chat ne saute pas* ‘Ни мышь не бежит, ни кошка не прыгает’ = *Le chat ne bondit pas, ni la souris ne court pas* ‘Ни кошка не прыгает, ни мышь не бегает’. При использовании разделительного союза *ou* в фокус выводятся не взаимоисключающие друг друга альтернативные отношения при условии, что мы не являемся непосредственными наблюдателями, а лишь предполагаем, что некий шум вызван то ли бегающей мышью, то ли прыгающей кошкой, то ли и тем и другим вместе: *La souris court, ou le chat bondit* ‘Мышь бежит, или кошка прыгает’ = *Le chat bondit ou la souris court* ‘Кошка прыгает или мышь бежит’.

Каузальный тип отношений между двумя P_1 и P_2 позволяет продемонстрировать серию интерпретаций в зависимости от порядка следования соединенных компонентов и семантических свойств союзного показателя. Наша обыденная логика предполагает два типовых сценария для двух обозначенных пропозиций, каждый из которых объективирует либо реакцию мыши на прыжок кота, либо реакцию кота на пробегающую мышь. Предсказуемость как реакции кошки на пробегающую мышь, так и мыши на прыжок кота может быть представлена двумя последовательностями соединенных пропозиций: иконическую (причина предшествует следствию) и неиконическую (следствие предшествует причине). Использование союзов *donc*, *or* и *car* приводит к изменению порядка следования соединенных элементов и допускает два разных прочтения. Две линейных инвертированных последовательности профилируют либо боязливость мыши: *La souris court car le chat bondit* ‘Мышь убегает, потому что кошка прыгает’ ≠ *Le chat bondit donc/or la souris court* ‘Кошка прыгает, поэтому мышь убегает’; либо реакцию кошки: *La souris court donc/or le chat bondit* ‘Мышь бежит, поэтому кошка прыгает’ ≠ *Le chat bondit car la souris court* ‘Кошка прыгает, потому что мышь бежит’.

Таким образом, сочинительные союзы не только оформляют логико-семантические отношения между разного рода синтаксическими компонентами в широком контексте, но и сами непосредственно выражают эти отношения в схожих и ограниченных контекстах, отражая логику обыденного сознания и выполняя важную когнитивную роль в управлении пониманием сообщения.

С. В. Паремская

ГЕНЕЗИС НЕМЕЦКИХ ПРЕДЛОГОВ

Язык находится в постоянном развитии и изменении под воздействием разнообразных внеязыковых и языковых факторов. В него входят из других языков или в нем самом образуются слова, необходимые для обозначения новых явлений, понятий и отношений, устаревшие или избыточные элементы и структуры исчезают, а какие-то единицы и структуры, приспосабливаясь к изменившимся условиям, видоизменяются.

Предлоги являются частью общего словарного состава языка. Они неоднократно становились объектом специального изучения в синхронном плане (Й. Шредер, Х.-В. Эромс, А. Герсковитс, К. Ванделуаз, Л. А. Тарасевич). Не менее важен и процессуальный (диахронный) аспект их рассмотрения, без которого не только невозможно понять траекторию развития этого слова служебной лексики, но и узнать, с чего это развитие началось.

Самые первые предлоги немецкого языка, которые часто обозначаются в разных работах как первичные, первообразные, существовали в древне-верхненемецком периоде (750–1050 гг.) развития немецкого языка. Это было время, когда только начал формироваться язык немецкой общности. До этого германские племена, территория проживания которых входила в состав Франкского государства, пользовались для официального общения латинским языком. Древние германцы не понимали этот чужой для них язык и общались между собой на своих наречиях – франкском, германском, баварском и саксонском.

Политическое единение германских территорий и продвижение католической веры среди племен, еще носящих на себе черты язычества, стали мощным стимулом для создания нового, единого языка. Но для этого, по словам немецкого лингвиста Х. Эггерса, необходимо было найти тысячи новых слов, чтобы перевести латинские тексты Библии на язык народа [с. 38]. В результате усилий всех народов, населяющих эти территории, возник язык немецкой христианской культуры, получивший около 1000 г. обозначение „*in diutiscun*“, «по-немецки».

По мнению Х. Эггерса, в первые три столетия своей истории этот язык еще нельзя было в полной мере называть немецким языком, скорее можно

говорить о периоде становлении языка „*werdendes Deutsch*“ [там же], т.к. это был долгий период создания языковых средств, необходимых для выражения многих новых понятий, связей и отношений.

Цель настоящей работы заключается в выявлении источников появления немецких первообразных предлогов. **Предмет** – первообразные предлоги немецкого языка, существовавшие уже в древневерхненемецком периоде развития языка и сохранившиеся в немецком языке до настоящего времени. **Материалом** анализа стали лексикографические данные из этимологического словаря немецкого языка Дуден [Duden Herkunftswörterbuch].

Анализ показал, что более половины 59 % предлогов древневерхненемецкого периода (13 из 22) имеют индоевропейские корни. Предположительно эти предлоги прошли долгий путь развития, начиная от санскрита, и через языки-посредники, латинский и греческий, попали сначала в готский, а затем были интегрированы в древневерхненемецкий язык. У некоторых немецких предлогов можно проследить полный путь заимствований из одного языка в другой.

Соврем. предлог	Санскрит	Латинский язык	Греческий язык	Готский язык	Двн. предлог
<i>ab</i>	<i>apo-</i>	<i>ab</i>	<i>apó</i>	<i>af</i>	<i>aba</i>
<i>auf</i>	<i>up[o]-, eur-</i>	<i>sub</i>	<i>hypo</i>	<i>iup</i>	<i>ūf</i>
<i>in</i>	<i>en</i>	<i>in</i>	<i>en</i>	<i>in</i>	<i>in</i>
<i>über</i>	<i>upari</i>	<i>super</i>	<i>hypér</i>	<i>ufar</i>	<i>ubar</i>
<i>vor</i>	<i>per-</i>	<i>pro</i>	<i>pará</i>	<i>faúra</i>	<i>fora</i>

Сопоставление предлогов свидетельствует о том, что они являются родственными словами, которые при переходе из одного языка в другой меняли свою форму под воздействием общих фонетических законов, в частности, первого и второго передвижения согласных (500–1000 гг.). В результате передвижения звонкие взрывные согласные переходили в глухие, а глухие взрывные в щелевые. Например, современный предлог *durch* 'через' существовал в санскрите в виде приставки *ter-, tr-*. По первому передвижению согласных индоевропейские взрывные *p, t, k* превратились в германские щелевые, в результате чего в готском языке эта приставка получила форму *Paírh*, из которой по второму передвижению согласных и появился древневерхненемецкий предлог *durah*. Современный предлог *aus* 'из' восходит к индоевропейскому слову *ud*. При переходе из санскрита в готский язык он по первому передвижению согласных [*d* → *t*] получил форму *ut*, а по второму передвижению согласных [*t* → *s*] получил в древневерхненемецком периоде форму *ūz*.

На то, какую форму приобретали заимствованные слова в новом языке, влияли и другие факторы, в частности, закон ослабления конечных безударных гласных. Например, современный предлог *an* 'у, при; на; в' имел

в греческом языке форму *aná* с ударным гласным в конце слова, в готском языке – форму *ana* с безударным гласным в конечной позиции, а в древневерхненемецком – форму *an[a]*, где гласная *a* в конце была факультативной. Теперь гласной в конце слова у этого предлога нет вообще.

Анализ показал, что некоторые первичные предлоги возникли в результате словосложения. В древневерхненемецком периоде имелось как минимум два предлога, возникших из словосочетаний. Например, современный предлог *neben* 'около, рядом с, возле' имел в древневерхненемецком периоде форму *neben, ineben*. Он разился из употребляемого адвербиального выражения *in ebani, an ebani* таким же образом, вместе, рядом с существительным *ebani*. Древневерхненемецкий предлог *zuiski* (современный *zwischen* 'между, среди') образовался путем сращения предлога *in* и существительного *zuisken* в дательном падеже множественного числа.

В древневерхненемецком периоде существовали также предлоги, которые возникли вследствие изменения внутренней формы слова. Так, предлог *hintar* представляет собой сравнительную степень от общегерманского корня *hin[d]-* (данные о значении отсутствуют), производным от которого является и наречие *hinten*. А предлог *widar[i]* (современный предлог *wider* 'против') является сравнительной формой *ui-t[e]-ro* в значении 'mehr auseinander, weiter weg' от индоевропейского слова *ui* в значении 'auseinander'. В готском языке он имел форму *wiPra*.

Подавляющее большинство древневерхненемецких предлогов (17 из 22) имели аналоги в готском языке, напр.: гот. *mith* → дvn. *mit, miti*; гот. *ût* → дvn. *ûz*; гот. *neh[a]* → дvn. *nâh*. Однако данные словаря позволяют высказать предположение о том, что некоторые предлоги перешли в древневерхненемецкий язык не из готского языка, а из германских диалектов. Так, предлоги *ûf, ûzs, ûzar, bi, gegin, gagan, âno* и *umbi* могли быть заимствованы из старогерманских диалектов, предлоги *durah, fora/furi* и *zuo, za, zi* – из западногерманских диалектов. А предлоги *aba, in, hintar, nâh, ubar, fora* и др. вообще имеют общегерманское происхождение. Вероятнее всего, они были заимствованы германскими племенами еще до древневерхненемецкого периода. Аналоги этих предлогов обнаруживаются и в настоящее время в разных европейских языках. Ср.: дvn. предлог *an[a]*, английский (*of, off*) и шведский (*av*); дvn. предлог *bi*, нидерландский *bij* и английский *by*.

Таким образом, обращение к генезису древневерхненемецких предлогов показывает, что этот слой немецкоязычной лексики имеет очень древнее происхождение. До появления в немецком языке слова, развившиеся позднее в предлоги, прошли через несколько языков-посредников: латинский, греческий, готский. Однако следует подчеркнуть, что, несмотря на наличие определенных лексических и структурных параллелей, стопроцентные доказательства этой эволюционной цепочки остаются недоступными. Это связано с ограниченностью исторических данных и недостаточной документированностью языковых изменений на ранних этапах. Таким образом, хотя можно выдвинуть обоснованные гипотезы о влиянии указанных языков на форми-

рование предлогов в немецком языке, необходимо учитывать, что окончательные выводы требуют дальнейших исследований и дополнительных эмпирических данных для подтверждения или опровержения предложенных теорий.

В процессе заимствования под воздействием общих фонетических законов изменялась форма слова. Кроме этого анализ показал, что не все первичные предлоги, как это считается, изначально являлись простыми словами и что не все слова, от которых немецкие предлоги произошли, изначально являлись наречиями.

Н. П. Петрашкевич, К. Д. Ставер

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ ФОРМЫ ПРИТЯЖАТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА АНГЛИЙСКОГО СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В ТЕКСТАХ ИНФОРМАЦИОННОГО СТИЛЯ

Форма притяжательного падежа в современном английском языке (*N's*) является пережиточным явлением, представляющим некогда развитую падежную систему древнеанглийского языка. Статус этой формы до сих пор остается предметом дискуссий, одним из итогов которых можно считать вывод В. Я. Плоткина о том, что категориальная семантика остаточного родительного (притяжательного) падежа сузилась и в настоящее время указывает на ограничение референции последующего существительного. «В таком случае падеж может быть назван ограничительным, или лимитативом» (В. Я. Плоткин, 1989). Среди синтаксических особенностей формы притяжательного падежа упоминается ее подвижность в синтагме существительного, ее необязательность, то есть возможность замены словосочетанием с предлогом *of* и «избирательность» по отношению к семантике подчиненного компонента синтагмы. Современные учебные пособия по грамматике приводят списки существительных, типично употребляемых в родительном (притяжательном падеже), среди которых преобладают разные виды одушевленных существительных. При этом в грамматиках продвинутого университетского уровня признается, что в определенных случаях неодушевленные существительные также могут принимать форму притяжательного падежа.

Цель данного исследования – выявить особенности современного употребления форм притяжательного падежа в информационных текстах публицистического стиля. Первоначальное обследование массива новостных текстов объемом в 22,000 печатных знаков (более 10 условных страниц) обнаружило 111 случаев использования форм притяжательного падежа, что составляет более 10 употреблений на одну страницу новостного текста. Это достаточно высокий показатель, свидетельствующий о том, что якобы реликтовая падежная форма отнюдь не вышла из употребления, а наоборот, демонстрирует заметную активность (в грамматике *Longman* приводится

показатель 7,500 форм притяжательного падежа на 1 млн слов, т.е. на 3,500 страниц новостного текста – чуть более двух форм на страницу). В нашем материале формы притяжательного падежа отмечены как в заглавиях, так и в основной части новостного текста.

Примечательно, что из обнаруженных 111 форм притяжательного падежа только около 30 форм образованы от названий лиц – имен нарицательных и собственных. Большинство из них употреблены в собственно грамматической функции лимитирующего детерминатива, участвующего в создании именных словосочетаний, в которых выражаются посессивные, партитивные, субъектные, объектные отношения (например, *the architect's vision, the conductor's goal, the artists' works, Beethoven's Fifth Symphony, Evans' piece, Harper's dedication* и др.). Небольшое количество адъективированных форм (3 из отмеченных 30) выступают в функции определения (*a sailor's compass, a merchant's ledger, the children's corner*). Более 80 остальных форм притяжательного падежа (около 75 %) являются неодушевленными существительными. Некоторая часть из них семантически связана с названиями лиц, поскольку они сами являются названиями различных групп людей (*the Community's Collective Cry, the Commission's offices, the Orchestra's Triumphant Return, the tribe's cultural practices, the City Council's Divided Vision, our family's heritage* и др.), которые легко персонифицируются и коррелируют с местоимением *they*.

Связь с человеческим фактором можно выявить в названиях учреждений, организаций, зданий, творческих коллективов, где работают люди. Таким образом данные названия приобретают значения групповых существительных (*Continental Hydroelectric's ambitious vision, a Local Restaurant's Recipe, the museum's mission, the workshops' popularity, the garden's offerings* и др.). Персонифицированный характер таких существительных подчеркивается их семантической ролью в свернутых пропозициях, где они могут выступать как активные деятели (*the bank's loan, the bistro's offerings, the museum's commitment, the Museum's Hidden Treasures* и др.).

В отдельную группу можно выделить локативы – как имена собственные, так и нарицательные, называющие местности и другие локации, где обитают или работают люди (*Willow Creek's residents, Brookfield's population, Rivera's Bistro, the valley's fragile ecosystem, the area's historical character, the building's age, the waterfront's rich history* и др.). Их персонификация основана на тесном переплетении с человеческой деятельностью, что позволяет приписывать им свойственные людям действия и качества (*the dam's potential environmental and social impacts, the region's energy needs, our city's commitment, the ground's secrets* и др.). Даже когда названия местностей и строений выступают в своем первичном нарицательном значении, они воспринимаются людьми как одушевленные личности, что подчеркивается их использованием в притяжательном падеже в партитивном отношении к ядерному существительному (*the garden's features, the journal's pages, the museum's collection, the museum's lead curator, the restaurant's interior*,

the venue's atmosphere, the hall's acoustics и др.). Таким существительным свойственно также использование в объектном значении родительного (притяжательного) падежа (*the hall's reopening, the warehouse's transformation, the valley's permanent protection* и др.).

Еще одной группой существительных, поддающихся персонификации и поэтому употребляющихся в притяжательном падеже, являются слова, обозначающие центральный объект человеческой деятельности (*the project's overlooked geological risks, the renovation project's significance, the initiative's goal, the artifacts' origins* и др.). Семантические отношения внутри именного словосочетания с неодушевленными существительными в притяжательном падеже так же разнообразны, как и между одушевленными существительными в притяжательном падеже и определяемыми ими словами. Например, базовое значение обладания принимает характер партитивности, т. е. указывается неотъемлемая часть объекта – структурная (*the collection's centerpiece, the warehouse's walls*,) либо качественная (*the artifacts' significance, the music's passion, the mask's craftsmanship*). Часто в таких словосочетаниях реализуются субъектно-процессные (*the project's reach, the decision's impact*,) или объектно-процессные отношения (*the premiere's critical acclaim*).

Следует также упомянуть о еще одной группе неодушевленных существительных, которые уподобляются человеку на основании сложности их устройства, изменчивости, силе воздействия, возможности волеизъявления (*the pandemic's impact, the weather's unpredictability, the ecosystem's health, the wildlife's habitat* и др.).

В текстах исследуемого дискурса также встречаются традиционно используемые в притяжательном падеже неодушевленные существительные с темпоративным значением (*At Tuesday's Commission meeting, A Century's Worth* и др.).

Таким образом, исследование показало высокую активность форм притяжательного падежа в создании текстов информационно-публицистического стиля. Выявлено преобладание форм притяжательного падежа неодушевленных существительных, которые подвергаются персонификации на основании их связанности с человеческой деятельностью. К основным факторам персонификации можно отнести наличие локативных сем: названия местностей, учреждений, организаций, зданий, творческих коллективов, где живут и работают люди, а также важность объектов или их компонентов для деятельности человека. Существенную роль играет наличие у неодушевленных объектов таких антропоморфных свойств и качеств, как активность, деятельностный характер, сложность устройства, изменчивость, сила воздействия, возможность волеизъявления. Дальнейшее исследование генитивных словосочетаний может затронуть более детальное исследование семантики взаимоотношений между компонентами именной синтагмы данного типа с позиций ее пропозиционального состава.

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЦВЕТ»
В АНГЛИЙСКОМ И ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКАХ
(на материале художественных произведений)**

Можно заметить увеличение интереса к когнитивным исследованиям, которые стремятся воссоздать языковое восприятие мира и выявить национально-специфические черты, проявляющиеся в языке благодаря уникальной картине мира, сложившейся у определенной этнической группы. Колоративная лексика играет ключевую роль в выражении мыслей, чувств и эмоций, и ее использование в художественных текстах отражает уникальные аспекты менталитета и культурного контекста каждого народа.

В некоторых языках существует большое количество лексических единиц для наименования цветов, которые могут быть представлены лишь одним словом в другом языке. Так, например, у самой северной коренной народности Европы саамов, по данным норвежских филологов, в языке не менее 180 терминов для обозначения снега и льда. В контексте английского языка и культуры восприятие цвета может быть не только биологическим, но и культурным явлением. Например, в турецком языке есть наименования *mavi* ‘голубой’ и *lacivert* ‘синий’. Однако в английском языке используется только наименование *blue*, дальнейшее изменение цвета происходит благодаря лексическому добавлению либо *light* (для передачи светло-синего или же голубого оттенка), либо *dark / navy* (для передачи темно-синего оттенка). Данные исследования были проведены Обри Гилбертом, Терри Режье, Полом Кеем и Ричардом Иври (2006). Учеными было изучено восприятие цвета и его связь с языком и культурой, а именно, как различные языки и культурные контексты влияют на восприятие и классификацию цветов.

Кроме вышеприведенного исследования также существует теория о том, что разные народы воспринимают оттенки по-разному из-за особенностей строения сетчатки (Д. Т. Линдси, А. М. Браун, 2002). Под воздействием ультрафиолета хрусталик становится более желтым, и люди не так хорошо различают синие оттенки, как северные народы. То есть географическое положение влияет на цветовосприятие. Так, южная нация – турки, и северная нация – англичане, могут воспринимать один и тот же цвет по-разному. География отражается как на архитектуре, так и на традиционной одежде. Люди, которые живут в холодном климате на севере, стараются восполнить нехватку солнца и в жилье чаще используют теплые цвета. Люди, живущие на юге, где много солнца, стараются и в одежде, и в интерьере использовать холодные или нейтральные цвета.

Колоративы способствуют углублению смыслового и стилистического наполнения произведения. И англо-, и турецкоязычные авторы при наименовании цвета зачастую прибегают к метафорическому или метонимическому способу описания, базирующемуся на принципе внешнего сравнения или

сходства с объектами иной категориальной природы. Данный принцип обусловливает необходимость классификации цветообозначений по типу ассоциативных связей, возникающих между цветом и другими реалиями. Одним из ключевых направлений такой классификации является разграничение цветовых наименований по принципу их сходства с пищевыми продуктами (включая фрукты, овощи и ягоды), а также с природными материалами, растениями, цветами. Поскольку визуальная культура имеет выраженные территориальные особенности, различные категории получают неодинаковую популярность и распространенность в обоих языках. Первая категория, условно обозначенная как «продукты питания и напитки», представлена широким спектром примеров, отражающих метафорическую трансформацию вкусовых и визуальных ассоциаций в цветовые характеристики: *<...> shirts with stripes and scrolls and plaids in coral and apple-green and lavender and faint orange with monograms of Indian blue; <...> leaving its tea coloured watermark <...>; She was wearing a mustard-yellow sweater <...>; <...> before Gatsby began <...> slapping himself indecisively on the knee of his caramel-colored suit.* В турецком языке большинство цветов в этой категории получили свое название от цвета молочных продуктов, фруктов, орехов, сладостей: *Ufacıktı memeleri, sütbeyaz ve dipdiri* ‘У нее была маленькая грудь, молочно-белая и пухлая’; *Bal rengi sikke mezar taşımızdı <...>* ‘Монета медового цвета была нашим могильным камнем <...>’; *Macide <...> üç kat elbiselerinden birini, vişne çürüğü renginde ve yakası kadife parçalarıyla süslü bir yünlü elbiseyi giymeye karar verdi* ‘Маджида решила надеть одно из трех платьев <...> шерстяное платье цвета гнилой вишни с воротником, украшенным вставками из бархата’; *Sonra kahverengi şalvar, yün yelek, kestane renkli uzun bir cüppе geçirdim üstümе* ‘Затем я надел коричневые шаровары (штаны), шерстяной жилет и длинное платье каштанового цвета’; *Otuzlarda, dizlerde, kollarda, yüzde bozuk yumurta rengi boy boy bezeler oluşur* ‘На плечах, коленях, руках и лице образуются неровные железы цвета тухлого яйца’.

Кроме метонимического переноса также встречается пример с метафорическим концептом, например: *Güneş, fistık yeşiline vurdukça metalik gövde sanki parıldıyor, her parıltı bir gülümsemeye dönüşüyordu. <...> Ve yıllar sonra ne zaman bir fistık yeşili görse, o özgür yaz sabahını hatırladı* ‘Когда солнце коснулось фисташково-зеленого цвета, металлический корпус, казалось, заискрился, и каждая искорка превратилась в улыбку... И годы спустя, всякий раз, когда она видела фисташковый цвет, она вспоминала то **свободное** летнее утро’. Метафорически он передает такие понятия, как свежесть, живость и естественность. В тексте про девочку Элиф, мечтающую о велосипеде фисташкового цвета, велосипед был не просто средством передвижения, а символом свободы. Одновременно с этим, данный цвет используется и в прямом значении: *Annesini animsadı; üzerinde fistık yeşili firfirli önlüğü, elinde yuvarlak, ortası delik kek kabı, yüzünde kül rengi bir maske, solgun ve sonsuz bir kederle mutfak kapısında durup öylece dikilmiş bir hâlde* ‘Она

помнила свою мать, в фисташково-зеленом фартуке с оборками, с круглой сковородой с дыркой посередине, с пепельной маской на лице, бледную и бесконечно скорбящую, стоящую в дверях кухни’.

Следующая достаточно частотная в обоих языках группа цветообозначений связана с наименованиями веществ и природных материалов, такими, как снег, лед, огонь, медь, железо, металл, цемент, шифер, пастель, чернила, мел, хлопок, ил, пепел, сажа, смола, кислота, пакля, где цвет становится отголоском не только зрительного, но и смыслового восприятия: *Charles approached the silent snow-white house; 'Oh, sure,' agreed Wilson hurriedly and went toward the little office, mingling immediately with the cement color of the walls; She was holding a tray with a cup of hot copper-colored tea and a gaudy slice of lemon; One was tall and male, the other a petite woman with jet-black hair.*

В турецком языке происходит аналогичный метонимический перенос значения: *Çok geçmeden üç hare belirdi: sicak sarı, mahcup turuncu ve ketum metalik-mor* ‘Вскоре появились три луча: теплый желтый, чопорный оранжевый и сдержаный металлически-фиолетовый’; *Alev renginde bulutlar gördüm, karanlık denizler, mor ağaçlar, kızıl dalgalar* ‘Я видел облака цвета пламени, темное море, пурпурные деревья, алые волны’. Как в категории «продукты питания и напитки», так и в данной обнаружены примеры, которые при помощи изафетной конструкции переносят напрямую оттенок цвета с объекта и выражаются субстантивированными прилагательными: *Lokanta, duvarlarina <...> mor incirlerin, saman sarısı armutların ve mutlu koyunların resimleri asılmış...* ‘<...> на стенах которого висели фотографии <...> фиолетового инжира, груш цвета соломы и счастливых овец’; *Buz mavisi gözler* ‘Ледяные голубые глаза’; *Yumuşacık ve kan kırmızısı rengindeki kadife bir keseden çıkan <...>* ‘<...> которые доставались из мягкого кроваво-красного бархатного мешочка’.

Особое место в турецком языке и культуре занимают прозвища. Интересен следующий пример: *Ah, baba, ne olur bir gün olsun, yüzümde, bana, sarı kanaryam deseydin* ‘Ах, папа, пожалуйста пусть наступит день, когда ты мне скажешь в лицо, моя желтая канарейка’. Испытывая к своей белокурой дочери чувство нежной отцовской любви, любящий отец настолько ассоциировал ее с желтой птичкой, что, когда дочь покинула отчий дом, он, скучая по ней, завел желтую канарейку. В целом, данные наименования типичны для турецкого языка, например: *ratuk prenses* ‘белоснежка’. С турецкого языка *ratuk* переводится как ‘хлопок’, то есть выражение дословно можно перевести как ‘хлопковая принцесса’, что также является метонимическим переносом оттенка.

Таким образом, в сопоставляемых разноструктурных языках колоративы активно участвуют в метафорической и метонимической репрезентации концепта «Цвет»; культурно-национальной спецификой обладает лишь перечень предметов, которые представители английской и турецкой культуры используют в качестве референтов при описании цвета. Характерной

особенностью турецкого является частое использование изафетной конструкции, придающей цветообозначениям форму существительного: *limon sarısı* ‘желтизна лимона’, *portakal turuncusu* ‘оранжевость апельсина’, *zeytin yeşili* ‘зелень оливок’, *vişne çürüğü* ‘гниль вишни’. Уникальным явлением являются антропонимические прозвища на основе цвета, такие как *sarı kanaryam*, *ratuk prensesim*. Также благодаря нашему исследованию мы можем подтвердить гипотезу о связи географического положения и цветовосприятия: анализ английских предложений показал использование теплых оттенков в 65% случаев и холодных оттенков в 35 %. В турецком языке 45 % употребления теплых оттенков и 55 % холодных.

Н. С. Радикевич, В. М. Чепко

ДЕНОТАТИВНЫЙ АСПЕКТ СЕМАНТИКИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С АНГЛИЙСКИМИ ГЛАГОЛАМИ ОБИДЫ

Современная лингвистика характеризуется возрастающим интересом к исследованию семантики языковых единиц, которые отражают эмоциональное и социальное взаимодействие между людьми. Одной из значимых сторон данного направления является изучение денотативного аспекта предложений, содержащих глаголы различных лексико-семантических групп. Такие глаголы, как *to offend*, *to insult*, *to hurt* и другие, относятся к группе глаголов, выражающих обиду в английском языке; они не только передают информацию о действии, но и несут в себе глубокий эмоциональный оттенок, который может значительно варьироваться в зависимости от контекста и культурных особенностей. Построение денотативной области «обида» может служить основой для понимания того, как носители английского языка через языковые средства репрезентируют обиду.

Понятие «обида» обладает многогранной природой. Важным аспектом стало понимание обиды не только как эмоциональной реакции на несправедливость, но и как сложного процесса, связанного с внутренним конфликтом между ожиданиями личности и реальным положением вещей, затрагивающего вопросы самооценки, ценностей и межличностных отношений.

Для корректного представления ситуации обиды на первом этапе работы была составлена номенклатура глаголов, включающая порядка 30 лексических единиц, отобранных на основании наличия инвариантной семы *to make someone upset/unhappy/angry/worried/anxious / to say or do something that offends somebody*. Далее в исследовании применялся метод компонентного анализа, для чего были привлечены авторитетные лексикографические источники, такие как Oxford Dictionary, Cambridge Dictionary, Collins Dictionary, Merriam-Webster Dictionary, Longman Dictionary и Britannica Dictionary. Семный анализ позволил выявить и структурировать ключевые семантические элементы, характерные для рассматриваемых единиц. Завершающим

этапом исследования стал корпусный анализ, включающий поиск предложений с выбранными глаголами и детальное их изучение с выделением обязательных и факультативных участников ситуации обиды. Такой подход обеспечил комплексное и системное рассмотрение ситуации на лексико-семантическом уровне, что является необходимой основой для дальнейшего анализа денотативной области.

Рассмотрение научного описания ситуации обиды как фрагмента действительности, а также анализ словарных дефиниций глаголов обиды позволили выявить наличие определенного количества участников данной ситуации. Обязательным элементом является *субъект* – тот, кто наносит обиду. Субъект может быть представлен одушевленным существом: *There are people who offend others without realizing it* ‘Есть люди, которые обижают других, сами того не осознавая’ или неодушевленной сущностью: *I'd strike the sun if it insulted me* ‘Я бы ударил даже солнце, если бы оно меня оскорбило’.

Объект может быть представлен либо одушевленным лицом: *Her harsh words upset everyone in the room* ‘Ее резкие слова расстроили всех в комнате’, либо чувством нравственного достоинства: “*Are you hurt, Miss Mansheld?*” “*Just my pride*” ‘Вас задели, мисс Мэншелд?’ ‘Только мою гордость’, либо неодушевленной сущностью: *She insulted the tradition by ignoring its importance* ‘Она оскорбила традицию, проигнорировав ее важность’.

Еще одним очень важным участником является *инструмент* нанесения обиды. Самыми распространенными инструментами будут являться слова и поведение субъекта: *Their dismissive behavior hurts me deeply* ‘Их пренебрежительное поведение глубоко ранит меня’; *I am truly upset by your mean words* ‘Я действительно расстроен из-за твоих злых слов’. Также инструментом может выступать феномен психологического игнорирования и пренебрежительного отношения, а также иронические и саркастические стратегии коммуникации: *People are usually offended by the neglect of others* ‘Люди обычно обижаются из-за пренебрежения окружающих’; *All joy was but a mockery which insulted my desolate state* ‘Всякая радость была лишь насмешкой, оскорблявшей мое безутешное состояние’. Выражение критики – еще один немаловажный инструмент нанесения обиды, что подтверждается следующим примером: *She felt abused by her colleagues' constant criticism* ‘Она чувствовала себя оскорблённой постоянной критикой своих коллег’.

Интересным инструментом будет являться демонстрация истинного положения дел, т.е. слова или ситуации, несущие объективную информацию, способны выполнять функцию эмоционального воздействия, усиливая значимость и глубину обиды в коммуникативной ситуации: “*I will not insult you with anything less than the truth*”, *she says*. ‘Я не стану оскорблять вас ничем иным, кроме правды, – говорит она’. Многие психологи рассматривают обиду как результат несоответствия реальной ситуации ожиданиям, сформированным в сознании индивида. В лингвистическом анализе также можно выявить, что инструментом причинения обиды выступает система цен-

ностных установок самого субъекта, отражающая его индивидуальные морально-нравственные ориентиры: *Her strong moral principles hurt her deeply when she had to compromise them for the sake of her career* ‘Ее твердые моральные принципы глубоко ранили ее, когда ей приходилось поступаться ими ради своей карьеры’.

Из инструмента как ключевого элемента денотативной области «обида» логически вытекает следующий компонент – *основание*, которое представляет собой причину или мотив, обусловливающий возникновение данного эмоционального состояния. Основание может быть представлено способностью других индивидов воспринимать и распознавать эмоциональные выражения субъекта: *They resented him because he was able to detect their feelings so accurately* ‘Они обижались на него за то, что он так точно улавливал их чувства’.

Основание может проявляться через внутренние психоэмоциональные и когнитивные процессы индивида, т.е. в тех случаях, когда субъект осознает и рефлексирует собственные эмоциональные переживания и личностные ошибки: *I got upset because I finally recognized my true feelings about the situation* ‘Я расстроился, потому что наконец-то осознал свои истинные чувства по поводу сложившейся ситуации’. Также общественное мнение и оценка нашей личности другими индивидами могут выступать в качестве основания для возникновения чувства обиды, поскольку восприятие и интерпретация внешних оценок влияют на эмоциональное состояние субъекта и его самооценку: *She was offended because she found out that people doubted her abilities* ‘Она была обижена, потому что узнала, что люди сомневаются в ее способностях’.

В любой ситуации присутствует *результат*, и в ситуации обиды он также проявляется, сопровождаясь либо негативной, либо позитивной оценкой: *All joy was but a mockery which insulted my desolate state and made me feel more painfully that I wasn't made for the enjoyment of pleasure* ‘Всякая радость была всего лишь насмешкой, которая оскорбляла мое безутешное состояние и заставляла меня еще больнее чувствовать, что я не создан для наслаждения удовольствиями’; *Although he was offended, he didn't let it stop him and kept pursuing his dreams* ‘Несмотря на то, что он был оскорблена, он не позволил этому остановить его и продолжал преследовать свои мечты’. Из первого примера следует, что субъект может замыкаться в себе, удерживая и культивируя чувство обиды, тогда как во втором случае субъект преодолевает данное эмоциональное состояние или конструктивно с ним работает.

Сирконстант выступает в роли второстепенного компонента ситуации, дополняющего ее содержание. В рамках нашего исследования были выявлены различные типы сирконстантов, включая обстоятельства времени, степени, цели и образа действия: *He resented her for several months after the argument* ‘После этой ссоры он обижался на нее в течение нескольких месяцев’ (*период времени*);

His mocking laughter severely offends everyone present ‘Его издевательский смех сильно оскорбляет всех присутствующих’ (степень); *He hurt her feelings to get revenge for what she did* ‘Он ранил ее чувства, чтобы отомстить за то, что она сделала’ (цель); *The director displeased the investors deliberately with his harsh remarks* ‘Директор намеренно вызвал недовольство инвесторов своими резкими высказываниями’ (образ действия).

Также стоит отметить, что для предложений с английскими глаголами обиды характерно более частое использование страдательного залога и конструкций с наличием делексических глаголов в сочетании с существительным «обида», например, *to take offence (umbrage)* и *give offence (umbrage)* в значении «обидеться» и «обидеть». В этом проявляется стремление носителя англоязычной культуры контролировать ситуацию – я могу принять или не принять вызов.

Таким образом, в английском языке встречается множество примеров, отражающих идею освобождения от чувства обиды и стремления скрыть ее, контролируя внешние проявления эмоций. Это подчеркивает важную черту английской культуры, которая не поощряет открытое «эмоциональное» поведение, а ценит сдержанность и скрытность. В частности, в англоязычном обществе обида тесно связана с такими ценностями, как уважение к личному пространству, неприкосновенность частной жизни и соблюдение определенной социальной дистанции в межличностном общении.

М. Г. Симакова

СЛОЖНОЕ БЕССОЮЗНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Вопрос бессоюзной связи в немецкой грамматике остается дискуссионным. Существуют противоположные взгляды на рассмотрение бессоюзных предложений у представителей русской грамматики и у германистов.

Так, например, А. М. Пешковский определяет бессоюзное сложное предложение как сложное предложение, в котором простые предложения связаны по смыслу и интонацией без использования союзов и союзных слов. Это означает, что части такого предложения объединяются не с помощью грамматических средств, а через интонационные и смысловые связи.

Е. И. Шендельс также определяет бессоюзное сложное предложение как предложение, в котором части связаны по смыслу и интонацией без использования союзов. Е. И. Шендельс подчеркивает, что такие предложения характеризуются разнообразием семантических отношений между частями, что делает их важным элементом синтаксической структуры языка.

В русском языковедении наблюдается тенденция рассматривать бессоюзные предложения как особый тип сложного предложения, который нельзя свести ни к подчинению, ни к сочинению и который имеет самостоятельное значение.

А. М. Пешковский говорит о том, что «...бессоюзие, если даже и различать при нем оттенки подчинения и сочинения, следует во всяком случае отделить от настоящего союзного сочинения и подчинения».

Е. В. Гулыга, исследовавшая бессоюзное сложное предложение в немецком языке, также считает, что «бессоюзие не есть третий тип синтаксических отношений, а особый способ сочетания предложений, который может быть противопоставлен союзному или относительному способам. Отношения внутри бессоюзного сложного предложения (как и внутри союзного) могут быть как сочинительными, так и подчинительными».

Структурные различия между сложносочиненным и сложноподчиненным предложением при союзной связи выступают очень отчетливо, однако при классификации типов сложных предложений обычно исходят не из структурных особенностей, а смысловых отношений между компонентами. Применение же смысловых критерииев при классификации сложных бессоюзных предложений не всегда однозначно показывает их различие, так как те или иные смысловые отношения, приписываемые только сочинению или подчинению, фактически могут быть выражены и сочинением, и подчинением.

Бессоюзные предложения демонстрируют полифункциональность. Формально они представлены схожими синтаксическими образованиями, а на содержательном уровне отражают две различные ступени развития сложного предложения – паратаксиса и гипотаксиса. Тем самым, внутри одной и той же языковой формы, называемой бессоюзным предложением, друг другу противостоят различные по своей природе типы синтаксических отношений.

Таким образом очевидно, что для любого бессоюзного предложения, как правило, может быть найдена замена в виде союзного сложносочиненного либо сложноподчиненного предложения.

Например, следующее предложение возможно трансформировать в сложносоставное предложение с сочинительной связью с местоименным наречием «*deshalb*» (значение следствия):

Die Anwendung von Maschinenbau bei den Pythagoreern war noch begrenzt, der Fokus lag auf einem mathematisch orientierten, vorausschauenden Konzept in der pythagoreischen Kosmologie.

Die Anwendung von Maschinenbau bei den Pythagoreern war noch begrenzt, deshalb lag der Fokus auf einem mathematisch orientierten, vorausschauenden Konzept in der pythagoreischen Kosmologie.

Однако в некоторых случаях возможна различная трактовка семантических значений:

Jetzt war Ende November, es hatte noch nicht geschneit...

Между частями сложносоставного предложения можно установить при трансформации сочинительные отношения. Однако при этом возникает вопрос о семантически отношениях: соединительные отношения с союзом «*und*», или противительные с союзом «*aber*».

Jetzt war Ende November, und es hatte noch nicht geschneit...

Jetzt war Ende November, aber es hatte noch nicht geschneit...

Следующий пример представляется возможным трансформировать в сложноподчиненное предложение с союзом «*wenn*», с придаточным предложением условия:

Menschen machen Fehler, daraus lernen sie und wachsen über sich hinaus.

Wenn Menschen Fehler machen, lernen sie daraus und wachsen über sich hinaus.

Сложное бессоюзное предложение может быть трансформировано в сложносоставное предложение как с сочинительной, так и с подчинительной связью.

Manchmal irren wir uns, gerade führen diese Irrtümer uns zu neuen Erkenntnissen.

В данном примере возможна трансформация в сложное предложение с сочинительной связью (союз «*doch*», противительное значение), так и с подчинительной связью (союз «*obwohl*», значение уступки):

Manchmal irren wir uns, diese Irrtümer führen uns doch gerade zu neuen Erkenntnissen.

Obwohl wir und manchmal irren, führen diese Irrtümer uns gerade zu neuen Erkenntnissen.

Границы между сочинением и подчинением достаточно размыты и интерпретировать бессоюзные предложения в сторону либо сочинения, либо подчинения иногда довольно сложно. Бессоюзные сложные предложения могут быть синонимичны союзным, но круг отношений, выражаемых бессоюзными сложными предложениями, не совпадает с соответствующими функциями сложносочиненных и сложноподчиненных предложений. Семантика сложного бессоюзного предложения разнопланова, она способна передавать различные значения: одновременности, последовательности, противопоставления, условия, уступки, и следствия. При трансформации сложного бессоюзного предложения возможны разные модели предложений, поскольку значение сложного бессоюзного предложения может выражаться только сложносочиненным или только сложноподчиненным предложением и вместе с тем сложносочиненным и сложноподчиненным предложениями с одинаковым или разным семантическим значением.

Е. В. Тарасенко

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ КОМПАРАТИВНОСТИ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЭКСПРЕССИОНИЗМА И ПОСТМОДЕРНИЗМА

Под компаративностью принято понимать различные формы и способы выражения сравнения. Сравнение – это многогранное понятие, выходящее за рамки исключительно лингвистического анализа. Этот феномен привлекал внимание исследователей разных гуманитарных дисциплин – таких как

философия, логика, психология. В процессе познания окружающего мира сравнение выступает одним из ключевых методов, наряду с логическими операциями – анализом, синтезом, аналогией, индукцией, дедукцией и другими, – благодаря которым человек получает, структурирует и осмысливает информацию. Так, С. Л. Рубинштейн в работе «Бытие и познание» указывал на важность сравнения как когнитивной процедуры: «На начальных стадиях ознакомления с окружающим миром вещи познаются прежде всего путем сравнения» (С. Л. Рубинштейн, 1957).

Сравнение представляет собой процесс сопоставления двух или более объектов или явлений с целью выявления их сходства и различий. При этом акцент, как правило, делается на общих признаках, а не на различиях. Минимальная структура сравнения включает три основных компонента: объект сравнения – то, что сравнивается; эталон (или образ) – то, с чем производится сравнение; и признак сравнения – характеристика, по которой осуществляется сопоставление.

В лингвистике предпочтение чаще отдается термину «компаративность», поскольку термин «сравнение» традиционно используется в более узком смысле – для обозначения грамматически выраженных степеней сравнения прилагательных и наречий, а также сравнительных оборотов. Компаративность же трактуется значительно шире и охватывает более разнообразные формы выражения сопоставления в языке (А. В. Бондарко, 1996).

Семантическая категория компаративности формируется в языке как результат систематического отражения процессов сопоставления характеристик и признаков объектов окружающей действительности. В языке она реализуется через единицы, входящие в функционально-семантическое поле (ФСП) сравнения, основными компонентами которого выступают отношения сходства и различия.

М. И. Конюшкевич предлагает детализированную градацию этих отношений в пределах ФСП сравнения, включая следующие этапы: «экватив, т.е. тождество – сходство – эквивалентность (приравнивание) – подобие (в том числе и уподобление) – соответствие – временное равновесие сходного и разного – несоответствие – неравенство – доминирование – преимущество – превосходство (суперлатив) – уникальность (абсолютив)» (М. И. Конюшкевич, 2001).

Функционально-семантическое поле сравнения охватывает языковые единицы различных уровней: морфологического, лексического и синтаксического. Его ядром является грамматическая категория степени сравнения прилагательных и наречий. По мере удаления от центральных элементов семантика сравнения теряет четкость, переходя в более обобщенные или контекстуально обусловленные формы выражения.

В ходе данного исследования было проанализировано по 30.000 словоупотреблений из каждого текста двух литературных направлений: постмодернизма – текстовые пробы из произведений Клауса Модика «Der

kretische Gast» и Патрика Зюскинда «Das Parfüm. Die Geschichte eines Mörders», и экспрессионизма – пробы из произведений Франца Кафки «Das Schloss» и Альфреда Деблина «Berlin Alexanderplatz». Общее количество отобранных примеров со значением компаративности составило 1372 единицы.

Анализ немецкоязычных произведений постмодернизма и экспрессионизма позволяет сделать вывод, что в литературе постмодернизма языковые средства выражения категории компаративности на синтаксическом уровне используются значительно чаще, чем в произведениях экспрессионизма (52 % против 34 %). В обоих направлениях наибольшее распространение получили сравнительные конструкции с союзом *wie* (40 % в постмодернизме и 28 % в экспрессионизме): *Zärtlichkeit war ihr mit diesem einen Schlag ebenso fremd geworden wie Abscheu, Freude so fremd wie Verzweiflung*. Кроме того, в литературе обоих течений с примерно одинаковой частотой встречаются сложносочиненные предложения с противительными союзами (*aber, sondern, doch, zwar...aber, dagegen, demgegenüber* и др.) – 19 % в постмодернизме и 20 % в экспрессионизме: *Ein Säugling ist kein Mensch, sondern ein Vormensch und besitzt noch keine voll ausgebildete Seele*. Также в обоих случаях наблюдается одинаковая частота использования конструкций нереального сравнения с союзами *als, als ob, als wenn, wie wenn* – по 12 % от общего количества синтаксических средств выражения компаративности: *Sein schwerer Schatten schien dem bunten Flickenteppich der Flohmarktstände schlagartig die Farben zu entziehen, als ob ein schon ausgebliebenes Aquarell in eine Bleistiftzeichnung verwandelt würde*.

В экспрессионистских текстах наибольшую частотность демонстрируют средства лексического уровня – их доля составляет 47 %, что существенно превышает аналогичный показатель в постмодернистской прозе, где они представлены лишь в 28 % случаев. Для экспрессионизма характерно активное использование прилагательных и наречий-интенсификаторов (37 %), а также лексем с семантикой тождества и различия, таких как *gleich, ungleich, verschieden, unterschiedlich, ganz, anders, gleichmäßig, ähnlich* (30 %). В произведениях постмодернизма, напротив, наблюдается тенденция к употреблению прилагательных с аффиксами типа *-ig-, -haft-, -isch* и другими, что составляет 38 % от общего числа лексических средств, а также прилагательных и наречий с усиливающим значением (24 %). Эти различия указывают на то, что в экспрессионистской прозе лексические средства компаративности играют более важную роль в передаче эмоциональной и смысловой интенсивности, тогда как в постмодернизме акцент делается на формальную сложность и словообразовательные ресурсы языка.

Среди средств выражения категории компаративности наименее употребительными в произведениях немецкоязычного постмодернизма и экспрессионизма оказались морфологические средства, а именно степени сравнения имен прилагательных и наречий. Их удельный вес составляет лишь 20 % в текстах постмодернизма и 19 % в произведениях экспрессионизма: *Und sieht,*

er hat so wenig Angst vor der Welt gehabt: die größten, gewaltigsten Menschen, die es gab, die fürchterlichsten waren seine Freunde: der sächsische Kurfürst, der Kronprinz von Preußen, der später ein großer Kriegsheld war und vor dem die Österreicherin, die Kaiserin Therese, erzitterte auf ihrem Thron. Это свидетельствует о том, что писатели обоих направлений отдают предпочтение более сложным синтаксическим конструкциям или лексико-семантическим средствам при передаче сравнительных отношений, прибегая к морфологическим формам сравнительно реже, в основном в рамках описаний или экспрессивных характеристик. Таким образом, можно говорить о тенденции к снижению роли морфологического выражения компаративности в художественной структуре текстов данных литературных направлений.

В произведениях как постмодернистской, так и экспрессионистской литературы языковые средства выражения компаративности преимущественно ориентированы на передачу отношений подобия (сходства) и различия. В текстах постмодернизма на эти типы отношений приходится 36 % и 35 % соответствующих единиц, тогда как в экспрессионистских произведениях – 37 % и 33 %. Напротив, средства, выражающие отношения тождества и противоположности, используются значительно реже: в постмодернистских текстах – 12 % и 15 %, а в экспрессионистских – 13 % и 17 % соответственно. Эти данные указывают на общее предпочтение авторов обоих литературных направлений к более глубокой передаче сходства и различия между объектами, тогда как крайние формы сравнительных отношений – тождество и противопоставление – играют в структуре текста менее значимую роль.

Проведенный анализ показал, что в немецкоязычной литературе постмодернизма и экспрессионизма категория компаративности реализуется на разных языковых уровнях с различной степенью интенсивности. Постмодернистские тексты демонстрируют более активное использование синтаксических средств, тогда как в экспрессионизме преобладают лексические формы.

И. В. Чучкевич, А. Д. Слынько

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ УТОЧНЯЮЩИХ ВОПРОСОВ В РОМАНЕ К. ИСИГУРО «КЛАРА И СОЛНЦЕ»

Роман Кадзую Исигуро «Клара и солнце» представляет собой захватывающее исследование сознания, восприятия и коммуникации в контексте мира, все больше пронизанного технологиями. В центре повествования – Клара, искусственный друг, обладающая уникальным взглядом на человеческую жизнь. В процессе взаимодействия с людьми Клара сталкивается с многогранностью человеческих эмоций и сложностью социальных взаимодействий, стремится к построению полной и точной картины реального мира.

В такой ситуации уточняющие вопросы становятся для главного персонажа инструментом навигации в этом незнакомом мире, а также позволяют раскрыть сложную динамику взаимоотношений между людьми и искусственным интеллектом.

Уточняющий вопрос – это форма вопросительного высказывания, задаваемого для получения дополнительной информации или прояснения уже имеющейся информации. Они часто используются для устранения неясностей, проверки понимания или углубления диалога. Уточняющие вопросы позволяют выяснить детали, уточнить контекст и дать возможность собеседнику объяснить свои мысли или чувства.

Так как уточняющий вопрос играет важную роль в обеспечении эффективного и качественного межличностного взаимодействия, представляется актуальным в рамках данного исследования раскрыть понятие уточняющего вопроса и описать способы реализации этого уточнения, в частности выявить структурные характеристики уточняющих вопросов в исследуемом романе.

В структурном плане вопросительные предложения в современном английском языке подразделяются на следующие типы.

1. Общие вопросы направлены на получение подтверждения или опровержения информации. Ответом на общий вопрос служит «да» или «нет». С точки зрения структуры, общие вопросы характеризуются инверсией, то есть обратным порядком слов, когда вспомогательный или модальный глагол ставится перед подлежащим. Кроме того, общие вопросы отличаются специфической вопросительной интонацией, обычно восходящей в конце предложения. Коммуникативная функция общих вопросов заключается в выяснении истинности содержания предыдущего высказывания или предположения.

2. Разделительные вопросы представляют собой комбинацию утверждения и краткого вопроса, выражающего сомнение говорящего. Основная часть предложения формулируется как утверждение, а затем добавляется краткий вопрос, состоящий из вспомогательного или модального глагола (согласованного с глаголом в основной части) и местоимения, заменяющего подлежащее. Функция разделительных вопросов – получить подтверждение высказанной мысли от собеседника, разрешить собственные сомнения или проверить правильность понимания.

3. Специальные вопросы начинаются с вопросительного слова (*who, what, where, when, why, how* и т. д.) или вопросительной фразы (*what time, how long, how many* и т. п.). Они запрашивают конкретную информацию о каком-либо элементе высказывания, а также требуют развернутого ответа, содержащего запрашиваемую информацию. Интонационно специальные вопросы обычно характеризуются нисходящим тоном в конце, сходно с утвердительными предложениями.

4. Альтернативные вопросы предоставляют собеседнику выбор между двумя или более вариантами. Ключевым элементом структуры альтернативного вопроса является союз *or*, который соединяет предлагаемые варианты. Использование союза *or* исключает возможность ответа «да» или

«нет». Вместо этого, ответ должен содержать один из предложенных вариантов. Просодически альтернативные вопросы отличаются использованием восходящего тона в конце первой части и нисходящего тона в конце второй части, что отражает импликацию выбора.

Альтернативные вопросы могут быть построены по модели как общих, так и специальных вопросов. Например: *Will you go with us or stay at home?* (по модели общего вопроса) и *Which do you prefer, tea or coffee?* (по модели специального вопроса). Иногда вторая часть альтернативного вопроса может быть представлена просто отрицанием: *Will you accept their invitation or not?*.

5. Также в английском языке выделяют подразумеваемые вопросы. Подразумеваемые, или имплицитные, вопросы – это особый тип вопросов, которые не выражены в явной, прямой форме, а подразумеваются из контекста высказывания. Они отличаются от прямых вопросов, которые формулируются с использованием вопросительных слов и/или инверсией подлежащего и сказуемого. Суть подразумеваемого вопроса заключается в том, что говорящий не задает его напрямую, а лишь намекает на него, ожидая, что собеседник сам сформулирует и ответит на него.

В результате проведенного исследования были выявлены следующие структурные особенности уточняющего вопроса в романе:

1. Уточняющие вопросы в исследуемом материале довольно часто принимают форму специальных вопросов, построенных с использованием вопросительных слов *what*, *how long*, *what kind*. Данные конструкции встречаются в 19 % случаев.

Примечательно, что внутри данной структуры также наблюдается некоторая вариативность: от кратких вариантов (*How long?*) до более развернутых (*What could she have meant?*). Также такие вопросы могут быть как прямыми (с вопросительным словом в начале), так и косвенными, встроенными в более длинные структуры. Например, *What is the sun?* (прямой вопрос) и *I wonder what the sun is.* (косвенный вопрос).

2. Уточняющие общие вопросы (17 % от общей выборки), как правило, имеют стандартную структуру, начинающуюся с глагола-связки. Например, *Is that like a genre?* Однако, могут наблюдаться и случаи транспозиции типов вопросов. Так, например, вопрос *"Do you need a drink or something?*, являющийся по форме альтернативным, функционирует как общий, требуя ответа «да» либо «нет».

3. 14 % от выборки приходится на уточняющие разделительные вопросы. Эта структура, состоящая из утверждения и краткого вопроса-«хвостика», характерна для разговорной речи и служит для подтверждения понимания. Например: *But Josie's fine now, isn't she?* и *It's a beautiful day, isn't it?*.

4. Подразумеваемые вопросы составляют значительную часть выборки (50 %), иллюстрируя тенденцию к неявной коммуникации в разговорной речи. Они представлены эллиптическими конструкциями, такими как *A fight?*, *A barn?*, *Rick?*, *Other things?*, которые требуют контекста для интер-

претации. Эти вопросы представляют собой существительные или именные группы с вопросительной интонацией, подразумевая более полные вопросы: *Was it a fight?, Is it a barn?, Is that Rick?*. Они возникают как реакция на уже сказанное, чтобы переспросить, уточнить или выразить сомнение/удивление.

Краткая форма *Really?* также является эллиптической конструкцией, подразумевающей полный вопрос типа *Is that really true?* и демонстрирует экономию языковых средств в неформальном общении. Вопрос *Do you mean, Manager, that they lost each other?* иллюстрирует перефразировку сказанного собеседником для уточнения смысла, а не для получения подтверждения «да» или «нет».

Альтернативные и риторические вопросы в выборке отсутствуют.

Высокая частотность подразумеваемых, специальных, общих и разделятельных уточняющих вопросов, довольно часто представленных эллиптическими конструкциями, отражает тенденцию к экономии языковых средств и неявной коммуникации в неформальном общении. Помимо этого, уточняющие вопросы в романе Кадзую Исигуро «Клара и солнце» выходят далеко за рамки простых запросов информации. Они становятся окном во внутренний мир Клары, искусственного друга, стремящегося расшифровать сложный код человеческих эмоций и социальных взаимодействий. Роман Исигуро приглашает нас задуматься о будущем, где границы между искусственным и настоящим становятся все более размытыми, а язык, как зеркало мысли, отражает этот сложный и увлекательный процесс.

ФОНЕТИКА

В. С. Бондарчук

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ ЭМОТИВНО-ОЦЕНОЧНОЙ МОДАЛЬНОСТИ

Традиционно в лингвистике модальность определяют как «понятийная категория со значением отношения говорящего к содержанию высказывания и отношения содержания высказывания к действительности ..., выражаемая различными языковыми средствами, такими как формы наклонения, модальные глаголы, интонация и т.п.» (Ахманова, 2004).

В работе исследуется категория эмотивно-оценочной модальности, поскольку эмотивная и оценочная модальность тесно взаимосвязаны и находят отражение как на лексическом и грамматическом, так и на фонетическом уровне языка (Вольф, 2002).

Цель исследования – выявить сходства и различия темпоральных характеристик высказываний, используемых носителями русского и английского языков для передачи положительной и отрицательной эмотивно-оценочной модальности.

Для достижения поставленной цели был проведен фонетический эксперимент, состоящий из нескольких этапов. На первом этапе был отобран экспериментальный материал на русском и английском языке с использованием корпусов текстов. Он включал 20 высказываний, содержащих маркеры положительной, и 20 высказываний с маркерами отрицательной эмотивно-оценочной модальности на каждом из языков.

На втором этапе эксперимента была проведена аудиозапись с участием носителей английского и русского языков, после чего осуществлен удостоверительный анализ. Носителям языков предлагалось определить, естественно ли звучат высказывания, после чего другим носителям в произвольном порядке предъявлялись аудиозаписи для определения их оценочной окраски. Далее проведен темпоральный анализ в программе Praat.

По результатам проведенного эксперимента были зафиксированы следующие тенденции:

1. Общее замедление темпа в отрицательных высказываниях. В русском языке темп замедлился на 19 %, в английском – на 17 %. Причиной замедления может служить более сложная эмоциональная и когнитивная обработка высказываний с отрицательной оценкой.

2. Увеличение пауз между синтагмами в отрицательных высказываниях. Средняя длительность пауз увеличивается в русском языке – на 31 %, в английском языке – на 24 %. Тенденция к увеличению пауз может быть связана с необходимостью в более глубоком когнитивном осмыслении и большей артикуляционной точности при передаче отрицательных оценок.

Выявленные тенденции подтверждают, что эмотивно-оценочная модальность системно влияет на темпоральные параметры речи. В дальнейшем планируется расширение экспериментального материала и увеличение количества испытуемых для разграничения случаев, отражающих языковые тенденции и индивидуальное варьирование.

Л. Г. Воробьева

ЭКСПЛИЦИТНОСТЬ СТЕПЕНИ ВЕЖЛИВОЙ ОБРАЩЕННОСТИ В ПРОСОДИИ АНГЛИЙСКОЙ УСТНОЙ ФРАЗЫ

Анализ категории вежливости как социальное, персональное и лингвопрагматическое явление, несомненно, предполагает необходимость учета разнофакторных условий ее проявления в речевой коммуникации. При этом универсальным средством языкового выражения вежливой апеллятивности в английском языке, как известно, является определенный инвентарь этикетных речевых формообразований, которые представляют собой метакоммуникативные стратегии выражения вежливой эмотивности.

В данной работе представлены результаты проведенного сравнительного анализа потенциального взаимодействия определенных устойчивых семантико-синтаксических видов английских вопросов и их просодического расслоения по степени вежливой апеллятивности в процессе речевой коммуникации.

Для проведения исследования были выбраны 130 вопросительных единиц из диалогов, содержащихся в художественных произведениях современных британских авторов. Звуковые версии соответствующих аудиокниг в исполнении дикторов-англичан были получены по Интернету. Речевой материал в равной пропорции включал объектно-ориентированные вопросы типа *Could you sort it out for me?*, так и субъектно-ориентированные, например, *Could I come, too?*

Методом сплошной выборки в художественных произведениях было выявлено 12 наиболее рекуррентных лексико-синтаксических моделей вежливых вопросов, которые предпочтительно являлись общими вопросами (82 % случаев), инициируемые модальными глаголами *can*, *could*, *will*, *would*, *should*, *shall*, *may* или фразами *Do you need / want / think*. Специальные вопросы *How can I help you?*, разделительные *I'll send Martin in, shall I?*, вопросительные высказывания с прямым порядком слов *You don't mind me knowing?* в совокупности составляли менее 20 % во всех рассматриваемых произведениях.

Фонетический анализ исследуемых фраз проводился в два этапа. На первом этапе наивному носителю английского языка было предложено оценить степень вежливости всех вопросов в их письменной и устной версиях (с разным времененным интервалом) по шкале как а) наиболее вежливые (most polite); б) нормативно вежливые (polite); в) наименее вежливые (least polite).

Следует отметить при этом, что все вопросы не содержали лексических индикаторов директивного или негативно оценочного характера.

В письменной версии как наиболее вежливые носителем языка были квалифицированы субъектно-ориентированные вопросы, инициируемые модальными глаголами *shall* и *may*: *Shall I get you something to eat? May I sit down?*, и как наименее вежливые отрицательно-вопросительной формы их построения. Например: *Can't you come along afterwards?* Все виды вопросов 73 % случаев их письменного предъявления носитель языка считал нормативно вежливыми.

Идентификация степени вежливости звуковых образов исследованных фраз, учитывая их контекстно обусловленное, социально адекватное и лингвопрагматически зависимое воспроизведение текстов профессиональными актерами показала более широкий спектр вариативности эмотивно-модальной интерпретации разных семантико-сintаксических построений вопросов, которые в 54 % случаев их звуковых версий были оценены как нормативно вежливые, в 35 % как наиболее вежливые и в 11 % как наименее вежливые.

Сравнительный анализ корреляции всех двенадцати синтаксических построений вежливых вопросов и их просодической актуализации в нашем исследовании показал, что сохранение этических вербальных требований вежливой обращенности в структуре английского вопроса независимо от его вида, не в значительной степени влияет на формирование перлокутивного аспекта вежливости как особой стратегии речевого поведения индивидуума.

Исключением в этом плане являются отрицательные как общие, так и специальные вопросы, а также вопросы с прямым порядком слов и разделительные вопросы с *will you* тэгом, которые в их письменной и устной форме представления носитель языка считал менее вежливым. Это вопросы типа: *Do you think it's my fault? Take your time, will you? Can't we get sandwiches? What's up?*

Перцептивный анализ просодических структур вежливой вопросительности показал, что при возрастании степени вежливости общего вопроса увеличивается процент частотности употребления высокого восходящего не только терминального тона, но и первого ударного слога. Низкий восходящий тон на первом ударном слоге был зафиксирован в два раза чаще, чем в наименее вежливых вопросах. *Would you be 'O, K if we 'come 'in?*

В специальных вопросах в два раза чаще, тем не менее, зафиксирован высокий нисходящий как базовый для этого типа вопросов. Нисходящий восходящий тон практически с одинаковой частотностью характерен для всех структурных образований независимо от экспликации степени вежливости информанта.

Отрицательные вопросительные фразы отличает большая вариативность терминальных тонов, 44 % случаев из которых были произнесены дикторами с высоким или средним нисходящим тоном и 39 % с высоким восходящим

терминальным тоном. Например: '*Why don't you have a look, too?* *Why don't you walk to the station?*' Или с низким нисходящим тоном в 17 % случаев: '*Why don't you wait?*'

Одним из способов дифференциации вопросов по степени вежливости является сдвиг ядерного ударения с финальной позиции на срединные значимые слова в наименее вежливых вопросах при его полном отсутствии в наиболее вежливых вопросах. Различие в акцентной выделенности ударных слогов не являлось в исследуемом материале средством расслоения вопросов по степени вежливости. Количество выделенных слогов во всех видах вопросов как по типу ударений, так и их дистрибуции не является значимым признаком их эмотивного противопоставления.

В целом проведенное исследование показало, что тип семантико-синтаксических структур вопросительной фразы вежливой обращенности и просодическая структура ее презентации в устном нейтрально-бытовом контексте не носит однозначный характер в плане создания большей / меньшей степени проявления вежливой обращенности адресанта.

Л. Г. Воробьева, И. И. Панова

СООТНОШЕНИЕ СИНТАКТИКО-ПРОСОДИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В СЕГМЕНТАЦИИ ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКИХ ВИДОВ АНГЛИЙСКИХ УСТНЫХ И ПИСЬМЕННЫХ ТЕКСТОВ

Предпринятое исследование сегментирующей специфики английского звучащего текста и его орфографического варианта было нацелено на прогнозирующее установление потенциальной корреляции фонационной паузы и знака препинания в разных дискурсивных условиях порождения английского устного текста и его соответствующего орфографического представления.

Контролирующими индикаторами ограничения объема и установления границ интонационных групп (синтагм) как основных единиц порождения и восприятия дискретности устного текста были паузы, регистрируемые на слух опытными фонетистами. Орфографические версии звуковых отрезков без заглавных букв и знаков препинания были предложены другой группе информантов для их синтактико-пунктуационного членения знаками препинания с учетом действующих в английском языке (в том числе и факультативных) правил пунктуации (Деньгина, М. Р., Злобина, А. Н., Петрова, Е. А., 2016).

Объем базы речевого материала был расширен с учетом допустимого воплощения вариативности жанрово-стилистических видов сообщений и их содержательности: официально-деловых (юридических и публицистических) и спонтанно разговорных. Устные речевые образцы в количестве 12 текстов были равны по времени звучания (0,5 мин.) при максимально возможной

нейтрализации влияния эмотивно-модальных проявлений и индивидуально зависимого темпа речи говорящего. Звуковые образцы были заимствованы из британских аутентичных источников (Crystal, D., 1989).

Например:

1. *To be¹¹gin with / ¹this ²case ³should⁴ 'never / have 'come to ⁵trial. / The 'state has ⁶not // pro¹duced ⁷one ⁸iota / of 'medical ⁹evidence, / that the 'crime / ¹⁰Tom ¹¹Robinson is ¹²charged ¹³with // 'ever / 'took ¹⁴place.* (Юридическое сообщество; ЮС)

2. *I¹magine if we were 'able to do sort of adds to 'gether cam²paign ³with a 'nother gene⁴ration, // I 'think that's ⁵so e⁶xiting to think 'that, // with so 'many ⁷more ⁸of us 'working on ⁹the 'same ¹⁰cause, / or 'similar ¹¹causes, / 'we 'could 'make a real ¹²impact.* (Публицистическое сообщество; ПС)

3. *You see, ¹I de²cided / to have our ³kitchen re⁴painted. ⁵Mona ⁶was a ⁷way for the ⁸last ⁹week, / and ¹⁰I ¹¹wanted ¹²to sur¹³prise her ¹⁴when she ¹⁵got ¹⁶home. / The ¹⁷decorator ¹⁸had ¹⁹just ²⁰finished and ²¹was ²²hammering, / ²³putting a ²⁴picture ²⁵back on their ²⁶wall for us ²⁷when ²⁸he ²⁹hit a ³⁰gas pipe.* (Нейтрально-бытовая речь; НС)

Просодическая разметка осуществлялась опытными фонетистами и заключалась в графическом фиксировании воспринимаемой длительности паузы (долгой, средней, короткой); случаев перепада тона без прерыва фонации как сигнала дискретности не учитывались. Например: *I'm ¹never ²going on a 'nother ³school ⁴trip as ⁵long as I ⁶live.*

При этом аудиторам было предложено записать последнее слово перед длинной паузой с целью последующего определения ее соотношения с частеречным классом слова. Это предполагало возможность уточнить тенденцию обязательного и факультативного разграничения синтаксических структур в двух формах речи и их разностилистических видах. Здесь следует указать, что реальное количество единиц, осознаваемых аудиторами как относительно автономные смысловые образования, маркируемые кинетическими тонами, не были отмечены фонационными перерывами звучания и не рассматривались с точки зрения средств их пунктуационной сегментации.

В целом, несмотря на наличие определенных сходств между процессами сегментации письменного и устного текста, поскольку их прогнозирование в большинстве случаев строится на основе тождества нормативных семантико-синтаксических правил его построения в английском языке, в устном тексте в большей степени эксплицирована не только его дискретность, но и смысловая иерархическая дифференциация его составляющих просодических единиц (синтагм) при неотъемлемом комплексном действии акцентно-мелодического компонента в их просодических структурах.

Здесь следует отметить, что иерархический статус просодического членения устной речи и его примарная роль были подтверждены в ряде работ по описанию синтактико-просодических типов сложных предложений (Панова, И. И., 1974).

При универсальном характере наиболее устойчивой паузальной сегментации устного текста ее прогнозирующая сила по-разному проявляется в разножанровых видах устного дискурса, и по-разному, отражает информацию о знаке препинания. Сравнение показало, что важным индикатором жанрово-стилистической контрастивности членения устного сообщения является количественно-слоговой состав интонационных групп, а именно: по усредненным данным предпочтительно одно-двусловные синтагмы наиболее частотны в юридической речи и четырех/пятисловные – в публицистических и непринужденных сообщениях.

Длительность перерыва фонации не обусловлена частеречной принадлежностью слова и в большей степени ее локализации и выполняет кульминативно-акцентирующую функцию в ЮС и ПС. Например: *It never took // place; relied instead // upon the testimony* (ЮС); *more of us // working // on the same cause* (ПС).

Проведенное исследование синтактико-просодического совпадения границ паузального членения устных текстов и знаков препинания в их письменных версиях на базе полученных перцептивных данных позволяет прогнозировать степень их рекуррентного совпадения в виде последовательности ПС > НС > ЮС.

Н. М. Гвоздикова

СПЕЦИФИКА ПРОСОДИЧЕСКОГО МАРКИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-СМЫСЛОВОГО ЦЕНТРА АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЫ В РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ ЯЗЫКА И БИЛИНГВОВ

Цель исследования состоит в выявлении сходства и различий между носителями языка и билингвами в перцептивной идентификации ядерных акцентов и продуцировании акцентной организации фраз с нефинальной позицией ядра под влиянием семантико-синтаксических особенностей фразы.

Ядерное (главное) фразовое ударение, или, в современной терминологии, ядерный тональный акцент, относится к центральным понятиям научного анализа фразовой просодии (интонации в широком понимании термина). С ним связаны важнейшие функции интонации (фразовой просодии). В силу доминирования своей финальной позиции в синтагме (фразе) ядерное ударение является маркером границ вычленяемых речевых отрезков и характера их связи с последующим. Вместе с тем, нельзя игнорировать достаточно широко наблюдаемую в речи возможность нефинальной позиции ядра в синтагме (фразе). Обусловленность такой локализации, как правило, связывается с позицией фразы в контексте, и в этом смысле фразы

(синтагмы) с нефинальной позицией ядра, определяются как контекстуально маркированные. Особый интерес вызывает сдвиг ядра с финальной позиции, обусловленный микроконтекстом, т. е. внутрифразовой лексико-сintаксической структурой, и независящий от макроконтекста (Е. Б. Карневская, 2009).

Проведенное исследование экспериментально подтвердило принятую гипотезу о наличии микроконтекстных предпосылок для нефинальной локализации ядерного акцента во фразе. По мнению лингвистов (D. Bolinger, 1972; J. Bresnan, 1971), они заключаются в семантических особенностях отдельных групп слов, относящихся к различным лексико-грамматическим классам: существительным, глаголам, прилагательным, наречиям, частицам (т.е. к элементам как сильной так и слабой семантики). Распознавание микроконтекстных лексико-семантических предпосылок для нефинальной позиции ядра представляет теоретический и практический интерес. С практической точки зрения, в частности, использование «сдвига» ядра без макроконтекстной обусловленности для носителей языка является проявлением их когнитивно-коммуникативных навыков. В то же время, для билингвов, даже с высоким уровнем владения языком, идентификация микроконтекстных факторов сдвига ядра является одной из трудностей акцентной организации фразы, а именно, определения локализации ядра и других тональных акцентов во фразе. Следует указать, что сдвиг ядра с финальной позиции ядра давно признан вариантом нормативной акцентной организации фразы. При этом все высказывания с нефинальной локализацией ядра воспринимаются как более экспрессивные чем фразы с финальной позицией ядра.

Как показали исследования отечественных и зарубежных авторов (Т. М. Николаева, 1982D. Bolinger, 1972; S.F. Schmerling, 1976), нефинальная локализация ядерного акцента обладает ингерентной экспрессивностью, не зависящей от макроконтекста. Важно также указать, что явление сдвига не означает обязательной начальной позиции ядра. Оно носит более широкий характер. Основным критерием сдвига является нефинальность ядра. Как показали исследования, в том числе и проведенное нами, сдвиг ядра идентифицируется даже в предфинальной позиции.

В нашей работе было решено использовать часть экспериментального материала диссертационного исследования Н. Т. Кузьменко, выполненного по обсуждаемой проблеме на кафедре фонетики английского языка под руководством Е. Б. Карневской в 1990 году. Экспериментальный материал исследования предполагал предварительный отбор типов фразовых структур, которые маркированы по распределению смысловой выделенности лексико-сintаксическими средствами и поэтому характеризуются высокой степенью предсказуемости локализации фразовых акцентов. Материал исследования представляет собой 67 предложений, отобранных из текстов художественной литературы и иного типа текстов (эссе, рассказов, статей). Общей чертой всех отобранных предложений явилось наличие потенциальных сигналов нефинальной позиции смыслового центра – ядра.

Следующим этапом работы явилось озвучивание отобранных предложений. Оно осуществлялось только билингвами, поскольку записи носителей языка, как уже отмечалось, были заимствованы из работы Н. Т Кузьменко. В качестве испытуемых-билингвов с родным русским языком были приглашены трое выпускников факультета английского языка МГЛУ, имеющих не менее двух лет опыта преподавания практической фонетики английского языка в МГЛУ.

Полученные записи были подвергнуты аудитивному анализу, включающему два этапа:

- 1) семантический, направленный на установление степеней выделенности элементов высказываний;
- 2) фонетический, направленный на осуществление просодической транскрипции озвученного материала в соответствии с требованиями, принятыми в современных экспериментально-фонетических исследованиях.

В качестве аудиторов-экспертов выступили преподаватели фонетики английского языка, имеющие большой опыт перцептивной идентификации просодической структуры.

Обобщение результатов исследования позволяет выделить модели акцентных структур, содержащих те или иные лексико-грамматические сигналы ядерной выделенности, используемых в речи как носителей языка, так и билингвов:

1) с ядерным выделением подлежащего:

My \ mother is coming ‘Сейчас мама придет’. *An \idea has struck me.*

2) с ядерным выделением сказуемого:

She \hated emotions. ‘Она ненавидела эмоции’. *He was \shocked by her words.*

3) с ядерным выделением различных элементов фразы, усиленных интенсификаторами, либо самих интенсификаторов:

It was certainly a \surprising discovery. ‘Это было поистине удивительное открытие’

4) с ядерным выделением дополнения или обстоятельства в предфинальной позиции:

I've got a \meeting tonight. ‘У меня сегодня встреча’.

5) с ядерным выделением атрибута в атрибутивных словосочетаниях (Adj.+ N; N +N) и дополнения в словосочетаниях типа N + Int:

I've got a \ story to tell. ‘У меня есть, что рассказать’

Анализ акцентной структуры (H. Wode, 1966) озвученных билингвами фраз показал, в целом, что нефинальная позиция ядра используется неносителями языка в предложенных фразах значительно реже, чем в речи носителей языка. Полное соответствие с потенциальной, ожидаемой, локализацией ядерного акцента, характерное для того или иного структурного типа, наблюдается в среднем у всех дикторов в 31 % высказываний: II типа (7 %), III типа (29 %), IV типа (14 %) и V типа (50 %). Реализация потенциального сдвига ядра во фразах I типа характеризует лишь 7 % от общего числа фраз.

Сравнение числа отклонений от потенциальной акцентной структуры анализируемых типов фраз при чтении билингвами *смешанного списка* показало, что наибольшую сложность для них представляли высказывания I и II структурных типов (45 % и 43 % соответственно).

Реализация билингвами структур с нефинальным положением ядра отличается от носителей языка не только по дистрибуции явления, но по его фонетической форме, т.е. по высотно-диапазональным вариантам ядерного падения ч.о.т., по его форме и конфигурации, по употреблению составных контуров, которые в речи билингвов часто замещаются внутрифразовым синтагматическим членением. Обсуждаемый вариант нормы обладает устойчивостью, проявляющейся в неизменности акцентной структуры фразы, содержащей тот или иной микроконтекстный сигнал выделенности независимо от макроконтекстных условий: позиции и функции фразы в абзаце или в диалоге. Как было показано при обсуждении полученных результатов, 97 % всех анализируемых реализаций характеризуются нефинальной локализацией ядерного акцента в речи носителей языка и 62 % – в речи билингвов.

Одна из особенностей акцентной структуры фраз с нефинальной локализацией информационного центра состоит в отсутствии полной дезакцентуации заядерной части высказывания. Здесь можно выделить два вида фонетической реализации:

- 1) ослабленный полный тональный акцент (случаи с воспринимаемым низким узким нисходящим или низким ровным терминальными тонами).
- 2) частичная выделенность (случаи с воспринимаемым низким статическим тоном).

Таким образом, нефинальная локализация ядерного акцента означает модификацию всей просодической структуры фразы.

Е. Д. Долматова

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВНУТРИСЛОВНЫХ И МЕЖСЛОВНЫХ КОНСОНАНТНЫХ СТЫКОВ В РЕЧИ БИЛИНГВОВ

Реализация английских консонантных стыков представляет определенную трудность для билингвов, в первую очередь, из-за различий в фонологических системах и фонотактике родного и изучаемого языков, а также особенностей ассимилятивных явлений в разных языках. В этом плане изучение вопроса установления особенностей взаимодействия единиц внутри подсистемы английских согласных в спонтанной речи и роли аллофонических модификаций в условиях белорусско-английской и русско-английской интерференции представляет не только теоретический, но и прикладной интерес.

Исследование, результаты которого обсуждаются в данном докладе, было направлено на установление характера и степени отклонений в реализации английских межсловных (*s#p*, *s#t*, *s#k*) и внутрисловных (*-sp-*, *-st-*, *-sk-*) консонантных стыков в речи носителей и неносителей английского языка.

С учетом современной языковой ситуации в Беларуси основной корпус экспериментального материала составила спонтанная английская речь двух дикторов-билингвов (женщин), коренных жителей Беларуси, пользующихся русским языком в повседневном общении и свободно владеющих английским языком в качестве иностранного, и двух дикторов-женщин, носителей британского варианта современного английского языка.

Полученные результаты подтвердили гипотезу о взаимосвязи между длительностью звучания консонантных сочетаний, или стыков, и качеством речи билингвов, а именно, качеством произношения. Было показано, что нарушения в длительности определяют восприятие отклонений от нормы произнесения рассматриваемых последовательностей сегментных единиц в силу участия минимальных фонетических единиц в формировании ритма связной речи. Поскольку механизм соединения/разъединения смежных элементов речевой цепи имеет конкретно-языковую специфику, использование, например, несоответствующих позиций и комбинаторике аллофонов стыковых согласных мешает восприятию смыслового членения и формирует психологически некомфортную речь, которая тормозит и/или разрушает коммуникацию. Вместе с тем следует отметить, что связь между длительностью консонантных стыков и воспринимаемым качеством произнесения слова не является постоянной. Это означает, что в ряде случаев оценка качества звучания остается высокой, несмотря на отсутствие совпадения с эталоном по временному соотношению элементов, и наоборот.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что, как и следовало ожидать, временная структура консонантных стыков в речи билингвов характеризуется большим числом отклонений от эталона, которые сводятся к следующим двум типам по суммарной длительности стыков: 1) сокращению суммарной длительности консонантных сочетаний по сравнению с эталоном; 2) отсутствию динамики в суммарной длительности консонантного стыка при изменении темпа речи.

На перцептивном уровне изучаемые консонантные стыки во внутрисловной позиции в речи неносителей английского языка воспринимаются как излишне «тяжелые» из-за увеличенной длительности *второго элемента стыка*. Отклонения в длительности второго согласного в стыке, как показали результаты акустического анализа, связаны с сокращением или, наоборот, увеличением фазы взрыва, т.е. с неадекватной реализацией аспирации и нестабильностью соотношения «смычка/взрыв» по длительности.

Отклонения по суммарной длительности стыков, а также по длительности каждого из стыковых согласных могут оказать существенное влияние на общую оценку произношения, что доказывает известный тезис о значимости всех звуковых явлений для соблюдения произносительной нормы.

Именно это положение должно определять подход к обучению иноязычному произношению. В лингвистическом плане проведенное исследование расширяет знания и обогащает данные по вопросу корреляции акустических и перцептивных характеристик сегментных единиц и речи в целом.

И. Г. Лебедева

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕЧИ БЕЛОРУСАМИ

Перцепция иноязычной речи представляет собой сложный процесс, поскольку она связана с формированием в мозге полимодальных структур. Эти структуры включают в себя артикуляторный, кинестетический, акустический компоненты, а также механизмы, отвечающий за коррекцию звучания. Все эти модальности интегрируются в единые перцептивные модели, которые постепенно формируются в процессе языкового опыта.

В родном языке такие модели уже стабилизированы и функционируют автоматически, так как они формируются в ходе естественного овладения речью. Однако при изучении иностранного языка эти модели на первых порах оказываются фрагментированными – как разбитое зеркало: акустические, артикуляционные и кинестетические образы могут существовать разрозненно, не образуя целостного эталона и не соотносясь с семантическим содержанием. Это и является причиной множества трудностей восприятия и порождения речи.

На начальном этапе обучения артикуляция и восприятие часто не согласованы: учащиеся могут не осознавать свои ошибки в произношении и одновременно не распознавать соответствующие звуки в речи носителей языка. Это объясняется тем, что перцептивная база еще не содержит устойчивых моделей, соответствующих звуковой системе изучаемого языка.

Особую роль при этом играет ритмический компонент перцепции. Ритмические модели, хранящиеся в памяти, обладают высокой устойчивостью и оказывают значительное влияние на восприятие чуждого ритма. Каждому языку свойственен свой набор ритмических паттернов и механизмов дополнительного акцентного выделения. В нормативном варианте французского языка (во Франции), при замедленном темпе речи дополнительная ритмическая выделенность может появляться на каждом нечетном слоге, отсчитываемом от конца ритмической группы. В белорусском варианте русского языка при замедлении темпа акцент дополнительно падает на первый слог и на предударный слог. Таким образом, при столкновении двух ритмических систем (французской и белорусско-русской) у учащихся возникает перцептивная интерференция: ожидания, связанные с родной ритмикой, вступают в конфликт с реальной ритмической структурой французской речи.

Именно это ритмическое несовпадение становится одной из значимых причин возникновения перцептивных модификаций, при которых слушающий систематически подменяет одни звуковые категории другими, искажая воспринимаемый речевой материал. Такие искажения не следует считать ошибками в полном смысле слова – это варианты перцептивного восприятия, обусловленные еще не сформированной перцептивной системой.

Результаты нашего эксперимента показали, что наиболее частотными типами неадекватной идентификации стали вставки и выпадения: они затронули 56 % согласных и 32 % гласных от общего числа ошибочно распознанных звуков. Это свидетельствует о наличии ритмических искажений в перцептивной сфере испытуемых. Длительность акцентных единиц воспринималась искаженно: одни слоги казались удлиненными, другие – укороченными. Например: *s'était une de ces journées* → *s'était une ou sept journées*; *mais c'est bien ça le repère* → *mais c'est bien ça le père*.

Наиболее частотными оказались перцептивные удлинения второго и четвертого предударных слогов, а также укорочения первого и третьего. Предположительно, такие искажения связаны с несовпадением ритмической выделенности безударных слогов в контактирующих языках.

Чаще всего вставке и выпадению подвергались увулярный [k], переднеязычные [l], [t], [n], [d], а также гласные [a] и [œ]. Такое поведение вполне предсказуемо: увулярные звуки отсутствуют в белорусском варианте русского языка. Зачастую обучаемому белорусу при постановке французского произношения ошибочно предлагается использовать в качестве ориентира белорусский фарингальный [y], что затрудняет реализацию переднеязычных французских гласных, способствует их дифтонгизации и может приводить к появлению дополнительного заударного слога. Например: *mère* → [mar̩], *père* → [peir], *bonjour* → [bõ'ʒur̩].

Проблемы в восприятии переднеязычных согласных объясняются артикуляционными различиями: во французском языке они апикальные (артикулируются кончиком языка), в белорусском варианте русского – дорсальные (в артикуляции участвует вся передняя часть языка, артикуляция расслабленная). Артикуляционное время французских апикальных короче, чем у белорусских дорсальных, в результате чего переднеязычные согласные не распознаются в рамках перцептивной базы и подвергаются искажению. Например: *il vient voir ses amis* → *il vient voir des amis*. Таким образом, различие в длительности реализации сходных, но не тождественных звуков несомненно ухудшает их распознавание в потоке речи.

Факт частотного выпадения французских гласных [a] и [œ] из перцептивного поля испытуемых-белорусов также закономерен. Первый используется в компрессии русского текста, второй – французского (например: *жаворонок*, *chez le boulanger*). Это объясняет частотные выпадения данных гласных в перцептивных вариантах испытуемых. Например: *toute menue* → *toute nüe, ne pouvait pas la protéger* → *ne peut pas la protéger*.

Анализ перцептивных модификаций согласных выявил следующие закономерности:

- в ударном слоге при преобладании неадекватных идентификаций наблюдается тенденция к замене признака звонкости на глухость, а также к субSTITУции звонких смычных согласных щелевыми, что связано с увеличением их воспринимаемой длительности;
- в предударном слоге фиксируются замены звонких согласных на сонорные, а щелевых – на смычные, что свидетельствует о сокращении длительности слога в восприятии;
- наибольшие трудности у испытуемых вызывает восприятие признака переднеязычности.

Анализ перцептивных модификаций французских гласных позволил выделить следующие закономерности:

- помимо вставок и выпадений, в восприятии французских гласных испытуемыми были зафиксированы неадекватные идентификации по четырем дифференциальным признакам: назальности, ряду, огубленности и подъему;
- восприятие признака подъема гласных переднего ряда представляет наибольшую трудность;
- дифференциальная значимость признака подъема ослабевает в слогах, удаленных от ударного, что сопровождается предпочтением более открытых перцептивных вариантов;
- наблюдается редукция репертуара вокальных элементов, используемых в качестве перцептивных вариантов; при этом субSTITУции полузакрытыми гласными [e], [ø], [ɔ] отсутствуют;
- при неадекватной идентификации признака назальности фиксируется увеличение длительности воспринимаемых гласных в ударных и ритмически выделенных предударных слогах и ее сокращение – в ритмически невыделенных безударных, что обусловлено различиями в характере перцептивных трансформаций;
- неадекватная идентификация огубленности сопровождается трудностями восприятия гласных переднего ряда, снижением способности к их дифференциации в безударных слогах, сокращением воспринимаемой длительности ритмически невыделенных предударных слогов (в результате делабиализации), а также увеличением длительности ритмически выделенных предударных слогов (вследствие трансформации лабиализации).

Таким образом, выявленные перцептивные искажения обусловлены несовпадением ритмических паттернов родного и иностранного языков. Эти различия на уровне слоговой организации речи затрудняют формирование адекватного перцептивного эталона и приводят к неадекватной идентификации дифференциальных признаков речевых элементов.

СТАНОВЛЕНИЕ КАЧЕСТВА ПЕРЕДНЕЯЗЫЧНОСТИ
ФРАНЦУЗСКИХ ЗВУКОВ В ПЕРЦЕПТИВНО-АРТИКУЛЯЦИОННОЙ
БАЗЕ БЕЛОРУССОВ

Французский и белорусский языки, относящиеся к разным языковым семьям, существенно различаются по своим артикуляционно-перцептивным характеристикам.

Фонемическую систему французского языка характеризуют три ключевые особенности, оказывающие влияние как на гласные, так и на согласные: артикуляционная напряженность, ранний отступ и преимущественно переднеязычная артикуляция.

В консонантной подсистеме напряженный характер артикуляции обуславливает постоянство качества звука на протяжении всей фонации, отсутствие аффрикат, энергичную реализацию щелевых и четкое смыкание с последующим активным размыканием взрывных согласных. Ранний отступ является причиной отсутствия оглушения согласных на конечной позиции акцентной единицы. Мускульное напряжение нарастает к концу акцентной единицы, в результате чего финальные согласные, являясь сильноконечными, окрашиваются призвуком [ə] либо образуют сцепления со словом, начинаяющимся с гласного.

Переднеязычный характер артикуляции проявляется в том, что 17 из 20 согласных артикулируются в передней части рта.

Белорусскую фонемическую систему отличает ненапряженный характер артикуляции, наличие позднего отступа и преобладание средне-заднеязычных реализаций. Общая ненапряженность органов речи приводит к изменению качества звука в течение фонации. Это проявляется в наличии аффрикат, в специфическом [i]-образном гайде, возникающем при переходе от мягкого согласного к гласному, и в менее четком смыкании взрывных согласных. Для щелевых характерна усиленная фрикация и так называемая «ш-образная» окраска ([š'] и [ž']). [А. И. Падлужны, В. М. Чэкман, 1973]. Поздний отступ является причиной отсутствия четкости размыкания финальных согласных, что воспринимается как их перцептивное затухание. В белорусском языке на конечной позиции акцентной единицы отсутствует четкость размыкания конечных согласных, употребляются сильноначальные формы, наблюдается нейтрализация противопоставления звонких и глухих согласных.

Переднеязычными являются 19 из 39 белорусских согласных. Анализ места образования переднеязычных согласных во французском и белорусском языках выявил наличие отличий в используемых артикуляторных зонах каждым из языков. Сопоставляемые системы имеют 8 близких по месту образования переднеязычных согласных. Однако 6 из 8 переднеязычных французских согласных являются апикальными. Они реализуются при активном контакте кончика языка с альвеолярной зоной. При артикуляции передне-

дорсальных переднеязычных [s], [z] образование щели происходит между передней частью спинки языка и твердым небом от альвеолярного бугра до зубов.

В белорусском языке 14 из 19 переднеязычных согласных являются дентальными. Для этих звуков характерна широкая смычка, обусловленная общей артикуляционной расслабленностью. Смычка начинается с легкого касания кончиком языка верхних зубов. Затем язык продолжает движение вперед и прижимается всей передней частью к зазальвеолярной зоне. У дентальных [ʃ], [ʒ], [tʃ], [dʒ] наблюдается смещение артикуляции в сторону палатальной зоны, что позволяет классифицировать их как передне-средне-небные. К передне-средненебным можно отнести также [n'], [š'], [ž'], [tš'], [dž'], однако вследствие артикуляционной расслабленности у них наблюдается размытая зона образования. [А. И. Падлужны, В. М. Чэкман, 1973].

Сопоставительный анализ двух языков по дифференциации ряда гласных выявил диафоническую вариативность, проявляющуюся в противопоставлении двух рядов во французском языке, и аллофоническую вариативность, допускающую до пяти рядов в белорусском.

Если 75 % белорусских аллофонов реализуются в средней и задней части рта, то во французском задний ряд охватывает лишь 40 %. Отмечается, что частотность использования французских гласных заднего ряда еще ниже, составляя 23,67 % в речевом потоке. Гласными заднего ряда являются только шесть фонем – [u], [o], [ɔ], [ɔ̃], [ã], [ɑ]. Последняя из них имеет тенденцию к исчезновению в современном употреблении, заменяясь гласным переднего ряда.

Проведенное нами исследование было направлено на изучение эволюции переднеязычности французских звуков в перцептивно-артикуляционной базе белорусских носителей языка, изучающих французский язык как иностранный. Основной целью было выявление артикуляторных модификаций и перцептивных недодифференциаций, а также анализ процесса становления признака переднеязычности у гласных и согласных.

Проведенный нами анализ артикуляции качественных характеристик французских согласных испытуемыми белорусами, изучающими французский язык как иностранный, позволил выявить, что чаще всего модификациями затронуты сонорные [l], [n] и шумные [t], [d], [ʒ] (18,5; 11,0; и 13,2; 6,7; 6,3 % соответственно).

Обращает на себя внимание, что все эти согласные, являясь переднеязычными, перекрывают 55,6 % модифицированного материала.

Анализ восприятия испытуемых показал, что переднеязычные согласные чаще других подвергаются неадекватной идентификации по признакам выпадения, вставки, степени участия голоса и назальности, а также выступают в качестве наиболее рекуррентных перцептивных вариантов при неадекватной дифференциации согласных иного места образования.

Анализ вокалических артикуляторных трудностей испытуемых показал, что недодифференциация гласных по признаку ряда составила 31,9 % от

общего количества. Среди зафиксированных модификаций 98,4 % представляют собой замену переднего ряда французских гласных задним. Анализ качественных и количественных модификаций по признаку ряда выявил резистентность к становлению французских огубленных гласных переднего ряда [ø], [œ], [y].

Согласно данным эксперимента, неадекватная идентификация ряда гласных, являясь самым наименее распространенным перцептивным несоответствием. Выявлено, что основные трудности испытуемых связаны с восприятием безударных гласных заднего ряда (72,5 %). В ударном слоге при меньшей частотности недодифференциации ряда подвержены огубленные переднеязычные [ø], [y] и [œ]. Первые два гласных идентифицируются как [u] либо [o], а последний – как [o]. Например: *il en fut très heureux* = ⁵i/ ⁴l é/ ³tait/ ²grand/ ¹hé/ 'ros; *si tu veux* = *si tu voulais*; *Alibaba fut confus* = ³A/ ²li/ 'ba/ 'ba ²fut/ ¹comme/ 'fou, ³A/ ²li/ 'ba/ 'ba ²fut/ ¹comme/ [fo]; *mets-le* = ¹mets/ 'l'eau.

Тренировка перцептивно-артикуляторных действий позволила значительно снизить число ошибок. К завершающему эксперимент тесту в ударном слоге наиболее резистентным к становлению являются переднеязычные [t], [d], [l]. В безударных слогах, к данным трудностям добавляются трудности становления [s] и [z].

В системе вокализма обращает на себя внимание факт, что недифференциация ряда огубленных гласных переднего ряда сохраняется также в завершающем teste, при этом количество модификаций артикуляции превосходит количество неадекватных идентификаций восприятия, что объясняется отставанием артикуляторного навыка от навыка восприятия.

В. В. Лопатько, Л. И. Трибис

ПРОСОДИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНТЕРЪЕКТИВОВ В СТРУКТУРЕ АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЫ

Глубокая эмоциональная противоречивость и неоднозначность языковой природы интеръектипов привлекают внимание современных лингвистов, работы которых демонстрируют актуальность и своеобразие их устной реализации, иллюстрируя результаты исследований по всем параметрам – их месту в общей системе языка и проблемам классификации (Бахмутова Е. А., Вержбицкая А., Кустова Е. Ю., Туебекова З. Д.), лексико-семантической вариативности и функциональной направленности (Bolden G.B., Чуранов Е. А., Прудникова А. В., Рябкова Н. И., Шкапенко Т. М.), многочисленное использование в различных сферах социокультурного и интернет общения (Аметов Ш., Wharton T., Track L. R.). Однако, фонетическая сторона их актуализации в устной речи остается вне поля зрения лингвистов, несмотря на широту их семантико-прагматической типологии, разнородность структурной организации и значительную просодическую вариативность.

Они представляют собой широкий комплекс языковых единиц от звукового состава (отдельных гласных, согласных и их сочетаний), отдельных словоформ или идиоматического речения до однозначных предложений. Они обладают определенным лингвистическим статусом в речевом общении и выделяются в особо изолированный класс неизменяемых структур, не входящих в состав как служебных, так и знаменательных частей речи, поскольку им не свойственна ни связующая функция первых, ни номинативное значение вторых. Более точно определил их значимость в речи D.Crystal – “They are standing in for a sentence, as the punctuation marks indicate and treated as a type of sentence (minor sentence) rather than as word class to express some feelings of the mind. No one has yet described all the nuances of meaning which can be conveyed by the intonation system.”

Среди наиболее значимых свойств интеръектиков следует выделить такие характеристики: 1) непроизвольность и спонтанность речевого действия, 2) безадресная направленность к собеседнику, 3) субъективность реакции на происходящее событие, 4) ситуативность выбора произносимой единицы, 5) экспрессивно-модальная оценочность эмоционального напряжения адресанта, 6) неразрывная связь с лингвистическим контекстом, 7) в ряде случаев сопровождение жестами и мимикой. Все эти факторы позволяют выразить наиболее эффективным способом полноту эмоционально-волевой экспрессии всей реплики, что повышает образность и фонетическую выразительность устной речи, придает ей особую лаконичность и в предельно сжатой форме отражает широкую палитру ее смысловых и эмоциональных оттенков. А соответствующее просодическое оформление многократно усиливает семантическую значимость всего высказывания.

Анализируемые речевые единицы общепризнаны наиболее удачными семантическими структурами, которые говорящий извлекает из собственного тезауруса, знает их экспрессивную силу, употребляет их как готовые речевые формулы, не конструируя их в процессе общения. Они понятны всем членам языкового коллектива, так как способны адекватно передать информацию в максимально краткой форме, показать прагматическую значимость реплики и эмоциональное состояние говорящего. Особенно ярко демонстрируют это свойство поэты, создавая эмоциональную напряженность произведения.

You 'have no 'enemies you / say,| a'las | my,friend, the 'boast is 'poor (R. Mackey). And \ yet, | 'by \heaven, | 'I think my \love as >rare as \any ,she,| be'lied with 'false compare (W. Shakespeare). 'Come, >come. | 'leave 'off >play,| and 'let us a> wait till the \morning ap,pears in the ,sky (W. Blake)

Экспериментальным материалом нашего исследования послужили 2010 диалогических единиц, выбранных из 15 англоязычных художественных фильмов и озвученных аутентичных текстов, в которых каждый речевой акт неоспоримо отражал эмоциональное состояние собеседников при неординарной оценке реальной действительности. Избранные речевые ситуации

определялись в 3 видах экспрессивно-оценочной рамки: **позитивного** отношения (восторг, удивление, радость, триумф, удовольствие), составившие 47 % материала, **негативного** характера (гнев, возмущение, стыд, боль, страх) – 39 % и **нейтрального** характера (размышления, неуверенность, колебания, заполненные паузы) – 14 %. В зависимости от ситуации некоторые интеръектизы способны выражать разнообразные (даже противоположные) эмоции и их адекватное узнавание не может быть воспринято без учета просодического оформления и сопутствующего контекста. Подобные случаи следует рассматривать как проявление не просто **амбивалентности**, а поливалентности исследуемых единиц и их смысловой многозначности.

'Oh, "my "God! | 'It's "him! Английская леди встретила любовь своей юности 50 лет спустя. Произнесено высоким нисходящим эмфатическим тоном в медленном темпе при повышенной громкости. Леди в восторге от встречи. *'Oh, 'my 'God. | I've pressed the wrong button. The light went off.* Юноша разочарован полученным результатом. Реплика произнесена низким нисходящим тоном в пониженной громкости и быстром темпе.

'Oh, 'my 'God. | She's killed her father. произнесли судья и адвокат, когда обнаружили, что истница в суде оказалась убийцей. Озвучено на самом низком уровне нисходящего тона в очень медленном темпе с увеличенной слоговой длительностью и низкой громкостью. Шоковая ситуация. *'Oh, 'my , God. | I'm dressed all wrong! I should have worn the Yves Saint Larent.* Леди удивлена, что сделала такую ошибку, но не расстроена. Нисходяще-восходящий тон свидетельствует о сожалении, а средний темп реализации реплики придает уверенности говорящему. *>Oh, "my "God! | Donna will kill you when she finds out.* Девушки произносят реплику эмфатическим высоким нисходящим тоном, открыто насмехаясь над действиями подруги перед свадьбой. *'Oh, ,my , God,| I've forgotten my brother's birthday. He'll never forgive me.* Реплика озвучена низким восходящим тоном в узком голосовом диапазоне и замедленном темпе, свидетельствуя о разочаровании невыполненного долга. *'My ,God! | You 've grown up! You look more beautiful every time I see you!* Радость встречи отмечена высоким восходящим тоном широкого диапазона, увеличенной громкостью и медленным темпом. Все варианты исследуемой единицы создают отдельную инициальную интонационную группу независимо от ее акцентно-мелодической организации и семантики всей реплики.

Комплекс просодической структуры интеръектизов **позитивной** коннотации отмечен значительной вариативностью тонального оформления высоким нисходящим (58 %), нисходяще-восходящим (21 %), восходяще-нисходящим (6 %), низким нисходящим (9 %) и даже высоким ровным (5 %) терминальным тоном. Данной группе принадлежит целый ряд слов с устойчиво закрепленным значением эмоционального отношения – *Bingo! Wow! Hooray! Bravo! Eureka! Fantastic! Perfect*, которые, самостоятельно опреде-

ляют ситуацию. Среди примеров иного типа можно выделить: – *For 'goodness sake] 'sit \down. He's coming here. – 'Jolly , good, | we'll see better what kind of a man he is* (одобрение). *'Christ! 'What a performance you gave!*

Просодическая структура единиц **негативной** коннотации отличается более стабильной реализацией высокого (64 %), среднего (22 %) и низкого (13 %) нисходящего тона, регистровая вариативность которого зависит от степени эмоционального напряжения речевой ситуации, что способствует употреблению расширенного голосового диапазона, повышенной громкости и сложной шкалы в продолжении всей реплики. В арсенале этой группы следует отметить единично употребляемые слова с устойчивым значением – *Rats! Blast my eye! Damn and curse! Ouch! Bosh! Alas! Bull it*, отражающие негатив.

– *\"\\|Damn you,| don't hold that girl as if she was a sack of potatoes* (раздражение). – *^\\|Bless you,| I couldn't have done it without you.* (раскаяние). – *'Go to 'Hell,| do you think I can make an actress of you for a season?* (негодование). – *'Gosh,| I didn't know it would be so offensive* (сожаление). – *I've lent him 50 pounds. – 'More 'fool of, you, you 'll never get it back* (насмешка).

Устная реализация интеръектиков **нейтрального** характера не столь вариативна и отмечена преобладанием среднего и низкого нисходящего или высокого ровного тона, в большинстве случаев в срединной позиции во фразе.

Наше исследование показало, что интеръектизы как особый класс языковых единиц, отражающие эмоционально-модальные аспекты устной коммуникации, обладают широкой палитрой просодической организации. Вариативность их тонально-мелодической структуры и динамических характеристик позволяют определить степень и характер эмоционального напряжения субъекта в речевой ситуации и адекватно оценить ее для дальнейшей беседы. беседы.

Н. Г. Медведева

ПОДЪЕМ ГЛАСНЫХ КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР В ИДЕНТИФИКАЦИИ АЛЛОФОНИЧЕСКОГО ВАРЬИРОВАНИЯ

Восприятие иноязычной речи на слух представляет собой сложный, многоуровневый процесс, требующий интеграции акустических, фонетических, фонологических, а также лексико-грамматических знаний от обучающихся. Так, многочисленные исследования в области восприятия звучащей иноязычной речи указывают на положительную корелляцию между степенью усвоения и автоматизации перцептивной базы изучаемого языка и успешностью понимания речи на слух. При недостаточном усвоении перцептивной

базы иностранного языка не происходит перцептивной перестройки у обучающегося и восприятие происходит через призму родной фонологической системы, приводя к трудностям в понимании иноязычной речи. Одним из основных способов решения данной проблемы является иммерсивное обучение с использованием разнообразной аутентичной иноязычной речи, а также обучение аудиальному восприятию, основанное на распознавании минимальных звуковых пар и аллофонических вариаций. Проводимые ранее экспериментальные исследования показали, что такие целенаправленные тренировки способствуют перестройке перцептивных баз и, следовательно, улучшению понимания иноязычной речи (Logan et al., 1991; Bradlow et al., 1997).

Особую сложность в восприятии аллофонического варьирования представляют согласные звуки, которые демонстрируют широкий спектр артикуляционного и акустического варьирования под влиянием окружающих их гласных, что подтверждается рядом исследований (Fowler, 1984; Mann & Repp, 1980; Strange, 1986). Однако до настоящего времени влияние такого фактора, как подъем гласных звуков на восприятие аллофонического варьирования в английском языке остается недостаточно изученным, особенно в контексте обучения английскому языку как иностранному.

С целью установления степени влияния подъема гласных звуков на распознавание аллофонического варьирования согласных был проведен пилотный перцептивный эксперимент с участием 10-ти носителей русского языка, владеющих английским на продвинутом уровне. В ходе эксперимента испытуемым предлагалось прослушать реализации аллофонов английского [р] и русского [п] с захватом двух периодов стационарного участка следующего за ними гласного звука и соотнести воспринимаемые звуки с объектами на изображениях, определяя, какие из них начинаются на данный аллофон. При прослушивании аудиостимула, испытуемым одновременно предъявлялись несколько изображений. Перед прослушиванием испытуемым требовалось назвать изображенные объекты, чтобы избежать расхождения в их названиях. Для более детального изучения процессов восприятия речи, не поддающихся непосредственному наблюдению, наш эксперимент проводился с использованием окулографической технологии. Данная технология позволяет отследить фиксацию взгляда на визуальных объектах, предоставляя данные о распределении внимания и степени когнитивной нагрузки, вызываемой определенными стимулами.

Эксперимент состоял из двух частей. В первой части испытуемым предъявлялись речевые стимулы из английского, во втором – русского языка. Визуальные стимулы были представлены пятью (в английском) и шестью (в русском) лексическими единицами, имеющими как наиболее дистантные, так и приближенные артикуляторные характеристики ударных гласных звуков, например в словах: *raw, pearl, pig, puppy, pool* и *пыль, Пэн, повар, пиво, пальма, пуговица*.

В результате анализа полученных данных была установлена средняя продолжительность фокусировки на каждом предъявляемом визуальном

стимуле; общее количество времени, затраченного на принятие решения по каждому слайду с визуальными стимулами в миллисекундах (начиная от первого прослушивания до выбора ответа); количество прослушиваний и выбранные испытуемыми ответы.

Количество прослушиваний для английского варианта эксперимента составило в среднем 2,8 раз, для русского – 1,9. Средняя длительность времени, затраченного на выбор ответа в группе английских слов, составила 6,447 мс, русских – 3,423 мс, с незначительным повышением и понижением показателя соответственно.

Наиболее сложными для распознавания оказались согласные аллофоны слов *pearl* (распознано как *puppy* в 50 % случаев, как *pearl* – в 40 % и как *paw* в 10 % случаев) и *pool* (*pool* – 30 %, *pig* – 30 %, *pearl* – 20 %, *paw* – 10 %, *puppy* – 10 %). Распознавание *pearl* как *puppy* в 50 % случаев обусловлено схожей артикуляцией аллофонов /з:/ и /ʌ/ – оба являются звуками среднего подъема, смешанного ряда, имея различие только в разновидности подъема – узкой и широкой разновидности соответственно.

В русском варианте эксперимента незначительную трудность при идентификации представили согласные аллофоны слов *Пэн* и *повар*. Так, аллофон /Э/ в слове *Пэн* идентифицировали верно в 70 % случаев, при этом в 20 % и 10 % случаев идентифицируя как /ы/ в *пыль* и /а/ в *пальма* соответственно. Данные ошибочные распознавания можно объяснить относительной артикуляторной близостью всех трех звуков по вертикальному положению языка.

Проанализировав экспериментальные данные по двум предъявляемым группам, можно сказать, что интерференция родной артикуляционной и перцептивной баз проявляется в значительном замедлении восприятия и идентификации аллофонов. Так, разница в скорости принятия решения для английского языка была на 88 % больше, чем для русского. Это свидетельствует о положительной корреляции между степенью сформированности перцептивной базы родного языка и успешностью идентификации воспринимаемых звуков родной речи. В случае с перцептивной базой иностранного языка, на формирование которой было затрачено меньше времени, для распознавания звуков иностранной речи требуется больше времени из-за большей когнитивной нагрузки вследствие отсутствия полной автоматизации перцептивных процессов, как это происходит в родном языке.

При распознавании аллофонов звуков русского языка, испытуемые допустили всего 6 ошибок по сравнению с английским, где было допущено 13, что подтверждает влияние перцептивных и артикуляционных особенностей родного языка на идентификацию аллофонов звучащей иностранной речи. Данное наблюдение позволяет утверждать, что артикуляторная и акустическая близость звуков приводит к трудностям в их идентификации вне зависимости от принадлежности данных звуков родной или иностранной звучащей речи. Так, неправильно идентифицированные аллофоны оставались в рамках одного ряда и подъема с предъявляемыми на аудио аллофонами.

Анализ общего количества ошибок по характеру близости характеристик произвучавших и неправильно распознанных аллофонов в процентном соотношении в английском языке составил: 43 % для звуков, близких по ряду и подъему; 36 % для звуков, близких по ряду; 21 % ошибочных распознаваний звуков, близких по признаку подъема. Эти данные позволяют сделать вывод о том, что наибольшее количество ошибок возникает при артикуляционной схожести звуков (одновременная близость по ряду и подъему), что приводит к трудностям с их идентификацией в зучащей речи. Второстепенным по значимости фактором возникновения ошибок является близость звуков по признаку ряда. Что касается русского языка, то в нем идентичный анализ ошибок составил: 83 % для ошибок в идентификации звуков, близких по признаку ряда и 17 % для ошибочных идентификаций звуков, близких как по признаку ряда, так и подъема.

Анализ экспериментальных данных показал, что идентификация аллофонических реализаций согласных звуков существенно затрудняется при наличии артикуляторно и акустически близких гласных, следующих за ними. Ошибки распознавания чаще происходили при совпадении как признака ряда, так и подъема гласных, что указывает на комплексное влияние данных параметров на восприятие. Особенно это проявляется в восприятии иноязычной речи, где перцептивная база еще не полностью автоматизирована, и слушающий опирается на артикуляторные шаблоны родного языка. Результаты данного пилотного эксперимента могут лежать в основу дальнейших исследований в области перцептивной тренировки и улучшения аудирования с учетом особенностей коартикуляционного взаимодействия сегментов речи.

Н. Г. Медведева

ПЕРЦЕПТИВНАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ ПАЛАТАЛИЗАЦИИ КАК ФОНЕМНОГО ПРИЗНАКА

Согласно концепции классической фонологии, дифференциальные признаки фонем являются наиболее существенными признаками звукового строя языка, поскольку они участвуют в смыслоразличении. Многие языки обладают схожими звуковыми признаками, однако, в зависимости от степени выраженности данных признаков, не все они являются дифференциальными. Так, к примеру, палатализация, являющаяся дифференциальным признаком звукового строя русского языка, не является смыслоразличительным признаком в английском, имея слабую степень выраженности. Несмотря на это, палатализация в английском языке успешно распознается носителями.

В данном исследовании основной интерес представляет определение влияния степени выраженности палатализации в английском и русском языках на устойчивость его перцептивной идентификации носителями рус-

ского\белорусского. Для достижения поставленной цели был проведен аудитивный анализ с участием 10-ти носителей русского/белорусского языков, владеющих английским языком на высоком уровне.

В ходе эксперимента испытуемым предлагалось прослушать реализации аллофонов английского и русского звуков [р] и [п] с захватом двух периодов стационарного участка следующих за ними гласных звуков переднего ряда высокого подъема ([i:] и [ɪ] – в английском, [и] – в русском) и соотнести воспринимаемые звуки с объектами на изображениях, определяя, какие из них начинаются на данный звук. Используемые в эксперименте изображения отбирались согласно высокой частотности соответствующих им лексических единиц в речи. Испытуемым одновременно предъявлялись несколько изображений при прослушивании аудиостимула, перед прослушиванием испытуемым требовалось назвать изображенные объекты, чтобы исключить расхождения в названиях данных объектов у испытуемых и исследователя (рисунок 1).

Рисунок 1. Пример предъявления визуального стимула

Эксперимент состоял из двух частей: в первой его части испытуемом предъявлялся экспериментальный материал английского, во втором – русского языка.

В первой части участники в сначала слушали реализацию аллофона звука [р] перед [ɪ] с сопровождающими визуальными изображениями слов *raw, pearl, puppy, pig, pool*. Затем им было предложено прослушать запись аллофона [р] перед звуком [i:], но в этот раз изображения представляли собой коррелятивную пару звуков [i:] - [ɪ] – *pizza – pig*.

Во второй части эксперимента аллофон [п] перед [и] прослушивался испытуемыми при предъявлении нескольких объектов (*пиво, Пэн, повар, пыль, пальма, пуговица*).

Результаты эксперимента представлены в таблице 1.

Таблица 1

Количество верно идентифицированных аллофонов в %

Английский язык	
Аллофон [p] перед [i:]	распознано 60%
Аллофон [p] перед [ɪ]	распознано 100% случаев
Русский язык	
Аллофон [п] перед [и]	распознано 100% случаев

В результате проведенного исследования было установлено, что для носителей русского/белорусского языка не представляет трудности распознать палатализацию звука [п] в 100 % случаев. Это объясняется сильной степенью выраженности палатализации согласных звуков в положении перед звуком [и], а также отсутствием в русском языке коррелятивных пар гласных звуков, близких по звучанию.

Распознавание палатализации английского звука [p] в среднем составило 70 % случаев, что говорит о довольно высокой устойчивости перцептивной идентификации.

Аллофон звука [p] перед кратким [ɪ] был распознан в 100 % случаев. И хотя степень палатализации в данном сочетании выражена слабее, чем в сочетании со звуком [i:], успешность в распознавании можно объяснить предъявлением данного сочетания звуков среди звуков с наиболее дистантными характеристиками и отсутствии в них палатализации: *pɔ:*, *pɜ:*, *pʌ*, *pɪ:*.

На 40 % менее успешным оказалось распознавание аллофона [p] в сочетании с долгим [i:]. В данном случае объекты были представлены коррелятивной парой [i:] – [ɪ] (*pizza* – *pig*), что в значительной степени усложнило задачу для носителей русского/белорусского языка, в которых не наблюдается подобных близкозвучных фонем.

Основываясь на полученных результатах исследования, можно утверждать, что палатализация в английском языке в восприятии носителей русского/белорусского языка является довольно устойчивым фонемным признаком, несмотря на его относительно слабую выраженность. Следующим этапом данного исследования будет проведение идентичного эксперимента с носителями английского языка. Полученные данные позволят провести сопоставительный анализ, направленный на установление сходств и различий в восприятии аллофонии носителями разных языков.

ВРЕМЕННАЯ СТРУКТУРА ЧАСТИЧНО ВЫДЕЛЕННОГО МНОГОСЛОЖНОГО СЛОВА В АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕ

Определение акустических и воспринимаемых признаков фразовых ударений в различных языках относится к сложным проблемам экспериментально-фонетических исследований. Одной из таких проблем является установление зависимости между максимальными и минимальными значениями акустических параметров и воспринимаемым типом выделенности. Прямая корреляция между ними, как известно, имеет место далеко не во всех случаях (I. Fonagy, 1966; I. Lehiste, 1970).

Широко принятая в настоящее время типология фразовых ударений базируется на противопоставленности ядерной и неядерной выделенности, а внутри последней – на различии полного и частичного фразового ударения (А. М. Антипова, 1979; Е. Б. Карневская, 1981; K. L. Pike, 1946). Указанное подразделение неядерных ударений обусловлено структурной и дистрибутивной спецификой частичных ударений по сравнению с полными. Выявление их особенностей стало необходимой частью фонолого-фонетического описания фразовой просодии, в том числе при ее моделировании для автоматического синтеза речи и других прикладных целей (Е. Б. Карневская, Б. М. Лобанов, 1982).

Одна из трудностей применения имеющихся сведений по перцептивно-акустической структуре частичного ударения состоит в неравномерной изученности разных характеристик и компонентов частично выделенных слов, а именно в отсутствии данных, отражающих акцентно-слоговую структуру частично ударного слова, точнее, *частично ударного фонетического слова*. В этой связи представляется, что использование термина «фонетическое слово» для обозначения последовательности слогов, примыкающих к ударному слогу частично ударного слова более правомерно по сравнению с термином «частичная акцентная единица», который противоречит определению частичного ударения как нетонального, то есть неспособного формировать акцентную единицу (K. L. Pike, 1946). Иными словами, частичное ударение входит в структуру полного фразового ударения (тонального акцента), к которому оно принадлежит.

Нужно отметить, что перцептивная и акустическая структура частичного ударения неоднократно изучалась как самостоятельный объект в исследованиях, проводившихся на кафедре фонетики английского языка в рамках выполнения госбюджетных и комплексных научных тем в 2010–2020 гг. на материале русского и английского языков. Сравнивалась акустическая структура частично ударных и полноударных слогов, с одной стороны, и частично ударных и безударных слогов, с другой. Слоговая структура сопоставляемых речевых отрезков при этом не учитывалась. В то же время очевидно, что слово, получившее полную или частичную выделенность, может быть много-

сложным и/или иметь проклитическую/энклитическую части, выраженные служебными словами, то есть частично ударное фонетическое слово может иметь разную внутреннюю ритмическую структуру. Установление ее особенностей по сравнению с полным фразовым ударением представляет актуальную задачу дальнейших исследований в обсуждаемой области. Изучение временных характеристик сложных акцентных единиц (групп), содержащих, помимо полноударного, частично ударный компонент, должно также учитывать, что частично выделенное фонетическое слово в целом относится к энклитической части полноударного слова.

В ходе исследования была выдвинута гипотеза, что внутренняя структура фонетического слова, выполняющего роль частично ударного компонента в рамках сложной акцентной единицы, сохраняет типичное для конкретного языка соотношение предударного, ударного и заударного слогов по длительности.

Для подтверждения данной гипотезы был проведен сопоставительный анализ временной структуры рассматриваемых типов фразовых ударений. Непосредственно объектом изучения явились полные и частичные ударения на предъядерном участке фразы. Очевидно, что проведение такого анализа могло быть осуществлено только на основе предварительной перцептивной идентификации типов фразовой слоговыделенности в отобранном материале, который представлен медийной записью подготовленной спонтанной речи и семью читаемыми вслух текстами, отобранными из аудиоприложений к учебным курсам, общей длительностью звучания 25 минут. Необходимым условием получения корректных результатов явилось соблюдение принципа идентичности или максимальной близости сегментного состава сравниваемых многосложных слов, получивших различную степень выделенности во фразе.

Акустически фразовая слоговыделенность представляет собой сложный комплекс взаимодействующих друг с другом физических параметров. Предметом предпринятого исследования явилась специфика темпоральных характеристик слогов частично ударного фонетического слова в сравнении с полноударным.

Анализ показал, что между сравниваемыми типами выделенности, прежде всего, существуют различия по соотношению длительности ударного слога:

1. В 53 % случаев длительность ударного гласного в полноударном слове превышает длительность идентичного гласного в частично ударном слове на 10–22 %. Так, длительность полноударного гласного [ei] во фразе *The 'Greater 'London ^Council ɔ: 'paid for 'main e•states to be 'built in 'Basingstoke* ‘Совет Большого Лондона оплатил строительство основных поместий в Бейзингстоке’ составляет 181 мс, а длительность частично ударного гласного [ei] – 149 мс;

2. В 29 % случаев длительность частично ударных гласных на 25 % превышает длительность полноударных гласных. Например, длительность

частично ударного гласного [эу] из фразы *He's 'holding a 'photo of your \mother* ‘Он держит фотографию твоей матери’ составляет 129 мс, а длительность полноударного гласного – 91 мс. Превышение длительности частично ударного гласного по сравнению с полноударным можно объяснить энклитическим примыканием частично ударного фонетического слова в рамках сложной акцентной группы;

3. В 24 % случаев перцептивно значимых различий в длительности сравниваемых гласных не зафиксировано. Примером может служить фраза *And one of the "simplest : and most effective" ways in which we can \do this is to 'do 'something that 'humans have been 'doing for "thousands of \years* ‘И один из самых простых и эффективных способов сделать это – сделать то, что люди делали на протяжении тысячелетий’. В данном случае длительность полноударного и частично ударного гласного [и:] практически одинакова: 59 мс и 56 мс, соответственно. Такое соотношение можно объяснить близостью слов друг к другу во фразе и отнесенностью обоих слов к теме в тема-рематической структуре фразы.

Помимо различий в длительности частично ударных и полноударных гласных, было установлено, что частично ударное фонетическое слово сохраняет определенную степень автономности в сложной акцентной группе. Эта автономизация достигается за счет контраста по длительности между безударными слогами в междуударном интервале полное-частично ударение, так же как в интервале полное-полное ударение. Как видно из приведенного ниже примера, проклитически примыкающие к частично ударному слогу гласные значительно короче, чем гласные, примыкающие к нему в качестве энклитиков: *Is \this a (29 мс) .picture (51 мс) of \you as a \baby?* ‘Это твоя фотография в детстве?’ Таким образом, на уровне микроструктуры частично выделенного компонента в рамках сложной акцентно-ритмической единицы сохраняется типичная для полного ударения модель «сокращенный по длительности проклитик – увеличенный по длительности энклитик».

И. И. Панова, Я. А. Верас

**ПРОСОДИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЭМОТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
В ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ВАРИАНТАХ
СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА**

В соответствии с поставленной целью поиска и установления инвариантных образований и национально маркированной закрепленности в просодической композиции эмотивно оценочных видов публичных текстов как наименее изученной сферы стратификации территориальной вариативности внутреннего круга функционирования английского языка было проведено сравнение 16 орфоэпически нормативных публичных сообщений британских, американских, австралийских и канадских общественных деятелей

была установлена степень и градация проявления оценочного концепта по количественным значениям величин их тональных, акцентных и делимитативно- temporальных признаков составляющих их просодических единиц. Была выявлена разнонаправленная закономерность их контрастивности в зависимости от позитивной или негативной установки речевого посыла убеждающего воздействия на адресата.

Тексты публичных сообщений восьми ораторов-носителей орфоэпически закрепленных разных территориальных норм в обращенной речи к разнородной в социальном и профессиональном отношении аудитории интервариативны у каждого носителя-информанта по манере реализации их оценочной коннотативности просодическими средствами.

Различия в просодических структурах фраз разной оценочности достоверно значимы во всех территориальных вариантах, при этом их показатели более эксплицитны в британских и австралийских высказываниях и сравнительно менее контрастны в американском и канадских высказываниях по дистрибуции трех базовых моделей тонального завершения финальных и нефинальных интонационных групп в негативно оценочных текстах высоким восходящим тоном.

Тональная завершенность позитивно звучащих фраз и нефинальных синтагм по-разному количественно маркирована разной дистрибуцией уровневых градаций видов тональных контрастов – высокого восходящего тона в австралийском и канадском и низкого восходящего в британском и американском текстах.

Значимые количественные различия в эмотивно разных текстах имеют место в их делимитации на просодические единицы в равных по времени звучания отрезках речи: в негативно-оценочных сообщениях их количество представляет последовательность GA>CanE>AusE>RP; в позитивных текстах – CanE>AusE>BE>GA.

Паузальная сегментация текстов и их акцентно-ритмическая организация по степени разброса величин признаковых значений во всех видах текстов являются стилистически интегральными индикаторами английской официально-деловой публичной речи. При этом австралийские сообщения не содержат длинных перерывов звучания во всех текстах и у всех ораторов.

В целом, публичные сообщения по степени проявления совокупностей просодических признаков на основе количественной доказательности их расхождений в большей степени различаются в каждом территориальном варианте по типу субъективной оценки согласно ее категориальной прагматичной транспозиции. Степень проявления признаковых различий в территориальном аспекте их актуализации носит градуальный характер по большинству признаков только в релятивном проявлении их избирательного парного сравнения при сохранении инвариантной стабильности стилистического текстообразования официально-деловой публичной речи в каждом варианте. Большая/меньшая степень вариантной маркированности публич-

ной обращенности носителей английского языка внутреннего круга его функционирования в исследуемом материале характерна для устных текстов негативной содержательности относительно их приближенной однотипности в реализации сообщений позитивного звучания.

Л. В. Рускевич

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРЕПОДАВАНИИ ФОНЕТИКИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ВУЗЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) обусловило их внедрение в педагогическую практику, которые сопровождается как очевидными преимуществами, так и трудностями, естественными при освоении всего нового. Общепризнанным является большой образовательный потенциал названных технологий в обучении иностранным языкам. Наиболее популярным является использование ИИ для создания учебных материалов по заданным параметрам (вид задания, тематическая направленность, уровень обучающихся), для автоматизации некоторых рутинных процессов, например, при проверке выполнения упражнений и получения развернутой обратной связи в виде комментирования ошибок, редактирования текста, для обеспечения доступа к информации и т.д. Тем не менее применение данных технологий имеет ограничения, которые определяются собственно учебной дисциплиной, ее целями, задачами и этапом обучения. В данной публикации мы проанализируем возможные способы использования ИИ для решения узконаправленной задачи, т.е. для преподавания фонетики в профессиональном вузе, где к результатам учебной деятельности предъявляются максимальные требования.

Преподавание фонетики как учебной дисциплины, как известно, сопровождается использованием технических средств, поскольку обучение произношению предполагает прослушивание и имитацию образца, в качестве которого выступает речь носителя того или иного языка, а также запись и прослушивание собственной речи. Таким образом, первой и главной технологией искусственного интеллекта, применяемой для целей получения образца речи носителя языка, является автоматический синтез речи. Тем более что при создании данной технологии с самых первых дней использовались достижения фонетики, без которых само существование автоматического синтеза было бы невозможным. Автоматический синтез уже применяется для записи дидактических материалов по иностранному языку для школ и нелингвистических вузов, а также при создании учебных пособий по английскому языку как второму иностранному в МГЛУ, поскольку качество синтезированной речи по своим сегментным характеристикам уже неотличимо от естественной речи носителя языка. Очевидно, что данная

технология обладает рядом достоинств, которые обусловливают ее применение в преподавании фонетики. Во-первых, синтез решает проблему технического качества аудиозаписи. Во-вторых, современные синтезаторы позволяют выбрать конкретный акцент: британский произносительный стандарт RP, американский или австралийский стандарт, ирландский английский, благодаря чему на примере одного и того же текста можно наглядно продемонстрировать фонетические сходства и различия национальных и региональных вариантов языка. Данное свойство открывает широкие возможности применения программ синтеза в преподавании теоретической фонетики, в учебно-исследовательской деятельности студентов и разработке курсов повышения квалификации для преподавателей. Во-вторых, пользователь может выбрать пол, возраст, тембр и индивидуальную манеру говорения: уверенную, решительную, ласковую, экспрессивную и др. Современный синтез, в отличие от более ранних программ, демонстрирует вариативность просодических характеристик, в том числе достаточную степень экспрессивности, что сближает его с естественной речью.

Казалось бы, при наличии такого количества преимуществ, программы автоматического синтеза речи можно использовать в практике преподавания без каких-либо ограничений. Мы поставили себе задачу провести предварительную оценку возможности использования программ автоматического синтеза в качестве замены записей учебных текстов и диалогов, многие из которых технически или морально устарели.

Мы синтезировали различные языковые примеры при помощи широко известной программы Elevenlabs и оценили их с точки зрения использования в качестве образцов для имитации, исходя из собственного опыта преподавания практической фонетики английского языка. Мы сделали запись фрагмента монологического описательного текста “Our Sitting-room”, используемого в практике преподавания уже более 40 лет в теме «Интонация нефинальных частей высказывания». Результат оказался вполне удовлетворительным: просодическая сегментация текста программой практически неотличима от естественной речи, просодические структуры, типичные для неконечных синтагм, также были реализованы и соответствовали контексту. Таким образом, аудиозаписи повествовательного или описательного текста могут быть использованы как звуковые иллюстрации, как минимум, явления просодической сегментации. Однако того же нельзя сказать о диалогах с участием двух или нескольких говорящих. Во-первых, чтение диалога синтезатором не позволяет отразить различные модально-прагматические значения, передаваемые в диалоге при обмене репликами с собеседником: одобрение, возражение, сомнение, предупреждение, ирония и т.д. То есть обучение модально-прагматическим значениям просодических структур на примере синтезированной речи не будет достаточно эффективным. Синтез реплик из учебного диалога, в оригинальной записи которого выражено значение сомнения при помощи нисходяще-восходящего тона, не показал

данное значение, заменив его простой констатацией. Во-вторых, слабым местом программ синтеза до сих пор остается фразовая акцентуация. Следует подчеркнуть, что лучшие современные программы сделали значительный шаг вперед и учитывают контекстные особенности при расстановке фразовых ударений. И тем не менее, на наш взгляд, в синтезированной речи отсутствует четкое и последовательное разграничение по степени просодической выделенности новой и уже известной информации: информация, потерявшая значимость в контексте, звучат так же, как если бы она упоминалась впервые. Например, в следующем диалоге из произведения «Алиса в Стране Чудес», где по контексту требовалось смещение ядерного акцента в ответе на вспомогательный глагол (*I don't know* – ‘Я не знаю’), синтезатор оставил его на лексическом глаголе:

“*Oh, I am not particular as to size,*” Alice hastily replied. “*Only one doesn't like changing so often, you know.*” “*I don't know,*” said the Caterpillar.

В-третьих, сохраняется проблема звучания омографов. Наконец, звучание синтезированного текста зависит от индивидуальной манеры чтения диктора, на чьем голосе обучалась программа. В случае необходимости специального обучения конкретным просодическим моделям (например, восходящему тону в общих вопросах) требуется пробовать синтез на основе нескольких вариантов дикторских голосов, пока нужная структура не будет реализована.

Мы отметили некоторые наиболее существенные достоинства и недостатки технологий автоматического синтеза речи с точки зрения их использования для создания звуковых образцов на занятиях по фонетике иностранного языка. С нашей точки зрения, такое применение оправдано как в учебном процессе, так и в учебно-исследовательской работе, для сравнения естественной и синтезированной речи с целью обнаружения и интерпретации сходств и различий, нахождения ошибок, несоответствий и т.д. Таким образом, в настоящее время современные технологии автоматического синтеза в преподавании фонетики иностранного языка могут быть дополнительным средством обучения, однако главным образцом для имитации должны оставаться записи естественной речи носителей иностранного языка.

Л. В. Рускевич

РЕАЛИЗАЦИЯ ТОНАЛЬНЫХ АКЦЕНТОВ
В АНГЛИЙСКОЙ УСТНОЙ РЕЧИ
ПРИ АКАДЕМИЧЕСКОМ БИЛИНГВИЗМЕ

Проблемы обучения иноязычному произношению обусловливают необходимость более детального изучения взаимосвязи просодии и лексической семантики в изучаемом языке. Настоящее исследование было стимулировано практикой обучения студентов лингвистического вуза экспрессивным

средствам английской просодии, в связи с чем мы поставили задачу более детального изучения взаимосвязи степени выделенности слова и реализации комплекса признаков, составляющих фразовое ударение в английском языке. Мы исходим из предположения о стабильности взаимодействия просодических (частотных, динамических и квантитативных) характеристик в рамках тонального акцента. Действительно, британской и американской традиции само понятие тональный акцент (*pitch accent*) отражает понимание тона как комплексного явления, результата взаимодействия акустических признаков признаков как средства выделенности слова во фразе. Предметом настоящего экспериментально-фонетического исследования являются модификации длительности инициальных согласных ударного слога при разной степени акцентной выделенности слов в английском языке в речи носителей и неносителей языка.

Недавние экспериментально-фонетические исследования доказали непосредственное влияние просодических факторов на реализацию сегментных единиц в устной речи. Сам факт увеличения длительности согласных в начале ударного слога не подвергается сомнению и рассматривается как типологический признак для многих языков. Мы поставили задачу изучить вариативность начальных согласных при просодической реализации слов с экспрессивной семантикой в английском языке (например, *terribly* ‘ужасно’, *fantastic* ‘потрясающий’, *gorgeous* ‘прекрасный’, *magnetize* ‘заворожить’), сравнив их с просодическими характеристиками нейтральных и нейтрально-оценочных лексических единиц (*fairly* ‘довольно’, *pretty* ‘симпатичный, красивый’, *attract* ‘привлечь’) под углом зрения обнаружения потенциальных трудностей, возникающих при овладении фразовой просодией (интонацией) английского языка, и, как следствие, – выявления признаков иноязычного акцента.

Наше собственное исследование реализации экспрессивности в английской речи показало увеличение длительности начальных согласных ударного слога при эмфатической выделенности последнего более чем в два раза по сравнению с нейтральной. Опираясь на его методику и результаты, мы провели экспериментальный анализ длительности одиночных консонантных сегментов в речи носителей английского языка и белорусских студентов лингвистического университета. Материалом эксперимента послужили минимальные пары высказываний, различающихся по наличию в их составе слова с экспрессивной и нейтральной и нейтрально-оценочной семантикой в идентичной фразовой позиции и синтаксической функции. Например: *He is gorgeous!* ‘Он прекрасный’. vs *He is good-looking* ‘Он симпатичный’. В качестве испытуемых неносителей (академических билингвов) выступили два белорусских студента, девушка и юноша 19–20 лет, изучающих английский язык в качестве основного иностранного языка и успешно прошедших курс практической фонетики. Их речь сравнивалась с речью носителей английского языка, женщины и мужчины возраста 30 и 35 лет, носители британского произносительного стандарта (RP), принятой в качестве эталона.

Измерения интересующих нас акустических параметров проводились на ударном слоге противопоставленных лексических единиц. Сначала указанные измерения были сделаны в речи студентов, затем в речи носителей языка. Полученные данные были подвергнуты статистической обработке при помощи компьютерной программы Excel. Характер распределения внутри каждой выборки был проверен по критерию Уилкоксона. Оценка значимости различий проводилась с применением критерия Стьюдента.

Результаты анализа свидетельствуют о том, что длительность начальных согласных экспрессивных слов в речи студентов у обоих групп дикторов стабильно превышала аналогичный показатель у нейтральных, что подтвердила статистическая оценка, показавшая достоверность различий между средними значениями при показателе уровня значимости $p < 0,05$. В речи студентов длительность слогоначального согласного экспрессивных слов превышала аналогичный показатель нейтральных слов, по данным обоих дикторов, в среднем на 25 % (диктор 1 – 101,6 мс и 73,6 мс, диктор 2 – 115 мс и 86,5 мс). В то же время речи обоих носителей английского языка разница длительностей была более чем двукратной: у диктора 1 – 153,6 мс и 70,9 мс, у диктора 2 – 173,8 и 85,1 мс). Сопоставление длительностей в речи дикторов носителей и неносителей языка показывает, что для нейтральных слов значения оказались практически одинаковыми. В то же время при просодическом выделении слова с экспрессивной семантикой длительность начального консонантного сегмента в речи обоих дикторов студентов значительно (на 50 %) меньше аналогичного показателя в речи англичан.

Таким образом, градация степени фразовой выделенности слова при помощи тональных акцентов в английском языке создается совокупностью параметров, среди которых обязательным являются увеличение длительности инициального согласного ударного слога. В то время как англичане четко дифференцируют степень выделенности в том числе путем двукратного увеличения длительности инициальных согласных слов экспрессивных слов, в английской речи студентов различия в семантике слов недостаточно отражаются в их просодической реализации. Именно комплексная природа фразовой слоговыделенности представляет значительную трудность при овладении просодией иностранного языка, поскольку предполагает одновременный контроль всех акустических параметров в речи.

Л. И. Трибис, В. В. Лопатько

ОБЩИЙ ВОПРОС И РЕЧЕВАЯ СИТУАЦИЯ

Вопрос есть форма мышления, выраженная в вопросительном предложении и направленная на уточнение или дополнение знаний. Вопрос имеет сложную структуру – проблематическую и ассерторическую стороны. Любой вопрос опирается на уже известное знание, которое выступает его базисом и выполняет роль предпосылки вопроса. Последняя выделяет нечто, суще-

ствование чего подразумевается вопросом и признаки чего пока неизвестны. Она также очерчивает класс возможных значений неизвестного (М. М. Розенталь, 2019). Вопросительное высказывание имеет целью побудить слушающего сообщить информацию, неизвестную говорящему или представляемую говорящим как требующую пояснения. Общий вопрос с обратным слово-порядком побуждает слушающего подтвердить или опровергнуть основное содержание высказывания. Предположение говорящего о возможном содержании ответного высказывания может быть передано предложением с прямым порядком слов. Такое высказывание может ‘приближаться к простому сообщению, если говорящий представляет себе ответ’ (О. С. Ахманова, 1995).

Просодическое варьирование общевопросительных высказываний изучается в контексте типов их модальности: вопросительной (‘чистые’ общие вопросы), предположительной и удостоверительной (вопросы с прямым порядком слов). Т. А. Палей и О. Ф. Пилипенко выделили несколько степени предположительной модальности, которые характеризуются различными интонационными моделями. При низкой степени предположения (и вопросительной модальности) употребляются терминальные тоны с восходящим завершением. Для выражения высокой степени предположения и модальности достоверности используются терминальные тоны с нисходящим завершением (Т. А. Палей, О. Ф. Пилипенко, 1983).

Структурная и просодическая дифференциация общевопросительных высказываний увязывается с речевой ситуацией, под которой подразумевается обстановка речи, т.е. условия, в которых осуществляется данный акт речи с точки зрения их воздействия на содержание последнего, его детерминированности особенностями данной культурной общности (О. С. Ахманова, 1995). В психологическом плане ситуация есть система внешних по отношению к субъекту условий, побуждающих и опосредствующих его активность. Качество ‘быть внешним’ по отношению к субъекту проявляется в пространственном отношении как воспринимаемая внеположенность субъекту; во временном отношении как предшествование действию субъекта; в функциональном отношении как независимость от него соответствующих условий в момент действия. К элементам ситуации относится также состояние самого субъекта в предшествующий момент времени, если оно обусловливает его последующее поведение (Л. А. Карпенко, 1985).

Взаимосвязь этих элементов и речевого поведения может быть рассмотрена на примере коммуникативной ситуации ‘опрос свидетеля’, приведенной ниже.

A: “*You were taking photographs on the occasion of this death, I understand.*”
“*Yes.*”
“*You'd been engaged professionally?*”

“*Yes. They wanted someone to do a few specialized shots. I do quite a lot of that stuff. I do some work for film studios sometimes, but this time I was just taking photographs of the fete.*”

“Yes. I understand that. You had your camera on the stairs, I understand?”

“A part of the time, yes. I got a very good angle from there.”

“You had a good view of Marina Gregg from where you were standing?”

“Excellent.”

B: “Do you remember the arrival of the mayor?”

“Oh, yes. I remember the mayor all right. I got one of him coming up the stairs – a close-up – rather a cruel profile, and then I got him shaking hands with Marina.”

“Do you know a man called Ardwyck Fenn by sight?”

“Oh yes. I know him well enough. Television network – films too?”

“Did you take a photograph of him?”

“Yes. I got him coming up with Lola Brewster.”

“Did you notice that about that time Marina Gregg seemed to feel suddenly ill? Did you notice any unusual expression on her face?”

Margot Bence leant forward, opened a cigarette box and took out a cigarette. She lit it...

“Did you see anything of that kind?”

“Somebody else said that she was startled. And somebody else describes her as having a frozen look on her face.”

“Do you agree to that last statement?”

“I don't know. Perhaps.” (A. Christie, 1990).

Любое дознание включает предварительную и предметную стадии опроса (И. А. Фадеев, 2015). Цель предварительной стадии – установление доверительных отношений с опрашиваемым; на предметной стадии свидетель должен осознать серьезность процедуры дознания и ответственность за свои показания. Рассмотрим, каким образом следователь добивается своих целей на двух этапах дознания (А, В) в приведенном отрывке из прозы А. Кристи.

На предварительном этапе разговора (А) детектив использует вопросительные предложения с прямым порядком слов, что характеризует их предположительно-удостоверительную направленность. Хорошая осведомленность детектива о свидетеле способствует налаживанию психологического контакта и помогает снизить его эмоциональное напряжение. Вопросы носят удостоверительно-проверочный характер и получают подтверждение. Предметная стадия дознания (В) включает семь вопросов, наиболее значимых для следствия. На этом этапе детектив не знает, что именно может сообщить свидетель: как положительный, так и отрицательный ответ равновероятны. Меняется структурный тип вопросов – происходит переход к ‘чистым’ общим вопросам с обратным словопорядком. Вопросы должны подвести свидетеля к осознанию серьезной ответственности за свои показания. Соответственно, на предметном этапе дознания происходит изменение речевой стратегии следователя.

По определению Дж. Брунера, стратегия есть способ приобретения, сохранения и использования информации, направленный на достижение

определенных целей и результатов. Стратегия зависит от особенностей ситуации. С точки зрения наиболее творческого момента существенно, чтобы структура последовательно принимаемых решений действительно отражала требования ситуации, в которой находится субъект (Дж. Брунер, 1997). В анализируемом отрывке изменение требования ситуации привело к изменению стратегии детектива; поэтому первый и второй этапы дознания противопоставлены как по прагматическим целям и речевым тактикам, так и по структурным моделям вопросительных предложений. Рассмотренный отрывок иллюстрирует конкретный случай взаимодействия языковых, лингвистических, и ситуационных, экстраглавиистических, факторов функционирования двух структурных типов общих вопросов.

Л. И. Трибис, В. В. Лопатько

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ НЕДООПРЕДЕЛЕННОСТЬ,
ТЕМАТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ
И ЭФФЕКТЫ СУБЪЕКТИВНОСТИ ВОСПРИЯТИЯ**

Язык как социальная коммуникативная система опирается на два принципа: гомогенность всех индивидуальных языковых подсистем и их реальную гетерогенность. Реальная картина существования языка заключается во взаимодействии индивидуальных языковых подсистем, их постоянном сравнении, взаимном уподоблении и поддержании вероятностного тождества (А. А. Поликарпов, 1986). В речевой коммуникации взаимопонимание основано на общественном языковом знании; вместе с тем обмен ‘внутренними понятийными образованиями’ вызывает у коммуникантов сходные, но не вполне тождественные понятия (В. Гумбольдт, 1963). Кроме того, в коммуникативном взаимодействии проявляют себя возможные эффекты межличностного восприятия (Е. Г. Задворная, 2023) на фоне разнообразных языковых и внеязыковых условий актуализации языковых единиц.

Как носители общественных и индивидуальных языковых знаний, коммуниканты обнаруживают не только совпадения, но и расхождения в своих речевых компетенциях. Вследствие этого возможны случаи, когда содержание актуализируемого слова для отправителя сообщения и его получателя не полностью идентично. Известно, что среди неоднозначных единиц существуют слова, которые демонстрируют речевую ‘недоопределенность’ (Д. Н. Шмелев, 2019) в микроконтекстах и макроконтекстах. Более точное понимание таких единиц осуществляется в тематическом контексте (Ф. А. Литвин, 1984), роль которого мы рассмотрели на материале коммуникативной ‘обращаемости’ адъективной лексемы *funny*.

Как неоднозначное слово с широким спектром значений, лексема *funny* представляет интересный объект для анализа в абзацно-тематических группах.

пах с общей тематикой, рекуррентностью ключевых и ассоциативно связанных слов и смысловой скважностью, зависящей от уровня взаимопонимания партнеров (А. И. Новиков, Г. Д. Чистякова, 1980).

Семантическое содержание слова *funny* составляют элементы оценки – эмоциональной ('забавный', 'смешной', 'нелепый') и интеллектуальной ('странный', 'необычный', 'непонятный', 'подозрительный', 'нечистый'). Рассмотрим следующий тематический контекст.

"But I'm keen on my profession. I'm going to work with Radley."

His voice-a young, enthusiastic voice-was quite awed.

Veronica sniffed.

"That funny snuffy old man?"

"That funny snuffy old man," John had said angrily, "has done some of the most valuable research work on Pratf's disease." (A. Christie, 1984).

В данной абзацно-тематической группе значение 'смешной' соотносится с адъективной единицей *snuffy*, характеризующей внешность человека. Такая оценка противоречит установке адресата. Он воспринимает ее как второстепенную характеристику, противопоставляя ее профессиональной значимости персонажа (*the most valuable research work*). Здесь присутствует коммуникативное расхождение, обусловленное несовпадением аспектов оценки – субъективной (личностной) и объективной (социальной).

Интеллектуально-оценочный оттенок 'странный' обнаруживается в следующем тематическом контексте.

"She's good-looking, but a bit of a wet fish."

"I know," I said. "Just a nice kind girl. And I'd been thinking her Aphrodite."

Joanna opened the door of the car and I got in.

"It's funny, isn't it?" she said. "Some people have lots of looks and absolutely no S. A. That girl hasn't. It seems such a pity." (A. Christie, 1984).

'Странность' внешности обсуждаемой персоны раскрывается посредством противопоставления индикаторов *good-looking – a wet fish, lots of looks – no S. A.* В диалоге происходит 'навязывание' отрицательной оценки коммуниканту с благоприятным мнением (*a nice kind girl, Aphrodite*). Решающую роль играет гендерный фактор (мнение женщины о другой женщине).

Тематические акценты, специфические для детективной прозы, помогают диагностировать значение отрицательной оценки 'подозрительный'.

"What's all this about Griffith's sister being mad as a hatter? They say she's been at the bottom of this anonymous letter business that's been such a confounded nuisance to everybody? Couldn't believe it at first, but they say it's quite true."

I said it was true enough.

"Well, well – I must say our police force is pretty good on the whole. Give 'em time, that's all, give 'em time. Funny business this anonymous letter stunt – these desiccated old women are always the ones who go in for it." (A. Christie, 1984).

Funny опознается в значении ‘подозрительный’ благодаря тематическим акцентам *anonymous letters, desiccated old women, police*. В речи говорящего прослеживается ряд эффектов межличностного восприятия: личная неприязнь, навязывание субъективного мнения о других, необоснованные обобщения.

В некоторых ситуациях лексема *funny* неодинаково интерпретируется адресантом и адресатом.

“*The doctor said there'd have to be an autopsy... He said he hadn't attended her for anything and there was nothing to show the cause of death. Looks funny to me*”, *she added*.

“*Now what do you mean by funny?*” *said Miss Marple.*

“*Well*”. *Cherry considered. “Funny. As though there was something behind it.”* (A. Christie, 1984).

Ассоциативные элементы абзацно-тематической группы (*autopsy, show the cause of death*) явно указывают на значение ‘подозрительный’, передаваемое лексемой *funny*. Однако маловероятность этого значения в языковом обиходе Мисс Марпл вынуждает ее просить разъяснения.

По нашим наблюдениям, в речевом взаимодействии содержание слова *funny* может отражать разные уровни понимания ситуации коммуникантами.

“*You don't like her?*” *asked Miss Marple.*

“*I hardly know her,*” *said Cherry. “Knew her, I mean. I don't – didn't – dislike her. But she's just not my type. Too interfering.”*

“*You mean inquisitive, nosy?*”

“*No, I don't,*” *said Cherry. “I don't mean that at all. She was a very kind woman and she was always doing things for people. And she was always quite sure she knew the best thing to do. What they thought about it wouldn't have mattered.”*

“*Yes,*” *said Miss Marple thoughtfully, “yes, she would have been. I know someone a little like that. Such people,”* *she added, “live dangerously – though they don't know it themselves.”*

Cherry stared at her. “That's a funny thing to say. I don't quite get what you mean.” (A. Christie, 1984).

Обсуждая противоречивые черты персонажа, собеседницы по-разному понимают *funny*. Для Черри ключевые слова – *interfering, kind, for people, knew the best, always quite sure*. Мисс Марпл передает свое отношение к персонажу, прибегая к обобщению – *live dangerously, don't know it*. По всей вероятности, разный жизненный опыт и разный уровень образованности являются препятствием к пониманию собеседницей этого содержания *funny*.

Особый интерес представляет тематический контекст, в котором *funny* раскрывает свое содержание путем многократного повторения.

“*You know,*” *said Gladys, “I've been thinking. I was at the Hall that day, helping. I was quite close to them at the time.”*

“*When Heather died?*”

“*No, when she spilt the cocktail. And it was funny.*”

“What was funny?”

“I didn't think anything of it at the time. But it does seem funny when I think it over.”

Cherry looked at her expectantly. She accepted the adjective 'funny' in the sense that it was meant. It was not intended humorously.

“For goodness' sake, what was funny?” she demanded.

“I'm almost sure she did it on purpose.”

“Spilt the cocktail on purpose?”

“Yes. And I do think that was funny, don't you?” (A. Christie, 1984).

Эмоциональные реплики Глэдис раскрывают значение ‘подозрительный’ благодаря тематическим индикаторам *close to them, died, spilt the cocktail, on purpose*. К ее собеседнице это понимание приходит лишь после ‘переключения регистра’ и повторения адресантом ключевых моментов обсуждаемой ситуации. Здесь отражена опрометчивость восприятия как опора на более привычное значение.

В устной речи данная абзацно-тематическая группа может обнаружить акцентное и тональное варьирование ключевого слова *funny*. В начале данного тематического контекста *funny* получит ядерное ударение с высоким нисходящим тоном. По мере информационного развития оно теряет ядерное ударение, приобретая неядерное полное статическое или частичное ударение. Частичное ударение слова *funny* предопределяется использованием значимых элементов в пред- и постпозиции (*seem; in the sense*). Информационный итог отмечается ядерным ударением и высоким нисходящим тоном. Шкала акцентного варьирования (ядерное – неядерное – частичное ударение) обеспечивает дифференциацию семантической значимости лексемы *funny* в разных участках тематического контекста и уменьшает неопределенность восприятия.

Условия, затрудняющие коммуникацию в неопределенных ситуациях, могут иметь психологическое обоснование. Дж. Брунер (1977) отмечал, что адекватность восприятия определяется вероятностью событий, усваиваемых человеком в процессе взаимодействия с миром. Искажающее влияние могут оказывать субъективные оценки вероятности событий, настроенность на узкий диапазон восприятия (‘перцептивная опрометчивость’), предпочтение более доступных категорий в ущерб менее доступным. Несмотря на все возможные искажения, пишет Дж. Брунер, содержание восприятия представляется внешний мир как некоторое сложное сообщение, которое можно понять. Точность восприятия неоднозначных лексических единиц зависит от благоприятного стечения лингвистических, pragматических и психологических условий речевого взаимодействия.

ОБ АКТУАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ В ПРОИЗНОШЕНИИ НОСОВЫХ ГЛАСНЫХ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Носовые гласные – это уникальный фонетический элемент, который играет важную роль во французском языке. Они образуются при участии носовой полости и опущенной небной занавески, что позволяет воздуху проходить через нос, создавая специфический звук.

Вопрос о точном количестве носовых гласных во французском языке остается открытым из-за различных региональных акцентов и диалектов. В настоящее время в стандартном французском соблюдается произнесение трех носовых гласных всеми носителями языка: [ɛ̃], [ɔ̃], [ɑ̃].

Что касается четвертого носового [œ̃], этот гласный сохранился в произношении южного региолекта метрополии. Сохранение данного носового, а также специфический тембр остальных носовых являются одной из основных характеристик южного акцента наряду с просодией и беглым е. Анализу специфики носовых гласных жителей юга Франции посвящено множество актуальных исследований, которые позволили установить, что носители южного региолекта произносят треть или даже половину носового гласного как чистый (S. Clairet, 2008), а также что пик «носового» признака приходится на конец гласного, либо на консонантный элемент, который за ним следует¹ (D. Demolin, B. Teston, 1998). Ввиду указанной специфики некоторые исследователи называют такие гласные не носовыми (*voyelles nasales*), а назализованными (*voyelles nasalisées*).

Снижение частотности произнесения носового [œ̃], или *désarrondissement* ‘потеря огубленности’ (I. Fónagy, 1989), его выход из системы стандартного французского не является новым феноменом. Еще в начале 20 века лингвисты отмечают смешение в произношении неопределенного артикля *un*. При этом изначально тенденция к смешению носового [œ̃] и [ɛ̃] при реализации артикля охватывает в большей степени молодое поколение. Так в 70-ые годы 20 века 71 % мальчиков в возрасте 14 лет произносили артикль *un* то с одним, то с другим носовым (П. Леон, 1973). Исследование А. Вальтер подтвердило нестабильность реализации [œ̃] и оппозиции [ɛ̃]-[œ̃], сохранение последнего в некоторых словах (в основном в заимствованиях) и его переход в [ɛ̃] в большинстве случаев. Кроме того данное исследование констатирует факт сохранения оппозиции [ɛ̃]-[œ̃] в произношении людей, средний возраст которых составлял 51 год, и ее несоблюдение у более младшего поколения (H. Walter, 1977). Помимо этого, с 80-х годов 20 века наблюдается начало тенденции к смешению двух носовых – [ɑ̃] и [ɛ̃], в особенности в речи молодых жителей Парижа. А также П. Леон указывает на нестабильность еще

¹ Речь идет о произнесении носового согласного т или н, как в *bonté* [bɔ̃nt̪e] ‘доброта’, а в конце слова – велярного ɲ, как в *rien* [ʁjɛ̃] ‘ничто’.

одной оппозиции носовых по огубленности помимо [ɛ]-[œ]. Речь идет о смешении носовых [ã] и [ɔ̃], которое рассматривалось как признак элегантной речи (П. Леон, 1979).

Именно развитию двух последних тенденций во французской устной речи, которые недостаточно изучены на современном этапе исследований, посвящен настоящий анализ.

Во многих актуальных учебных пособиях по французскому языку система носовых гласных представлена одной гласной переднего ряда [ɛ] и двумя гласными заднего ряда – [ã] и [ɔ̃]. Однако, как показывают современные исследования, продолжая линию исследований конца 20-х годов, о которых говорилось выше, смешение носовых в последние десятилетия усилилось.

Так, установлено, что в 88 % случаев начало артикуляции носового гласного [ã] идентифицируется как [ɔ̃]. Кроме того, укрепилась тенденция к «сверхогубленности» [ɔ̃], положение губ при артикуляции которой оказывается таким же, как для полузакрытого гласного [o]. Наконец, начало артикуляции [ɛ] идентифицируется в 99,4 % случаев как [a] (J. Montagu, 2004).

В связи с этим следует обратить внимание на аудитивное восприятие носовых гласных.

Несмотря на значимую функциональную нагрузку (*blanc – blond* ‘белый – блондин’; *range – ronge* ‘убирает – грызет’) носовой [ã] и носовой [ɔ̃] продолжают «смешиваться» в устной речи. Точнее будет говорить о «выходе» из стандартного французского носового [ã] с классическим набором признаков и увеличении частотности реализации его более закрытого и огубленного варианта.

Je pense qu'il pourrit les campagnes présidentielles ‘Я думаю, что он портит президентские кампании’

Il y avait très peu de gens qui télétravaillaient auparavant : 3 pour cent...
‘Раньше было мало людей, которые работали дистанционно: 3 процента...’

Les vraies décisions, elles se prennent pas dans les réunions formelles, tout ça se prend entre deux portes, dans les petits moments où vous êtes ensemble
‘Настоящие решения не принимаются на официальных встречах, они принимаются в коридорах, в те недолгие моменты, когда вы вместе’

Je trouve ça intéressant de faire la différence entre la performance qui est un but en soi qui est intéressant et la robustesse qui est un but qui est légèrement différent ‘Мне кажется интересным провести различие между эффективностью, которая является самоцелью, и прочностью, которая является слегка иной целью’

Притом что в настоящее время исследованию новых явлений в системе носовых гласных французского языка посвящено достаточно много работ, в них не затрагивается проблема причины таких флюктуаций. Как видно из приведенных выше примеров, огубленный вариант носового [ã] реализуется в случаях, когда контекст позволяет избежать коммуникативного сбоя

(например, *je pense* ‘я думаю’ вряд ли можно перепутать с *je ponce* ‘я шлифую’). Его появление обусловлено в условиях быстрого темпа окружением – наличием губно-губных согласных, огубленных гласных в соседних слогах (*moment, pourcent, performant*), «огубливающим» эффектом обладает также согласный *r* (*différent*).

Флуктуации, которым подвержена оппозиция носовых [ã] и [ɛ], приводит к реализации усредненного гласного вместо носового [ɛ̃]. Как и в случае с носовыми [ã] и [ã], наблюдаемые изменения гласного происходят под влиянием комбинаторных факторов.

Alors qu'on avait vingt ans derrière nous ! ‘А ведь позади было двадцать лет!’

C'est un enjeu démocratique très très profond ‘Это очень-очень значимая демократическая задача’

Наблюдаемые явления ставят перед исследователями ряд актуальных вопросов, среди которых, например, вопрос о том, происходит ли дополнительная потеря носового (вслед за потерей в стандартном французском носового [œ̃]) ввиду укрепления тенденции к огубленности носового [ã], или же перераспределение признаков носовых гласных французского языка, в результате которого [ɛ̃] приближается к [ã], а [ã] – к [ã̃], который, в свою очередь, становится закрытым и сверхогубленным.

В. В. Устинович

О СОВРЕМЕННЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРОИЗНОШЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО СОЮЗА *QUAND* ‘КОГДА’

Связыванием (реже слиянием) во французском языке называют произнесение конечного обычно непроизносимого согласного, когда следующее слово начинается с гласного (П. и М. Леон, 2003; Г. А. Рудзит, 2003). Связывание представляет собой наследие произношения конечных согласных во французском языке, которые со временем стали звучать только в определенных позициях. Наиболее частотные согласные, которые встречаются в связывании: [n], [z], [t], [p], [R]. Во французском языке выделяют три типа связывания – запрещенное, факультативное (реализация связывания в таком случае выполняет стилистическую функцию) и обязательное. Обязательным, например, является связывание между местоименным подлежащим и скажуемым (1) или между детерминативом и следующим за ним словом (2):

1) *Ils exercent leur droit* ‘Они пользуются своим правом’ [il - zeg - 'zεRs - loeR - ''dRwa]

2) *Des erreurs graves* ‘Серьезные ошибки’ [de - ze - RoeR - ''gRa:v]

Связывание запрещено в частности после союза *et* ‘и’ (3), а также перед придыхательным *h* (4):

3) *Et il n'a pas répondu à la demande* ‘И он не ответил на просьбу’ [e - il - na - pa - Re - pð - 'dy - a - la - də - ''mã:d]

4) *Les héros de la guerre* ‘Герои войны’ [le - e - Ro - dla - ‘gε:R]

Примером факультативного является связывание между существительным и прилагательным во множественном числе (5):

5) *Les députés européens* ‘Европейские депутаты’ [le - de - py - ‘te - (z)ø - Ro - pe - ‘ɛ̃]

Во французском языке встречаются случаи *fausse liaison* ‘ошибочного связывания’, когда говорящий произносит между словами согласный, которого нет, как если бы он реализовывал связывание. К таким случаям относят *cuir* (связывания через согласный [t]) (6) и *velours* (связывания через согласный [z]) (7):

6) ...ou bien encore vivant ‘...или еще жив’ [u - bjɛ̃ - tã - kɔR - vi - ‘vã]

7) *Quatre experts* ‘Четыре эксперта’ [ka - tRø - zɛks - ‘pɛ:R]

В отношении связывания со словом *quand* ‘когда’ существует несколько правил, где связывание либо обязательное, либо запрещенное. Обязательным оно является в вопросительных высказываниях в структуре *quand est-ce que* (8), а также в повествовательных фразах с союзом *quand* (9). Однако следует отметить, что в разговорной речи все чаще наблюдаются случаи «опущения» [t] в обязательном связывании после союза *quand*.

8) *Quand est-ce qu'ils commencent* ? ‘Когда они начинают?’ [kã - tɛs - kil - kɔ - ‘mã:s]

9) *Quand on est jeune, on cherche son chemin* ‘Когда ты молод, ты ищешь свой путь’ [kã - tɔ̃ - ne - ‘zoen / ð - ‘ʃeRʃ - sɔ̃ - ‘ʃmɛ̃]

Связывание после *quand* не делается согласно правилам в вопросительных высказываниях без вопросительной конструкции *est-ce que* (10):

10) *Quand a-t-elle décidé* ? ‘Когда она приняла решение?’ [kã - a - tɛl - de - si - ‘de]

Наряду с рассмотренными случаями в последние десятилетия наблюдаются примеры произнесения *quand* как [kãt] с паузой перед согласным (а не перед гласным), как если бы говорящий реализовывал так называемое «связывание без сцепления» (П. Анкреве) (11–13).

11) *Monsieur Véran, ça me choque quand [t] | vous parlez des élections législatives*¹ ‘Месье Веран, меня шокирует, когда вы говорите о парламентских выборах’

12) *Quand [t] | le gouvernement décide de donner raison effectivement à Arnaud Montebourg sur la question de déni de motion c'est une chose qui est importante pour nous*² ‘Когда правительство решает фактически признать правоту Арно Монтебура в отношении отказа от резолюции – это важно для нас’.

13) *Quand [t] | vous entendez ce que dit Ambroise Méjean, finalement il est pas mal, le bilan Macron*³ ‘Когда вы слышите, что говорит Амбруаз Межан, в конечном счете итог Макрона не так уж и плох’

¹ <https://www.youtube.com/watch?v=OllC32J0BsY&t=5175s>

² <https://www.youtube.com/watch?v=3sPw52Yj4xE>

³ <https://www.youtube.com/watch?v=R5wgH9JYOMc>

Анализ 7 часов французских телевизионных дебатов на общественно-политическую тематику (*Droite vs Gauche, le débat des jeunes ! Élysée 2022 - En Replay; Face-à-face Marine Le Pen / Najat Vallaud-Belkacem – L'Emission politique le 10 février 2017 (France 2); Retraites, le débat : la soirée spéciale de BFMTV en intégralité; Mathilde Panot/Marion Maréchal le débat; Débat Jeunes Politiques sur LCI; La COP28 au pays du pétrole, à quoi bon ?*) позволил сделать следующие наблюдения. Реализация *quand* как [kāt] перед согласным отмечена у представителей молодого поколения общественно-политических деятелей (30–40 лет), для более старшего поколения такое произнесение союза оказывается нехарактерным. Что касается гендерных различий, таковых в проанализированном материале не выявлено – в указанной возрастной группе произнесение *quand* как [kāt] встречается в равной степени как у мужчин, так и у женщин. Интересен тот факт, что несмотря на то, что французские словари дают только произношение *quand* без конечного согласного или в связывании перед гласной с [t], реализация согласного [t] перед другим согласным не вызывает негативную реакцию слушающих, как ошибочное, такое произношение нигде не комментируется как неверное или нарушающее произносительную норму.

Притом что рекомендаций к такому произношению союза *quand* перед согласным нет, оно не наблюдается в разговорном стиле в неформальном общении, где чаще всего происходят отклонения от нормы. Наоборот, произнесение *quand* как [kāt] – это претензия на высокий стиль, элоквентность, случаи его реализации ограничены главным образом публичными выступлениями, речами перед широкой аудиторией, дебатами, интервью на радио и телевидении тех деятелей, которые относят себя к образованным слоям французского общества.

Таким образом, рассмотренное явление ставит перед исследователями ряд конкретных вопросов, которые в скором времени потребуют решения: является ли данное явление нарушением нормы или, напротив, оформившимся признаком высокого стиля, который еще не получил кодификации? Возможно ли, что оно стало отличительной произносительной чертой определенного поколения? Ответом на эти вопросы могут стать дальнейшие диахронические и синхронические исследования французской устной речи.

В. В. Яскевич

АКУСТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ДИФТОНГОВ
И ДИФТОНГОПОДОБНЫХ СОЧЕТАНИЙ
(на материале английского и белорусского языков)

Усвоение английских дифтонгов белорусскими студентами традиционно представляет собой значительную трудность. Данный класс гласных в целом отсутствует в белорусском языке и поэтому процессы интерференции часто

сводятся к монофтонгизации или замене на вокалические сочетания без должного внимания к степени распределения артикуляционных усилий на элементах стыка.

Для изучения потенциальных сложностей и предупреждения отклонений от нормативной реализации английских дифтонгов белорусскими академическими билингвами нами был предпринят фонетический эксперимент. Цель эксперимента состояла в изучении принципиальных различий между собственно английскими дифтонгами и типологически сходными сочетаниями гласных в белорусском языке. Мы исходили из предположения о том, что типичные варианты девиаций от нормативного произношения будут совпадать или приближаться к реализациям родных сочетаний гласных. При этом данный этап исследования состоял в изучении временных и динамических показателей, которые наряду с качественными характеристиками оказывают существенное влияние на степень естественности звучания дифтонгов.

В эксперименте были задействованы две группы испытуемых. В первую группу вошли три носителя южно-английской произносительной нормы, а во вторую – 10 белорусских студентов, изучающих английский язык как первый иностранный. Задача первого этапа эксперимента состояла в том, чтобы получить аудиозаписи естественной реализации всех восьми дифтонгов носителями английского языка и реализации сходных белорусских вокалических сочетаний или сочетаний гласных с сонантом /й/, начитанных белорусскими студентами на родном языке. Если первая часть не представляла собой большой трудности, то вторая оказалась затруднительной, поскольку в силу дистрибутивных особенностей белорусских гласных некоторые сочетания не встречаются или встречаются крайне редко. Для решения данной проблемы в качестве экспериментального материала были подобраны английские имена, которые начитали носители английского языка, а затем переводные эквиваленты имен были начитаны белорусскими студентами на белорусском языке. Например: (*Theresa May* – Тереза Мэй). Таким образом, были получены две выборки, содержащие полный набор реализаций дифтонгов на английском языке, а также набор сходных вокалических сочетаний на белорусском языке в схожем фонетическом окружении и аналогичном положении во фразе для исключения нежелательной вариативности, не имеющей отношения к предмету данного исследования.

Дальнейший акустический анализ реализаций английских дифтонгов и схожих белорусских вокалических сочетаний предполагал замеры их длительности и интенсивности. Замеры интенсивности осуществлялись в соответствии со специальной методикой эксперимента. Результаты предыдущих исследований показали, что реализацию английского дифтонга можно условно разделить на три примерно равные по временным промежуткам стадии. Значения интенсивности фиксировались, нормировались и усреднялись отдельно на соответствующих стадиях. Длительность дифтонгов и дифтонгоподобных сочетаний замерялась и усреднялась в абсолютных единицах.

Рисунок, представленный ниже, демонстрирует основное различие между дифтонгами и похожими сочетаниями в белорусском языке. Суть этих различий состоит в том, что интенсивность звучания падает на протяжении реализации всего дифтонга в английском языке, в то время как похожее сочетание белорусских гласных предполагает повышенный уровень интенсивности на протяжении двух третьих звучаниях всего звукокомплекса.

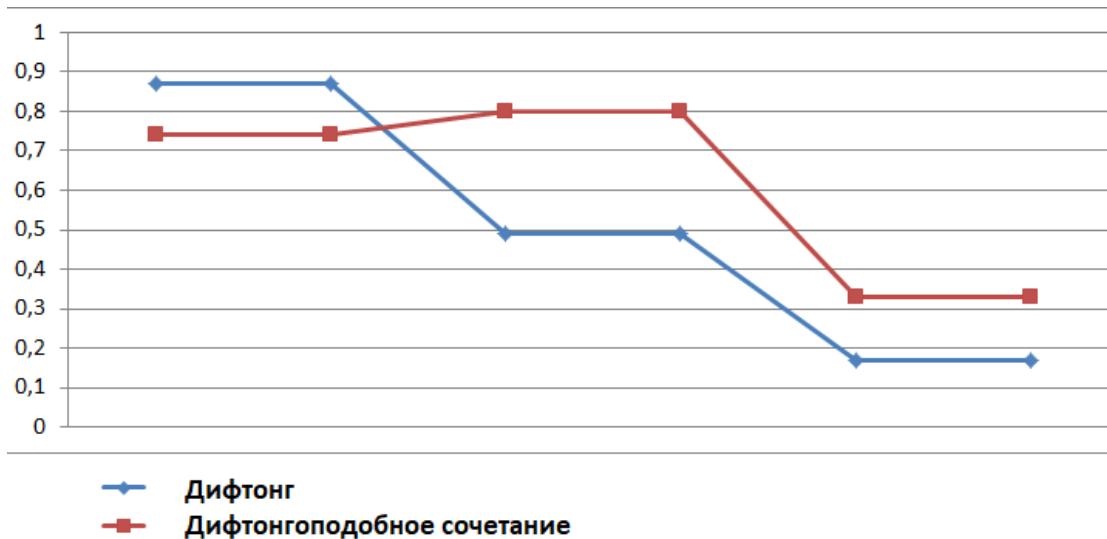

Рисунок 1 – Кривые изменения интенсивности английских дифтонгов и схожих белорусских сочетаний гласных (в нормированных единицах)

Реализация белорусского вокалического сочетания не соответствует описанной в литературе и наблюдаемой в речи падающей природе английских дифтонгов при котором артикуляционное усилие сосредоточено на ядре с постепенным затуханием и скольжением ко второму элементу. В белорусском языке речь скорее идет о двух артикуляционных усилиях, поэтому во второй трети реализации интенсивность может быть выше, чем в первой, что никогда не наблюдается в английских дифтонгах. Эта тенденция особенно ярко выражена, если второй элемент в белорусском языке представляет собой не гласный, а сонант /й/. В таких случаях чаще всего наблюдается два пика интенсивности.

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

В. С. Астрамецкий

ЗНАКОВЫЕ «ОБРАЗЫ» КИТАЙСКОГО МОДЕРНИЗМА КАК ОБЪЕКТ СЕМИОТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Современные исследования ученых доказывают, что любой конкретный язык – не только инструмент для сохранения накопленной этносом информации, но и средство, позволяющее зафиксировать и отразить особенности мировосприятия как отдельной языковой личности, так и всего этнического коллектива. «Человек оказывается с неизбежностью втянутым в напряженный процесс: он окружен потоками информации, жизнь посыпает ему свои сигналы. Но сигналы эти останутся неуслышанными, информация – непонятой <...>, если человечество не будет поспевать за все возрастающей потребностью эти потоки сигналов дешифровать и превращать в знаки, обладающие способностью коммуникации в человеческом обществе» (Лотман, 1992).

Семиотика как наука, исследующая природу знака, строение и функционирование знаковой системы относительно естественного языка, исходит из того, что типичные для определенной группы знаков характеристики позволяют объединить их в систему, внутри которой они способны формировать конкретные языковые «образы». Логика такого «образа» способна проявляться в границах слова (минимальная единица знака), словосочетания или предложения. Термин «модернистский знак» представляет собой конкретный объект в языке художественной прозы, имеющий произвольную природу, и соотносимый в конкретной знаковой ситуации (условия существования знака) с определенным значением, указывающим на физическое либо абстрактное понятие (предмет, процесс, явление).

Изучение знаков («образов») модернизма в контексте семиотики решается на уровнях семантики и синтаксики (Ч. У. Моррис, Ч. С. Пирс, Ю. М. Лотман). Кроме того, затрагиваются прагматические аспекты функционирования знаковой системы. Понятия, определяющие эти три уровня, трактуются учеными различных школ по-разному. Ю. М. Лотман указывал, что «данные измерения семиозиса зачастую рассматриваются как отдельные сферы семиотического анализа» (Ю. М. Лотман, 1986): семантика рассматривает отношение знака к тому, что он замещает, и исследует очевидный, буквальный смысл «плана содержания»; синтаксика исследует синтаксис, формальные или структурные отношения внутри знаковой системы, знаковые взаимоотношения в «плане выражения», а также процесс сменяемости (последовательности) материальных знаков («план выражения»), благодаря чему система знаков обретает значение; прагматика (отношение знака к интерпретатору, т. е. субъекту) исследует то, что подразумевается под тем или иным знаком (то есть, глубинный смысл знакового «плана содержания»).

В современных научных подходах изучения семиотической природы знака прагматика часто выведена в отдельную область исследований. В художественной прозе Китая 80-х гг. XX в. типичным знаковым выражением героя являлась некая уникальная черта. Говоря о героях повести Лю Сола «У тебя нет выбора», А. А. Никитина отмечала: «Каждый персонаж – главный, и нет ни одного специального главного героя, каждый обладает одной уникальной гипертрофированной чертой характера, которая запоминается» (А. А. Никитина, 2017). Знаковые средства модернизма семантически остроумны и изобретательны (например, прозвища, чаще всего, отражают некую утрированную характеристику героя, приобретающую означенность посредством структурно-смыслового осмысления иероглифа (или сочетаний иероглифов): Малец 小个子 ‘человек маленького роста’, Сэнь Сэнь 森森 (гений, с ‘птичьим гнездом на голове’ (перевод автора), где начертание иероглифа 森, употребляемое дважды, мгновенно соотносится с его смыслом ‘туской лес’, ‘заросли’ и приобретает черты «знака», указывающего на героя.

Китайские писатели искали уникальные формы выражения новых смыслов и ассоциаций. Их прозу, «ориентированную не столько на узнавание объекта, сколько на его новое понимание (Рымарь, 1997), можно осмыслить достаточно глубоко, только прибегнув к семиотическому осмыслению модернизма в китайской ЯКМ. Как пример – проза Лю Сола, которая представляет собой повествование на фоне разнообразных симфонических вариаций духовного оркестра. Мир, созданный модернисткой, означивается языком музыки, созданным из системы знаков, понятных, по большей части, самому автору, требующих осмысления у читателя, не знакомого с данными терминами. Однако автор не вводит в текст ни комментариев, ни анализа или пояснений, а предоставляет читателю возможность самостоятельно интерпретировать порождаемые ассоциации: 管弦 (духовые и струнные инструменты), 古典音乐 ‘классическая музыка’, 指挥系 ‘дирижерский класс’, 十七度三重对位 ‘тройной контрапункт септаккорды’, 七和弦 ‘септаккорд’, 爵士音乐 ‘джаз’ и др. Полицентризм, присущий индивидуальному самовыражению автора-модерниста, становится толчком к культивированию традиционных ценностей нации, среди которых музыка, безусловно, занимает одну из наиболее важных ступеней, ведущих к самопознанию и взаимодействию с миром.

Важным инструментом познания знаковой природы художественной прозы модернизма является ориентир на то, что знаковый смысл любого модернистского текста формируется на фоне авторской иронии, заложенной в семантико-смысловом характере текста в целостном единстве составляющих его элементов. Ирония, используемая авторами художественной модернистской прозы, становится своего рода тактикой выражения действительности, презентацией художественной прозы как искусства позволяющего комбинировать и варьировать различные знаковые «образы» семиотического пространства: смысл понятий, цвета, звуков и голосов,

точек зрения, жестов, манеры поведения и т. п., где в реализации плана выражения и плана содержания знака участвуют внешние черты образа (его семантико-структурный аспект) и внутренние, проявляющиеся в семантическом, ассоциативном и смысловом аспектах, выражющие при этом как очевидное единство, так и очевидное противопоставление (один из приемов модернизма): *西方现代化哲学的思维是非客观与主观形式的相交。*

”董客老爱说这种驴头不对马嘴的话，他一张嘴就让人后悔来找他，“*和声变体功能对位的转换法则应用于…* . ‘Идеи современных западных философов – это комбинация необъективных и субъективных форм, – любил говорить он ни к селу ни к городу. Когда он раскрывал рот, его собеседники непременно жалели, что заговорили с ним. – А вот конверсия контрапункта в теории функций аккорда применяется в…’ Ирония, на фоне которой автор структурирует новую реальность – мир, наполненный непрерывно звучащей музыкой. Ощущение этого «звучания» появляется буквально с первых строк повести Лю Сола.

На фоне ироничного повествования структурно-смысловые особенности языка художественной прозы Китая в 80-е гг. XX в. выражались в полном соответствии с логикой символного значения «образов»: создавая «мир» текста, писатели «раскрашивали» населяющие его объекты, «включали» музыку или «расставляли зеркала», позволяющие видеть не только «образ» главного героя (как правило, ущербный, физически или психически несовершенный), но и его зеркальное отражение, то есть характеристику, которую дает личности с изъяном герой, ведущий повествование от первого лица. Этот прием означивания героев ущербными (или ущемленными) используют практически все китайские модернисты в прозе 80-х гг. XX в., независимо от течения: повесть Цзя Пинва «Сестрица Хэй» 黑氏 (главная героиня – бедная, презираемая новой родней девушка, муж которой относится к ней, как к служанке); повесть А. Чэна «Король шахмат» 棋王 (главный герой – физически измощденный человек, которого все называют не иначе, как шахматный балбес 棋呆子); повесть Мо Яня «Прозрачная красная редька» 透明的红萝卜 (главный герой – десятилетний «заморыши» Хэйхай, воспринимаемый всеми как причудливое и странноватое существо); повесть Хань Шаогуна «Папапа» 爸爸爸 (главный герой – Бинцзай, умственно отсталый, терпящий жестокие насмешки подросток, получивший прозвище Папапа); повесть Ван Мэна «Зимние пересуды» 冬天的話題 (главные герои – Чжу Шэньду и Чжао Сяоцян становятся фигурами, втянутыми обществом в бессмыленный, раздутый до небес спор, и не знают, как выбраться из этого кошмара); повесть Ван Аньи «Конечная станция» 本次列車終點 (главный герой – представитель «грамотной молодежи» Чэн Синь, который восторженно и радостно возвращается в родной Шанхай, где не встречает ни понимания, ни поддержки, все его мечты рассыпаются в прах, и найти свой путь в новой жизни оказывается не так уж и просто).

Таким образом, в статье выявлено, что модернизм сформировался в культуре Китая в результате влияния внешних (западный литературный опыт) и внутренних (традиционное видение мира) факторов; проанализирована специфика модернизма как знаковой системы, обусловившей глубокие трансформации в китайской языковой картине мира, что проявилось в семантике субъектности, авторской иронии, типизации ущербности героя, использовании знаков терминологического характера; рассмотрены структурно-семантические особенности знаков, интерпретирующих «образы» модернизма (на материале художественной прозы Китая 80-х годов XX века).

В. С. Астрамецкий

ТЕРМИНЫ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ЗНАК ЯЗЫКОВОГО ПРОСТРАНСТВА КИТАЙСКОГО МОДЕРНИЗМА 80-х гг. XX в.

Глобальный интерес современной научной мысли к проблеме освещения общих теоретических вопросов бытования терминологии в языке художественного дискурса и, в частности, в семиотическом пространстве китайского модернизма 80-х гг. XX в. подтверждают многочисленные исследования термина в аспектах культурологии, информатики, психологии, литературоведения, философии. Вопросы функционирования термина в языке художественного дискурса решаются в трудах Б. Н. Головина, Ю. Б. Жидковой, Е. В. Панаева и др. Проблемы семиотического изучения терминов, позволяющие упорядочить знания о характере и функциях знаков в языковой модели художественного дискурса, рассматриваются в трудах В. В. Виноградова, Е. Е. Бариновой, отмечавшей, что «в 80-х годах прошлого века научная лексика <...> воспринимается еще как нечто специфическое и инородное в художественном тексте» (Е. Е. Баринова, 2011), А. А. Реформатского, полагающего, что термины – «слова специальные, ограниченные своим особым назначением; слова, стремящиеся быть однозначными как точное выражение понятий и называние вещей» (А. А. Реформатский, 1968) и др.

Вопросы семантико-синтаксических языковых процессов рассматриваются в трудах Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, А. Н. Гордея и др. Семантика и синтаксис как семиотические уровни знаковой системы рассматриваются современными учеными в очень тесной связи и взаимообусловленности: «поиск функционального отношения между элементами языковой системы следует начинать прежде всего в области синтаксиса и семантики» (А. Н. Гордей, 2007).

Декодирование семантики терминов модернизма представляет собой репрезентацию, обработку и сохранение знаний в процессе мыслительной деятельности человека. Однако характер знаний, репрезентируемый терминами в научном и художественном текстах будет разным, так как при

«расшифровке» их значений возникают противоречия, проявляющиеся в информационном содержании идеального компонента знака – его означаемом.

Говоря о терминах, употребляющихся системно в языковом пространстве модернистского текста, мы имеем в виду знаки, относящиеся к строго ограниченной сфере и составляющие систему определенной терминологии (например, музыкальной, профессиональной и других областей). Тем самым, термины модернизма мы понимаем, как упорядоченное множество знаков, которые, во-первых, соотносятся с определенной терминосферой, обуславливающей их понятийно-смысловое ядро, раскрывающее термин как специальное научное понятие в семантическом аспекте семиотики; во-вторых, выступают в качестве структурообразующих элементов, раскрывающих отношения «знак – знак» на уровне синтаксики; и, в-третьих, репрезентируют смысл целого, раскрывая его воздействующий потенциал и реализуя, тем самым коммуникативную функцию, что затрагивает прагматический аспект.

Наличие терминов в знаковой системе модернизма, официально признанного только в 80-х гг. XX в., отражает, на наш взгляд, значительные сдвиги в ЯКМ Китая. Терминология, используемая в модернизме, приобретает нетерминологическое значение, что расширяет ее функциональные возможности. Термины модернизма, как и термины любых текстов художественного дискурса, обладают общими для лексики данной группы структурно-смысловыми свойствами: 1) термины выступают средствами выразительности и изобразительности (создание портретов, характеров, типажей, ситуаций), а их основной функцией в таком моделировании, становится выражение определенной атмосферы, настроения, эмоционального фона (экспрессия, драматизм, фасцинаторный эффект), служащих для декодирования смысла целого; 2) научные понятия приобретают коннотативность, что позволяет им выступать в качестве смыслообразующего средства в метафорических выражениях; 3) терминологические единицы активно вводятся в структуру языка как элементы различных синтаксических конструкций (простые либо сложные, развернутые либо обрывочные предложения; структуры диалогов либо монологов и т. д.); 4) специально-научная лексика в модернистском языке усиливает информационный и познавательный статус текста, реализуя, тем самым, прагматический потенциал. Кроме указанных характеристик, термины модернизма в каждом конкретном авторском тексте приобретают дополнительные специфические черты, репрезентирующие существенные трансформации ЯКМ Китая 80-х гг. XX в.: 1) терминология модернизма часто служит средством и способом смыслообразования, обусловленного ключевыми концептуальными сферами, свойственными для модернизма в целом: субъектностью, имплицитной иронией, фасцинацией; 2) термины комбинируются с языковыми средствами, относящимися к сниженной лексике (коллоквиализмы, сленговые единицы, вульгаризмы, обсценная лексика и др.).

Рассмотрим примеры терминов, функционирующих как семантически оппозиционные знаки: научная терминология – сниженная лексика в повести повесть 刘索拉 《你别无选择》(перевод наш – В. А.):

1. “妈的力度。”森森得意洋洋。他说完就用力地砸他的和弦，一会儿在最高音区，一会儿在最低音区，一会儿在中音区，不停地砸键盘，似乎无止无休了。’ «Динамика, мать ее», – Сэн Сэн светился от гордости. Договорив, он сразу же заиграл свои аккорды, то в самом высоком регистре, то в самом низком, то в среднем, не переставая долбить по клавишам, без паузы и отдыха’.

Термины 力度 ‘динамика’ 和弦 ‘аккорды’, 音区 ‘регистр’, 键盘 ‘клавиши’ комбинируются со знаками, обладающими семантикой сниженной лексики: 妈的 ‘мать ее’ 砸 ‘долбить’. Использование семантически оппозиционных знаков формирует фасцинаторный эффект, где «Фасцинация есть тот раздражитель, который оказывает влияние на эмоциональную сферу человека» (Ю. В. Кнорозов, 1973). Внешняя информация (язык модернизма) воспринимается реципиентом и становится его личным знанием, формируя новые стереотипы и образы.

2. 有时他的作品让弦乐的音响笔直地穿过人们的思维, 然后让铜管象炸弹似地炸开, 打击乐象浓烟一样剧烈地滚动。这可以使乐队和听众都手舞足蹈。‘Иногда в его произведениях струнные инструменты прямой наводкой пробивали мысли слушателей, затем трубы раздавались взрывом, и наконец ударные стремительно накатывали, словно клубы густого дыма’.

Использование терминов 作品 ‘произведение’ и 弦乐 ‘струнные инструменты’ наряду с разговорным элементом 滚动 ‘накатывали’ создает комический эффект. Кроме того, в данной конструкции термины служат средством создания метафорических выражений: 1) 铜管象炸弹似地炸开 ‘трубы раздавались взрывом’, где буквальное значение комбинации знаков является ложным – ‘трубы не могут раздаваться взрывом’, а собственно метафорический (подлинный) смысл означает, что ‘трубы играли громко’; 2) 打击乐 … 象浓烟一样剧烈地滚动 ‘ударные стремительно накатывали, словно клубы густого дыма’, где прямое значение не формирует образ, а переносное – служит его созданию и означает ‘ударные инструменты создавали обволакивающие звуки музыки’.

3. “什么和声?”李鸣在自己谱子上根本找不到圆号手吹的是哪儿, 他早走神了, “随你便吧, 管它呢。”‘«Какой аккорд? – Ли Мин сам не мог найти в своих нотах место, которое играет валторнист, он давно отвлекся. – Да как хочешь, черт с ним»’.

Термины 和声 ‘аккорд’ 谱子 ‘ноты’ 吹 ‘играет’ (досл.: ‘дует’), 圆号手 ‘валторнист’, встроенные в монологическую речь в комбинации со сниженным 管它呢 ‘черт с ним’ (досл.: ‘ну и пусть’), являются средством выражения смыслового ядра знаковой ситуации: они создают портрет индивида, стоящего в центре события и раскрывают субъектный характер целого как

ключевую концептуальную сферу модернизма. Использование семантической оппозиции «термин – сниженное языковое средство» в системе знаков модернизма указывает на новое отражение языковой реальности: создает комичную знаковую ситуацию и способствует формированию ироничного смысла, проявляемого типично для модернизма – имплицитно (автор не выказывает оценок, не комментирует происходящее).

Таким образом, в статье выявлено, что одной из ключевых особенностей системы знаков модернистского дискурса 80-х гг. XX в. является наличие терминов, которые служат усилиению информационно-познавательной роли модернизма, отражающего значительные сдвиги в ЯКМ Китая в рассматриваемый период. Установлено, что бытование терминов в текстах художественного дискурса имеет как универсальные знаковые особенности, обусловленные семантикой стилистической соотнесенности, так и специфические черты, что указывает на существенные сдвиги в индивидуально-авторской и китайской ЯКМ в последние десятилетия XX в.

П. В. Гибкий

ДЕКЛАРАТИВНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ В КИТАЙСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В большинстве языков существуют те или иные способы обозначения будущего времени.

Китайский язык является аморфным (максимально аналитическим) и аппликативным, в нем отсутствуют видовременные показатели. Соответственно, у китайских егеноов, в отличие от английских, нет формальных показателей, декларативно, т.е. прямым образом указывающих на будущее время.

Полусуффиксы 了 (le), 过 (guo), 着 (zhe) не указывают на прошедшее / настоящее / будущее / будущее в прошедшем время, поскольку свободно употребляются в каждом из названных временных интервалов.

Отнесенность процесса к будущему времени в китайском, как и в английском языке, декларативно (т. е. прямым образом) обозначают лексические единицы: 明天, *tomorrow* ('завтра') и т. д. Кроме того, в английском языке данную функцию выполняют формы егена to be (*will, shall*) и т.д.

Ниже приведем следующие примеры из китайского и английского языков.

1. 明天要下雨, 我就不去了 ('Если завтра будет дождь, я не пойду').
2. They cannot even predict whether it is going to rain tomorrow or not ('Они даже не могут дать прогноз, пойдет ли завтра дождь'¹).

¹ Буквально: пойдет дождь или нет.

В данных предложениях, отобранных из электронной версии Большого китайско-русского словаря и онлайн-словаря Reverso Context, лексические единицы прямым образом относят описываемые процессы к будущему времени.

Кроме того, предложение может быть включено в контекст будущего. В качестве иллюстрации последнего утверждения ниже приведем диалог.

哎哟, 电视说明天白天40度! 那还不把人给热死! – 是吗 今年夏天这么热, 真是万万想不到!

(‘- По «телевизору» сказали, что завтра будет 40 градусов! Такой жары не вынести!

- Неужели? Никогда бы не подумал, что это лето будет таким жарким’)

В первом предложении лексема *明天* (‘завтра’) относит первое предложение к будущему времени. Второе предложение, судя по контексту, также включено в план будущего: фраза *没想到* (‘не мог и подумать’) указывает на то, что говорящий в прошлом, по его мнению, не мог сделать определенное предположение, относящееся к будущему. Соответственно первая часть предложения относится к будущему времени, вторая – к будущему в прошедшем.

В сознании носителей английского языка будущее является менее определенным и более абстрактным по сравнению с настоящим и прошедшим.

Разница в восприятии категории времени носителями разных языков во многом объясняется различиями в моделях мира китайцев и носителей английского языка. По мнению Тань Аошуан, в китайском языковом сознании будущее не отделено резкой границей от настоящего, а мыслится как его органичное развитие (Т. Аошуан, 2004). По мнению американских лингвистов (Дж. Лакоффа и С. Пинкера), в сознании носителей английского языка будущее является достаточно абстрактным феноменом (Лакофф, 1980). Это связано с тем, что в английском языке будущее время выражается не через изменение формы глаголов (*go* → *went*), а с помощью модусных глаголов *will*, *shall*, а также *be going to*, создающих ощущение гипотетичности, планирования или предсказания, а не фиксированного события.

Дж. Лакофф исследовал, как языковые структуры отражают когнитивные модели. В его работе «Метафоры, которыми мы живем» анализируется связь между языком и мышлением, включая метафорическое представление времени. Например, будущее часто описывается через пространственные метафоры (например, «впереди нас ждет будущее»), что подчеркивает его абстрактность в понимании носителей английского языка (Лакофф, 1980).

В книге «Язык как инстинкт» С. Пинкер обсуждает, как язык формирует и отражает когнитивные процессы. Он, как и Дж. Лакофф, отмечает, что в английском языке будущее время часто выражается через модальные глаголы (*will*, *shall*), что усиливает его восприятие как более гипотетического и менее определенного феномена, чем настоящее (С. Пинкер, 1994).

Таким образом, в английском языке, как и в китайском, в качестве декларативных средств обозначения будущего времени выступают лексические единицы, у китайских егеноов, в отличие от английских, нет формальных показателей, декларативно указывающих будущее время. Кроме того, в китайском языке предложение может быть включено в контекст будущего. Разница в восприятии времени заключается в следующем: в сознании носителей китайского языка нет четкой границы между будущим и настоящим, первое естественным образом вытекает из второго. С точки зрения носителей английского языка, будущее отличается от настоящего большей гипотетичностью, абстрактностью.

Н. Горбани Эбрахими

РОЛЬ ИРАНСКИХ ЖЕНЩИН-ПИСАТЕЛЬНИЦ В РАЗВИТИИ ИРАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПОСЛЕ ИСЛАМСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Литература возникает в результате осмыслиения писателем событий, которые происходят вокруг него и с ним, эмоций, которые он испытывает. Писатель в своем произведении пытается поместить читателей в свою интеллектуальную и эмоциональную атмосферу. Без сомнения, можно сказать, что когда в обществе меняются культурно-социальные и политические ценности, в результате меняются взгляды и эмоции писателей.

После Исламской революции в Иране в 1979 г., идеология общества сильно изменилась, и на первое место вышли исламские ценности, в том числе в то время в законах страны появилось обязательное требование носить хиджаб женщинам. Хотя издалека кажется, что из-за этих законов иранские женщины уже живут очень закрыто, но все равно они, как и до революции, и даже больше, играли и играют важную роль в развитии разнообразных сфер страны, в том числе и в литературе. Это получилось благодаря таким исламским и иранским культурным особенностям, как признание важного места женщин в обществе и в распространении (доступности) образования.

По мнению аналитиков, именно после революции, писательницы больше создавали произведения в форме стихотворений по разнообразным стилям. Темы также затрагивались разные: революция, любовь к родине, «священная защита» (война между Ираном и Ираком, которая началась 22 сентября 1980 г. и продолжалась 8 лет), стойкость перед трудностями. В это время писательницы также писали и драматические произведения.

В 1982–1992 годах иранские писательницы активно писали разнообразные рассказы и романы, но их произведения по качеству не изменились по сравнению с произведениями до революции. Однако, именно в эти годы многие писательницы начали работать в этой сфере, поэтому это время считается важным временным отрезком в развитии литературы. В течение следующих двадцати лет иранские писательницы в своих сочинениях больше

пытались определить место женщин в обществе, в котором права женщин ограничивались законами. Однако, в это время их произведения развивались качественно, а также количество произведений увеличивалось. Появились и новые писательницы.

В 1997–2007 годах, с началом политического движения ‘يوم خرداد’ (23 мая) в социальной и в литературной сфере наступил яркий период в истории жизни иранских женщин. Это движение считается самым интеллектуальным после революции. В данный период были попытки пересмотреть конституцию и культуру, поэтому женщины начали больше участвовать в общественной жизни. А писательницы в своих произведениях начали протестовать против главенства прав мужчин в личных и общественных отношениях.

Кроме этого, в этих произведениях в первый раз показали женское мировоззрение в отрыве от мужского. В общем, можно сказать что, в Иране появилась самостоятельная женская литература. В произведениях иранских писательниц в эти годы появились новые темы и стили.

Иранские писательницы понимая свои права, начали изображать женщин как источник влияния, любви и власти, а не как бесправных и невежественных.

Захра Мусави в своей диссертации пишет: «Содержание произведений женщин в основном посвящено семейным и социальным проблемам. А темы редко бывают чисто романтическими и любовными. Философское отчаяние, скука и остракизм, которые были заметны в произведениях дореволюционных писательниц, таких как Голи Тарки и Шахрнуш Парсипур, редко встречаются в художественных произведениях послереволюционных женщин». (Захра Мусави, 2001)

По мнению экспертов, в последние годы иранские писательницы, достигнув неоспоримого положения в иранской литературе, своими произведениями смогли помочь обществу признать эмоции, потребности, чувства, способности, права и проблемы своего пола. Кроме этого они пытались показать равноправие мужчин и женщин в обществе. Они показывают в своих произведениях случаи, которые происходили в обществе и которые решались не в пользу женщин.

Ряд других литературных деятелей полагают, что женщины затерялись в нашей мужской литературе, и что, за исключением мистической литературы, в других разделах иранской литературы женщинам уделялось мало внимания, поэтому в иранской литературе по-прежнему ощущается необходимость углубления женской идентичности. Однако некоторые утверждают, что будущее художественной литературы и поэзии светло, и что нам следует дождаться появления новых молодых людей, интересующихся литературой.

Мехрназ Азад в интервью с Ирной (информационное агентство Исламской Республики Иран) утверждает что, присутствие женщин в различных областях науки, искусства и культуры наряду с мужчинами

умножило мощь и специализированные возможности Ирана, и сегодня можно с гордостью сказать, что за четыре десятилетия после победы революции женщины-художники, писательницы, композиторы, актеры, фотографы, каллиграфы и журналисты, нашли особое место в мире. (Мехрназ Азад, 2019)

В общем, нельзя забывать о том, что иранские деятели искусства, в том числе и писательницы постоянно борются с разными препятствиями и цензурой.

Отсутствие поддержки литературных активистов со стороны государства, по-прежнему мужская атмосфера иранской литературы, недостаточное знание общества и его проблем, слабость писателей в поиске содержания и тем, исчезновение подлинной культуры в произведениях, отсутствие достаточных исследований и слабая осведомленность литературных активистов о гуманитарных науках были отмечены экспертами как недостатки иранской литературы последних лет.

По статистике, в начале революции в стране было 388 писателей, а писательниц – только 11. Через 38 лет число активных писателей в стране увеличилось до 60033 человек, а число писательниц – до 28239. Наиболее известные писательницы и их произведения: Симин Данэшвар – «Блуждающий остров», Фариба Вафи – «Моя птица», Насим Мараши – «Осень – последний сезон в году» (на самом деле в Иране зима считается последним сезоном; этот роман переводился на итальянский язык), Паринуш Сания – «Моя доля» (переводился на 26 языков), «Отец того другого», Нази Сафави – «Коридор рая» (третий роман по продажам в последние годы; это произведение публиковалось 47 раз в Иране), «Чистилище, но рай», Чиста Йасрэби – «Почтальон» (много раз печатался и переводился на 6 языков), Фахимэ Рахими (она написала 23 книги, 7 из которых вошли в число 47 самых продаваемых книг после революции), Фатанех Хаж Сейед Жавади и др.

Евразийская литературная премия была вручена Бехназу Зарабизаде, автору книги «Голеста, 11». Церемония закрытия Евразийского литературного фестиваля состоялась в Москве в сентябре 2019 года, и российский издатель, который перевел книгу «Голеста, 11», получил награду от имени Бехназа Зарабизаде. Эта книга рассказывает о герое Ирано-иракской войны, который защищал родину до самой смерти. Его вдова рассказывает о нелегкой, но счастливой жизни с ним через много лет.

Таким образом, мы видим что, политические и социологические изменения влияют не только на литературную деятельность общества, но и на взгляд литературоведов, писателей и даже аудитории. Иранские писательницы, особенно после революции, своим творчеством с одной стороны пытались постоянно бороться с недостатками патриархального общества, а также цензурой, а с другой стороны, помогли другим иранским женщинам признать свои эмоции, чувства и права.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НАЗВАНИЙ БОЛЕЗНЕЙ НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

Пандемия COVID-19 усилила дискуссии о международном сотрудничестве в здравоохранении, особенно между Беларусью и КНР. Эксперты подчеркивают, что эффективная медицина требует интеграции подходов Востока и Запада, что стимулирует совместные проекты и спрос на медицинских переводчиков. Однако при осуществлении медицинского перевода, в частности при переводе названий болезней, переводчик может столкнуться с рядом трудностей, которые обусловлены рядом факторов, среди которых основными являются следующие (Юньшэн Цзюй, 2022): 1) наличие составных и произвольных слов в русском языке: переводчику необходимо передать не только семантику переводимого термина, но соблюсти правила релевантности содержания в обоих языках: 心性呼吸困难 (xīnxìng hūxī kùnnan) ‘сердечная недостаточность’; 心室肥大 (xīnshì féidà) ‘гипертрофия миокарда’; 生物制品 (shēngwù zhìpǐn) ‘биопрепараты’; 2) комплексные аббревиатуры: 艾滋病 (àizībìng) ‘СПИД’ (Юньшэн Цзюй, 2022); 3) наличие нарицательных существительных: 唐氏综合症 (tángshì zōnghézhēng) ‘синдром Дауна’; 4) лексическая терминологизация: 血便 (xuèbiàn) ‘кровавый стул’. В общеразговорном языке ‘стул’ переводится как 椅子, 职务, 台, 座, 架, но в медицинской терминосистеме ‘стул’ будет интерпретироваться иначе, что и осложняет перевод; 5) метафоричность термина: 心室 (xīnshì) ‘желудочек сердца, сердечная камера’ (Юньшэн Цзюй, 2022).

В нашем исследовании рассматриваются методы перевода медицинских терминов, обозначающих названия болезней. Наиболее распространенными из них оказались: семантический (передача смыслового содержания термина), фонетический (передача звуковой формы), смешанный (фонетико-семантический). В ходе анализа 80 медицинских терминов было выявлено, что 75 из них переведены на китайский язык семантическим способом, а 5 – смешанным.: 1) семантический: 尿石 (niàoshí) ‘уролитиаз’ = 尿 (niào) ‘моча’ + 石(shí) ‘камень’; 心循环障碍 (xīn xúnhuài zhàngài) ‘гемодисциркуляторные процессы’ = 心 (xīn) ‘сердце’ 循 (xún) ‘следовать’ + 坏 (huài) ‘плохой’ + 障碍 (zhàng’ài) ‘препятствие, заграждение; расстройство’; 2) смешанный: 唐氏综合症 (tángshì zōnghézhēn) ‘синдром Дауна’ = 综合症 ‘симптомокомплекс’ (zōnghézhēn) + 唐氏 (tángshì) ‘Даун’.

Таким образом мы пришли к выводу, что перевод болезней является комплексным процессом, требующим от переводчика понимания всех тонкостей перевода медицинской терминологии на китайский язык, а также переводческих способов, среди которых выделяют семантический, фонетический, графический и смешанный. Именно они помогают достигать точного и адекватного перевода в такой прикладной области научного знания.

ПОЗИЦИЯ ИОРДАНИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К КРИЗИСУ
В ПЕРСИДСКОМ ЗАЛИВЕ (1990–1991 гг.)

Кризис в Персидском заливе 1990–1991 годов, вызванный вторжением Ирака в Кувейт, поставил Иорданию в сложную и трудную ситуацию. В то время как многие арабские страны и международное сообщество осудили действия Ирака, Иордания заняла более деликатную позицию, основанную на ее исторических связях, экономической зависимости и стратегических сценариях.

Отношения Иордании с Ираком зародились еще в начале XX века: с 1921 по 1958 год обе страны объединяла династия Хашимитов. Хотя эта родственная связь не всегда гарантировала сотрудничество, она способствовала формированию чувства общей идентичности и взаимных интересов. Во время ирано-иракской войны (1980–1988 гг.) Иордания поддерживала Ирак, оказывая ему политическую, экономическую и материально-техническую помощь. Эта поддержка была обусловлена следующими факторами: желание Иордании противостоять влиянию революционного Ирана, ее уверенность в победе Ирака и признание Ирака в качестве жизненно важного экономического партнера.

К концу 1970-х годов Иордания попала в зависимое положение от Ирака в экономическом, политическом и военном отношении. Экономические связи между Иорданией и Ираком углублялись в 1970-е и 1980-е годы. Ирак оказывал финансовую помощь Иордании, поддерживал инфраструктурные проекты и содействовал торговле через порт Акаба. Поскольку во время ирано-иракской войны собственные порты Ирака стали уязвимыми, Акаба превратилась в важнейший транзитный пункт для иракского импорта и экспорта. Однако к концу 1980-х годов экономика Иордании столкнулась с проблемами, вызванными сокращением денежных переводов, уменьшением иностранной помощи и ростом задолженности. Финансовые трудности самого Ирака еще больше обострили отношения, поскольку Ирак изо всех сил пытался погасить свои долги перед Иорданией.

Когда в августе 1990 года Ирак вторгся в Кувейт, Иордания оказалась в сложном положении. Географическое положение Иордании и ее тесные социальные, экономические и политические связи с Ираком, Кувейтом и другими странами арабского региона еще больше определили ее участие в кризисе в Персидском заливе. Свою роль сыграло и общее чувство принадлежности к арабскому сообществу, а также недавнее образование Совета арабского сотрудничества (САС), объединившего Иорданию, Египет, Ирак и Йемен.

Осуждая вторжение, Иордания в то же время выражала опасения по поводу возможности иностранного вмешательства и разрушения Ирака. Король Иордании Хусейн попытался выступить посредником между Ираком

и Кувейтом, стремясь к мирному разрешению кризиса. Однако эти усилия в итоге не увенчались успехом, поскольку международное сообщество во главе с США готовилось к военным действиям.

Нежелание Иордании присоединиться к антииракской коалиции было обусловлено несколькими факторами. Во-первых, в Иордании существовала значительная общественная поддержка Ирака, подпитываемая антиизраильской риторикой Саддама Хусейна. Во-вторых, Иордания опасалась последствий военного конфликта, включая возможность региональной нестабильности и разрушения Ирака. В-третьих, Иордания стремилась сохранить арабскую солидарность и избежать дальнейшего раскола в арабском мире.

Несмотря на свое неприятие военного вмешательства, Иордания также признавала важность сохранения хороших отношений с Соединенными Штатами и другими западными державами. Иордания пыталась сбалансировать эти противоречивые интересы, выступая за урегулирование путем переговоров и одновременно добиваясь гарантий выведения Ираком своих войск из Кувейта. Однако по мере эскалации кризиса достижение баланса становилось все более трудным.

Позиция Иордании во время кризиса в Персидском заливе имела значительные последствия для страны. В экономическом плане Иордания пострадала от сокращения торговли, снижения туризма и потери финансовой помощи со стороны Кувейта и Саудовской Аравии. В политическом плане Иордания столкнулась с критикой и изоляцией со стороны некоторых арабских государств и Запада. Соединенные Штаты приостановили помощь Иордании, а Саудовская Аравия прекратила поставки нефти. Несмотря на эти проблемы, позиция Иордании имела и положительные последствия. Кризис сплотил Иорданию как страну, преодолев демографические разногласия и укрепив чувство национальной идентичности. Противодействие короля Хусейна иностранному вмешательству и его защита арабских интересов снискали ему уважение среди националистов и исламистов в арабском мире.

Роль Иордании в кризисе в Персидском заливе была сложной и многогранной. Иордания оказалась в трудном положении во время кризиса в Персидском заливе, пытаясь сбалансировать свои исторические связи, экономические интересы и стремление к региональной стабильности. Хотя ее поддержка Ирака вызвала критику и привела к экономическим трудностям, она также отражала исторические связи. Выступая за урегулирование путем переговоров и против военного вмешательства, Иордания стремилась предотвратить дальнейшее кровопролитие и сохранить арабское единство. Хотя ее усилия в конечном итоге не увенчались успехом в предотвращении войны, позиция Иордании подчеркнула необходимость диалога и дипломатии в разрешении региональных конфликтов. Более того, последовательная поддержка Иорданией арабского решения кризиса отличала ее от традиционных арабских союзников, которые присоединились к Соединенным Штатам. Выступая за мирное урегулирование и против иностранного вмешательства, Иордания стремилась предотвратить дальнейшее кровопро-

литие и сохранить стабильность в регионе. Несмотря на трудности, усилия Иордании по содействию мирному урегулированию кризиса позиционировали ее как потенциального посредника в будущих конфликтах.

Е. И. Дудинская, М. Д. Кузьмина

СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПОВРЕЖДЕНИЯ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

В данном исследовании нам хотелось бы обратить внимание на такой семантический класс как глаголы повреждения, наличие которого обусловлено как эмпирическими физическими законами, так и общими процессами развития общества, в котором процесс созидания тесно связан с процессами деформации, деконструкции и разрушения (деструкции).

Толковый словарь русского языка Института лингвистических исследований РАН, трактует глагол «повредить» как «нарушить целостность, исправное состояние чего-либо, испортить, поломать, поранить». Однако в практике рассмотрения семантических групп чаще рассматривается более широкая группа – деструктивные глаголы, к которым относят «переходные предельные глаголы со значением физического действия, направленного на объект, в результате которого объект изменяется, нарушается его структурная целостность на макро- или микроуровне и он не может выполнять ранее присущих ему функций» (М. А. Мидоян, 2018). В рамках такой точки зрения по семе результата разрушения более узкая группа глаголов повреждения будет относиться к лексико-семантическому полю деструкции.

При рассмотрении лексико-семантического поля (ЛСП) принято выделять ядро поля и его периферию в зависимости от таких факторов, как тип лексической сочетаемости (свободная, полигрупповая, моногрупповая), связанный с диапазоном объектных отношений; частота употребления; количество дополнительных дифференциальных сем, конкретизирующих и суживающих значение семантической основы поля. К семам, значимым для поля деструкции, часто относят: 1) способ или образ действия; 2) специфику объекта и субъекта воздействия; 3) инструмент воздействия; 4) меру (степень) воздействия (полное разрушение, частичное разрушение, повреждение); 5) результат повреждения.

При рассмотрении деструктивных глаголов применительно к японскому языку следует упомянуть некоторые его особенности лексикологического характера, в частности, наличие в нем исконно японских слов *wago*, заимствований китайского происхождения *kango* и заимствований из других языков (преимущественно английского) *gairaigo*, различающихся сочетаемостью, стилистически, сферой употребления и по иным параметрам. В данной статье нас прежде всего интересуют глаголы *wago*, как правило, характеризующиеся – в противовес *kango* – большей частотой употребления,

обиходностью и отсутствием книжной, официальной или терминологической окраски. Слова *kango* имеют преимущественно двухграфемную структуру, в которой соотношение значений составляющих слово графем нельзя охарактеризовать как однотипное, однако случаи, когда один из иероглифов уточняет или дополняет значение другого, нередки, из-за чего деструктивные глаголы *kango*, помимо стилистической разницы, снижающей частотность употребления слова, также будут заведомо иметь и дополнительную сему, вытесняя данные слова на периферию ЛСП (倒壊, 半壊, 焼損). В японском языке также существует значительное количество сложных глаголов, образованных путем основосложения глаголов *wago*. Так как значение таких дериватов во многих случаях опирается на значение исходных лексем, они также имеют более высокую степень конкретизации, более узкое значение и более ограниченную сочетаемость (押し破る, ぶち壊す, 切り離す). Учитывая различные осложняющие рассмотрение свойств глаголов факторы и изображений общего объема, на начальном этапе мы оставляем список глаголов открытым, не приводя их классификации, и ограничиваем свои задачи попыткой дескриптивного и дистрибутивного анализа деструктивных глаголов типа *wago*. Данное исследование носит прежде всего практический характер и может быть полезным в рамках как изучения японского языка, так и решения переводческих задач. Приведем примеры анализа некоторых глаголов.

Глаголу 壊す (*kowasu*) в Большом японско-русском словаре (БЯРС) соответствует перевод ‘ломать, разбивать, разрушать, испортить, повредить, разбирать на части’. Глагол стилистически нейтрален и достаточно употребим – в словаре частотных слов, содержащем 5000 наиболее употребимых лексических единиц, он находится под № 2018. Образ или способ действия не конкретизированы, инструмент воздействия не специфичен, зависит от контекста. С точки зрения объектных отношений обладает широкой сочетаемостью: может обозначать воздействие как на одушевленные (人, 自身), так и на неодушевленные предметы (壁, 眼鏡). Обозначает воздействие не только на предметы материального (食器, ビタミン, ケーキ), но и идеального (夢, 美, 話, 秩序, 雰囲気) планов. Часто комбинируется с такими классами предметов как части тела (赤血球, お腹, 体調) и строения (小屋, 窓, ノブ), также встречается в небольшом количестве устойчивых сочетаний *kan'yoku* (体を壊す). С точки зрения меры и результата воздействия неоднозначен – может указывать и на полное разрушение (計画を壊す), и на повреждение объекта (パソコンを壊す, 鍵を壊す), – однако всегда проявляет значение нарушения структурной целостности объекта воздействия и обозначает потерю им работоспособности. Как переходный глагол, 壊す подразумевает намеренное действие со стороны одушевленного или неодушевленного субъекта (при отсутствии рядом уточняющих наречий типа うっかり и иных элементов), однако его каузативная пара 壊れる (*kowareru*) данный аспект не

подчеркивает и легче ассоциируется, к примеру, со стихийными действиями и иными неконтролируемыми факторами, оформляющимися частицей で как инструмент воздействия или причина повреждения (振動, 地震, 台風). Данный глагол можно охарактеризовать как полигрупповой, с обобщенным значением разрушения или повреждения; предположительно он относится к ядру ЛСП деструкции. К схожим по семантике на основе общего значения «нарушение функционирования» и возможности замены подстановкой в части словосочетаний без значимого изменения смысла можно отнести такие полигрупповые глаголы, как 崩す ('разрушать, разваливать, приводить в беспорядок'; 会社を崩す, 姿勢を崩す) или 潰す ('разрушать, разминать, расплющивать, портить'; 団体をつぶす, 声をつぶす).

Глагол 折る (oru) в БЯРС описывается как 'ломать, изломать, складывать, загибать, сгибать'. Как и 壊す, стилистически нейтрален и достаточно употребим (№ 3336). С точки зрения образа и способа совершения действия, а также его результата, подразумевает либо сгибание под острым углом твердого плоского или твердого прямого продолговатого объекта без нарушения его целостности, либо образование слома на месте сгиба, то есть разрушение объекта. С точки зрения объектных отношений обладает достаточно широкой сочетаемостью, однако преимущественно обозначает воздействие на неодушевленные объекты (筆, 翼, 茎, 杖); чаще употребляется с вещественными и конкретными (枝, 足首, 線香, チラシ) существительными, однако можно отметить употребление и с абстрактными (筋). Активно используется в составе идиом типа kan'yoku (我を折る, 角を折る, 出端を折る, 骨を折る) и некоторых пословиц (七重の膝を八重に折る). Данный глагол сложно отнести к ЛСП деструкции полностью, так как его значение может обозначать изменение формы объекта (в том числе не жесткого), не связанное (千羽鶴を折る, パンツを折る) с нарушением его функциональности или же связанное с данным значением более условно, так как итоговое действие не несет негативной окраски (地図を折る, チョークを折る). 折る можно отнести к полигрупповым глаголам; предположительно вместе с синонимичным глаголом 曲げる (mageru) ('сгибать, искривлять, накренять') он составляет ядро ЛСП по значению «сгибать, повреждать». Этот глагол отличается от 折る по образу действия – дополнительно он может обозначать скручивание или наклон объекта без нарушения его целостности, что в переносном употреблении проявляется в значении «искажать, отступать от своих убеждений, нарушать правила» (信念を曲げる, 規則を曲げる, 内容を曲げる). С точки зрения объекта воздействия также наблюдается некоторая разница: этот глагол активно используется и с абстрактными существительными (政策, 教え), а в рамках переносных значений обнаруживает такие любопытные варианты, как 口を曲げる, つむじを曲げる или же へそを曲げる.

А. В. Ладо

ОСОБЕННОСТИ АРАБСКОГО ЯЗЫКА В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

С развитием цифровых технологий широкое распространение получила интернет-коммуникация, которая в свою очередь оказала значительное влияние на язык общения в интернет пространстве. Адаптируясь к новым условиям взаимодействия язык претерпевает некоторые изменения. Арабский язык, обладающий сложной морфологией и уникальной письменной системой, демонстрирует особые тенденции изменений в онлайн-коммуникации.

Основными особенностями арабского языка в интернете являются:

- Использование диалектов вместо литературного арабского.

В отличие от официальных текстов, где преобладает ‘الفصحي’ (литературный арабский), в интернет-общении доминируют диалекты ‘العامية’. Пользователи предпочитают писать так, как говорят в повседневной жизни, что приводит к большому разнообразию форм в зависимости от региона (египетский, левантийский, магрибский диалекты), например, **شحالك؟** (иракский), **كيف حالك؟** (иорданский). (литературный).

- Арабизированный латинский алфавит (Arabizi).

Одной из наиболее заметных особенностей арабского языка в интернете является использование латинского алфавита для передачи арабских слов – феномен, известный как “Arabizi” (или “Arabish”). Этот метод возник в конце 80-х годов в Кувейте из-за технических ограничений ранних цифровых устройств, не поддерживающих арабскую вязь. Примеры Arabizi:

- *3arabic* (арабский) – цифра 3 заменяет букву ئ (айн).
 - *7abibi* (мой любимый) – цифра 7 заменяет ح (hā).

Данный способ письма особенно распространен среди молодежи, поскольку ускоряет процесс написания и восприятия текста.

- #### • Сокращения и интернет-сленг.

Как и в других языках, в арабской интернет-коммуникации распространены сокращения и сленг: يع — يا الله 'О Боже!'; ههه (аналог LOL) — 'смех'; يكفي — بس: 'Хватит'.

Также встречаются заимствования из английского, например: **أوكي** ‘okay’, **بای** ‘bye’.

Из-за скорости общения в мессенджерах и соцсетях пользователи часто пренебрегают правилами арабской орфографии:

- Пропуск диакритических знаков (огласовок).
 - Смешение букв, например, *ى* и *ي* в конце слов.
 - Выражение форм женского рода с использованием букв вместо диакритических знаков (огласовок), например, **كيف حالكى**.

Таким образом, арабский язык в интернет-коммуникации демонстрирует динамичное развитие, сочетая традиционные элементы с инновационными адаптациями. Феномен «Arabizi», диалектное разнообразие и влияние глобализации формируют новый лингвистический ландшафт, который является интересным объектом для изучения, который будет развиваться и изменяться с развитием информационных технологий.

Н. В. Михалькова

ФОРМАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ НОМИНАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА ДЕТЕРМИНАТИВОВ КИТАЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Формализация языка, к которой неизбежно пришла лингвистика в 1940–1950-е гг. в связи с начинавшимися тогда активными разработками проблем машинного перевода, продолжает оставаться актуальным направлением исследований, выдвигая новые прикладные задачи понимания, порождения и компьютерного перевода устной речи, совершенствования корпусов национальных языков и работы с ними, а также поиска математических способов верификации результатов гуманитарных исследований.

Наибольшую популярность имеют статистические методы анализа (основанные на выявлении долей целого или количественно превалирующих единиц), обоснованность которых не вызывает сомнения при условии вхождения в исследуемую подсистему качественно однородных данных.

Однако, если члены исходной языковой группы обладают различными типами качественных характеристик (в нашем случае – это класс детерминативов сложных иероглифических знаков китайской письменности – ключи 部首), каким образом становится возможным их формализованный отбор и анализ? Т.е. как, например, ограничить число иероглифических знаков с различными детерминативами (部首), общее количество которых в китайском языке доходит до 214 единиц, а знаков, куда они входят – до 80000, не упуская при этом всех потенциально наблюдаемых закономерностей?

Согласно статистической науке, чтобы оценить любое явление, не обязательно исследовать всю генеральную совокупность. Возможность экстраполировать выводы о части на целую единицу доказывается математикой. В частности, П. Л. Чебышевым сформулирован «Закон больших чисел», который гласит, что количественные закономерности массовых явлений проявляются только при достаточном числе наблюдений.

В основу расчета выборки детерминативов иероглифических знаков китайского языка нами положены методы математической статистики, а также многочисленные разработки в области прикладной и математической лингвистики.

Для того, чтобы выборка была репрезентативной, мы построили выборочное (упорядоченное) распределение величин – детерминативов иероглифических знаков китайской письменности от наибольшей к наименьшей, сопровождая данными об их *продуктивности* по формуле:

$$\bar{x} = \frac{1}{n} \sum_{k=1}^n x_k, \text{ где:}$$

\bar{X} – выборочная средняя величина;

n – количество величин (детерминативы иероглифических знаков китайской письменности);

x_k – частотность значения показателей.

Выражение $\sum_{k=1}^n x_k$, соответственно, означает сумму всех X с индексом k от 1 до n и в нашем случае равно 79728. Таким образом,

$$\bar{X} = 79728 / 264 = 302$$

Для того, чтобы определить меру того, насколько разбросан набор данных, вычислили стандартное отклонение.

$$\sigma = \sqrt{\frac{\sum (x_i - \bar{x})^2}{n - 1}}$$

Поскольку первый этап расчета выборки позволил определить выборочную среднюю величину по генеральной совокупности, из общей системы нами были исключены детерминативы, показатель *продуктивности* которых не превышал 302 единицы.

Это позволило на втором этапе подсчета ранжировать выделенные нами семантические группы и подгруппы относительно данной величины и не рассматривать семантические подгруппы детерминативов, показатель выборочной средней величины которых не достигал установленного числа.

Соответственно, в наиболее репрезентативную выборку вошли следующие 12 семантических подгрупп детерминативов:

- 1) номинации жилищ и их частей ($\bar{X} = 386$);
- 2) номинации природных объектов ($\bar{X} = 564,8$);
- 3) соматизмы ($\bar{X} = 547,5$);
- 4) номинации лиц ($\bar{X} = 490,7$);
- 5) фитонимы ($\bar{X} = 880,1$);
- 6) зоонимы ($\bar{X} = 311,2$);
- 7) номинации состояний ($\bar{X} = 499,5$);
- 8) номинации характеристик ($\bar{X} = 444,2$);
- 9) номинации видов жидкостей и их состояний ($\bar{X} = 629,5$);
- 10) номинации огня ($\bar{X} = 1685$);
- 11) номинации твердых веществ ($\bar{X} = 352,4$);
- 12) номинации сыпучих веществ ($\bar{X} = 796,5$).

Поскольку степень репрезентативности детерминативов данных подгрупп является различной, нами был введен показатель выборочного среднего относительно каждой подгруппы, который позволил исключить наименее репрезентативные детерминативы в каждой из подгрупп.

При описанном расчете также высокорелевантным является показатель вхождения детерминатива в различные сложные знаки. Данный показатель, именуемый нами семантическим потенциалом, также можно вычислить математическим путем. В частности, индекса семантического потенциала определялся нами по следующей формуле:

$$i_k = \frac{1}{m} \sum_{n=1}^l x_n, \text{ где}$$

k – номер индекса для k -го элемента,

m – количество порождаемых семантических связей,

l – число связей для k -ого элемента группы,

x_n – наличие связей в n -ом звене,

n – номер элемента связи.

Таким образом, например, в группе детерминативов – обозначений жилищ 「авес' имеет наиболее высокий индекс семантического потенциала $i_k = 1$. Это говорит о том, что семантический потенциал данного графического элемента очень широкий, что позволяет сделать заключение о высокой способности порождать знаки различного семантического типа, с одной стороны, а также о сложности определения семантики иероглифов, куда они входят, с другой стороны, поскольку чем выше индекс семантического потенциала детерминатива, тем труднее интерпретировать сложный иероглифический знак в составе с ним. Данная обратно пропорциональная зависимость, в то же время, говорит о том, что низкий индекс семантического потенциала детерминатива является показателем значительно более ограниченного семантического круга сложных иероглифов, в состав которых он входит. Например, у детерминатива 「пещера' – самый низкий в группе показатель индекса i_k . Следовательно, семантические группы иероглифов с этой графемой ограничены и включают в данном случае фундаментальные гиперо-гипонимические и холо-меронимические связи, возможность использовать данный детерминатив для обозначения отдельных действий, атрибутов, звукоподражаний и абстрактных сущностей.

Таким образом, учитывая качественные и количественные характеристики детерминативов иероглифических знаков китайского языка стало возможным формализовать процесс их отбора для проведения лингвистического исследования и достигнуть верификации отобранный доли иероглифических знаков и их характеристик.

ИНКОРПОРАТИВНЫЙ КОМПЛЕКС КИТАЙСКИХ ПРЕДИКАТИВОВ КАК КОРРЕЛЯТ СОЧЕТАНИЯ С ФАЗИСНЫМ ЕГЕНОМ

Согласно терминологии, принятой в комбинаторной семантике, инкорпоративный комплекс предикативов представляет собой синтаксическое единство, состоящее из трех китайских процессуальных знаков. Первый знак (актуализатор) обозначает основной процесс, в то время как второй и третий знаки указывают на ориентацию основного процесса относительно локуса (上, 下, 进, 出, 起, 回, 过) и наблюдателя (来 или 去), выступая соответственно в роли модификатора-актуализатора и модификатора. Устойчивое сочетание двух последних компонентов образуют макромодификатор. В традиционном понимании тернарный кортеж знаков типа 跳上 来 *tiàoshànglai* ‘запрыгнуть’ рассматривается как дополнительный член направления движения.

Мнения исследователей по поводу данного уникального явления китайского языка в силу своей недостаточной изученности остаются весьма противоречивыми. В первую очередь это обусловлено вариативностью компонентов, входящих в его состав: в роли актуализатора, обозначающего основной процесс, может выступать как переменный, так и постоянный еген. Напомним, что еген (предикатив) – часть языка, обозначающая признак индивида, например, лететь, зеленый, бегло. Постоянные егены обозначают множество свойств индивидов $p(i)$: красивый, красный, переменные – функций $f(i)$: украшать, красить. Стоит также отметить, что еген в роли актуализатора может обозначать как информационный, так и физический процесс, определяя тем самым онтологию фрагмента модели мира, описываемого инкорпоративным комплексом.

Наглядно представить структуру инкорпоративного комплекса, обозначающего информационный фрагмент модели мира, можно в виде следующей схемы:

唱 + 起来 = 唱起来

chàng qǐlai *chàng qilai*

‘петь’ «начать действие» ‘запеть’

актуализатор макромодификатор инкорпоративный комплекс

Из схемы видно, что значение инкорпоративного комплекса не складывается напрямую из суммы значений его компонентов. Вследствие информационной семантики актуализатора 唱 *chàng* ‘петь’, макромодификатор 起来 *qǐlai* обозначает начало процесса, т.е. он утрачивает значение иероглифов 起 *qǐ* ‘вверх, отрываясь от поверхности’ и 来 *lái* ‘по направлению к говорящему/слушателю’.

Таким образом, идентичные на первый взгляд сочетания егенов, например, 站起来 zhànlai ‘встать’ и 哭起来 kūnlai ‘заплакать’ приобретают абсолютно разные значения. Это свидетельствует о ключевой роли актуализатора в семантике инкорпоративного комплекса егенов.

Одними из самых распространенных макромодификаторов являются:

1) 起来 qilai, обозначающий начало информационного процесса или переход его из скрытого состояния в открытое, например, 笑起来 xiào qilai ‘засмеяться’;

2) 下去 xiàqu, обозначающий продолжение информационного процесса после перерыва, например, 写下去 xiě xiàqu ‘продолжить писать’;

3) 下来 xiàlai, обозначающий затухание процесса, например, 平静下来 píngjìng xiàlai ‘успокоиться’.

Обобщая информацию по трем наиболее сочетаемым с егенами макромодификаторам, мы можем провести следующую аналогию: макромодификаторы 起来 qilai, 下去 xiàqu и 下来 xiàlai схожи по семантике с фазисными егенами 开始 kāishǐ ‘начинать’, 继续 jìxù ‘продолжать’ и 结束 jiéshù ‘завершать’ соответственно.

Более того, инкорпоративные комплексы, которые имеют в составе переменный еген в роли актуализатора и макромодификатор 起来 qilai либо 下去 xiàqu обладают отличительной особенностью: их можно взаимозаменить сочетаниями, содержащими фазисный еген. Примеры корреляции:

‘начать обсуждение’:

讨论起来 tǎolùnqilai ✓ = 开始讨论 kāishǐ tǎolùn ✓

‘продолжить исследовать’:

研究下去 yánjiūxiàqu ✓ = 继续研究 jìxù yánjiū ✓

Тем не менее, в случае с постоянным егеном в роли актуализатора инкорпоративного комплекса замена модификатора на фазисный еген не допускается:

‘начать расти’:

大起来 dàqilai ✓ ≠ 开始大 kāishǐ dà ✗

‘продолжить смягчаться’:

软下去 ruǎnxiàqu ✓ ≠ 继续软 jìxù ruǎn ✗

Помимо взаимозамены, также возможно совместное использование инкорпоративных комплексов с фазисными егенами, например, 开始讨论起来 kāishǐ tǎolùnqilai ‘начать обсуждение’; 继续研究下去 jìxù yánjiūxiàqu ‘продолжить исследовать’; 开始大起来 kāishǐ dàqilai ‘начать расти’; 继续软下去 jìxù ruǎnxiàqu ‘продолжить смягчаться’.

Таким образом, установлено, что инкорпоративные комплексы с макромодификаторами 起来 qilai, 下去 xiàqu и 下来 xiàlai являются прямыми коррелятами аналогичных сочетаний с фазисными егенами 开始 kāishǐ ‘начинать’, 继续 jìxù ‘продолжать’ и 结束 jiéshù ‘завершать’ соответственно.

Возможность взаимозамены демонстрирует гибкость использования инкорпоративного комплекса с постоянным егеном в роли актуализатора в китайском языке. Относительно синтаксического целого с постоянным егеном аналогичная корреляция, напротив, не установлена, что подчеркивает его уникальность. Тем не менее, существует возможность совместного использования подобных инкорпоративных комплексов с фазисными егенами. Это расширяет возможности обозначения акций в китайском языке.

А. С. Серова

СТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МЕТАФОРИЧЕСКИХ СОЧЕТАНИЙ С ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ЗНАКАМИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Метафорические сочетания представляют собой одну из наиболее интересных и наименее изученных областей современной лингвистики, поскольку отражают глубину механизмов мышления человека, в том числе обусловленных культурными и социальными реалиями. Такое понимание метафоры, как единицы, связывающей язык, мышление и культуру зародилось в когнитивной лингвистике, в рамках которой на современном этапе образные сочетания изучаются наиболее широко. Исследованиями в области концептуальной метафоры занимались М. Блэк, П. Рикер, Дж. Стен, Д. Ритчи, Д. Гентнер и Б. Боудл, А. Мусолфф, А. Н. Баранов, С. Глюксберг, Линь Шуу (林书武), Ван Шоуюань (王守元), Лю Чжэнъянь (刘振前) и др.

Несмотря на большое количество исследований, посвященных метафоре, структурные комбинаторные характеристики построения образных сочетаний до сих пор остаются недостаточно изученной областью современной синологии. Целью представленного исследования является установить структурные модели метафорических сочетаний в китайском языке с наиболее частотным процессуальным знаком **给** ‘давать’. Анализ проводился на основе 320 конструкций, представляющих собой сочетание процессуального знака **给** ‘давать’ с иными знаками (от двух до шести элементов), которые были отобраны путем сплошной выборки из Национального корпуса китайского языка ВСС 语料库 (BLCU Corpus Center). На основании таких критерии как: 1) позиция процессуального знака относительно субъекта действия, 2) позиция процессуального знака относительно объекта действия, 3) наличие модификаторов при процессуальном знаке или объекте действия, 4) наличие/отсутствие характеристики одушевленности у субъекта или объекта действия, нами было выделено 8 макроструктур, каждая из которых включает более частные конструкции – микроструктуры.

1. Макроструктура **给 + 个 + O (29,4 %)**

Наиболее частотная макроструктура включает сочетание процессуального знака **给** ‘давать’ с прямым объектом (O) через счетное слово **个**, напри-

мер, 给个预告 ‘сделать анонс’, 给个指点 ‘дать указание’, 给个祝福 ‘дать благословение’, 给个说法 ‘дать объяснение’. В 24,37 % случаев объект не имеет модификаторов (Mo), образуя микроструктуру **给 + 个 + O** (给个鼓励 ‘оказать поддержку’, 给个处理 ‘дать способ решить’, 给个依靠 ‘оказать поддержку’). В 3,12 % – оформлен объектным модификатором (Mo) без частицы **的** (микроструктура **给 + 个 + Mo + O**, например, 给个好梦 ‘подарить хороший сон’), а в 1,87 % – с частицей **的** (микроструктура **给 + 个 + Mo 的 + O**, например, 给个强大的背影 ‘быть крепкой опорой’).

2. Макроструктура **给 + Or / Os + O (24,7 %)**

В 24,7 % случаев процессуальный знак **给 ‘давать’** сочетается с одушевленным (Or) или неодушевленным (Os) косвенным объектом. Прямой объект действия (O) может быть оформлен объектным модификатором (Mo) и/или числительным со счетным словом (CL). Сочетаний с одушевленным косвенным объектом действия насчитывается 17,8 % (четыре микроструктуры: **给 + Or + (Mo的) + O**, **(Mv) + 给 + Or + C + L + (Mo的) + O**, **给 + Or + C + (L) + O**, **给 + C + L + Or + Mo的 + O**, например, **给我活** ‘дать мне жизнь’, **给他人一丝温暖** ‘подарить другим немного тепла’, **给我一年** ‘дай мне год’). В 6,9 % случаев изучаемый процессуальный знак сочетается с неодушевленным косвенным объектом действия (микроструктура **(Mv) + 给 + Os + (C + L) + (Mo的) + O**, например, **给中国一记恶狠狠的耳光** ‘Дать Китаю крепкую пощечину’).

3. Макроструктура **给 + O (11,86 %)**

Третей по частотности является макроструктура, где процессуальный знак **给 ‘давать’** присоединяет прямой объект (O) без участия субъекта (Sr/Ss) и косвенного объекта действия (Or/Os). Сам процессуальный знак может быть оформлен модификатором (Mv) (**再给** ‘еще раз дать’, **也给** ‘тоже дать’), а также может удваиваться для образования вопросительной формы (**给不给** ‘дать или не дать’). Прямой объект может быть оформлен числительно-счетной (CL) группой с модификатором (Mo) (**给一个话题** ‘дать тему для разговора’, **给一定的报酬** ‘дать определенное вознаграждение’), а также числительным (C) (**给一秒钟** ‘дать секунду’).

4. Макроструктура **Sr / Ss + 给 + Or / Os + O (11,6 %)**

Процессуальный знак **给 ‘давать’** может комбинироваться с субъектом действия, который может быть одушевленным (Sr) или неодушевленным (Ss). Сам процессуальный знак обычно распространен модификаторами. Косвенный объект (Or/Os) действия при этом сохраняется и может быть оформлен объектным модификатором (Mo) и/или числительно-счетной группой (CL)

образуя микроструктуры Sr/Ss + 给Mv + Or + (C+L) + (Mo的) + O (6,25%), Sr + (Mv) + 给 + (C + L) + Or + (Mo) + O (3,44 %), Sr/Ss + (Mv) + 给 + Or/Os + (C/P + L) + (Mo) + O (1,24%), Ss + 不给 + Os + Mo的 + O (0,31%), Sr + 给 + C + L + O + Sr + V (0,31%). Например, 人给不了你完美的工作 ‘люди не могут дать тебе идеальную работу’, 别人给你一些经验 ‘другие дают тебе опыт’, 你给世界一缕阳光 ‘ты даришь миру свет’.

5. Макроструктура Sr / Ss + 给 + O (9,4 %)

Процессуальный знак 给 ‘давать’ может сочетаться с субъектом действия (Sr/Ss) при условии отсутствия косвенного объекта действия (Or/Os). Прямой объект действия (O) обычно оформлен числительно-счетной группой (CL) и вариативно объектным модификатором (Mo) (микроструктура Sr /Ss+ (Mv) + 给 + C + L + (Mo 的) + O (5,25 %), например, 时间会give一个公正的结果 ‘время даст справедливый результат’), а процессуальный знак модификатором (Mv) (микроструктура Sr / Ss + 给Mv + O (3,8 %), например, 钱给不了幸福 ‘деньги не могут дать счастья’).

6. Макроструктура O + (Sr/Ss) + 给 + (Or/Os) (6 %)

В 6% случаев прямой объект действия (O) при процессуальном знаке 给 ‘давать’ может выноситься вперед предложения в целях его актуализации и формирования корректного тема-рематического членения высказывания: 爱只会给一个人 ‘любовь подарю лишь одному человеку’, 更大的失望我不想给 ‘еще большего разочарования я не хочу причинять’.

7. Макроструктура 给与 (3,74 %)

Часто встречающейся в текстах официально-делового и публицистического жанра является макроструктура с формальным инвариантом изучаемого нами знака 给与 ‘давать’. Подобный контекст предполагает краткость, поэтому субъект действия (Sr/Ss), косвенный объект действия (Or/Os), а также модификаторы (Mv/Mo) в данной модели могут опускаться: 给人民自由 ‘наделить народ свободой’, 给与更多的理解 ‘следует проявить больше понимания’.

8. Макроструктура 给 + C + L + U (2,5 %)

В 2,5 % прямой объект действия может сворачиваться до числительно-счетной группы. Характерной чертой подобных сочетаний является наличие модальной частицы (U), предающей предложению эмоциональную окраску, например: 给一个嘛 ‘ну дай один [это же не сложно]’, 给一个吧 ‘дай мне один’, 给一个啦 ‘да дай же один!’.

Проведенный анализ структурных особенностей метафорических конструкций с процессуальным знаком *给* ‘давать’ в китайском языке выявил исключительное разнообразие возможных структурных моделей с различными типами объектов. Подобная многовариантность свидетельствует о том, что данный процессуальный знак функционирует не просто как синтаксический элемент, но и как значимая когнитивная единица, способная концептуализировать значение передачи в составе образных сочетаний.

Е. С. Сулима

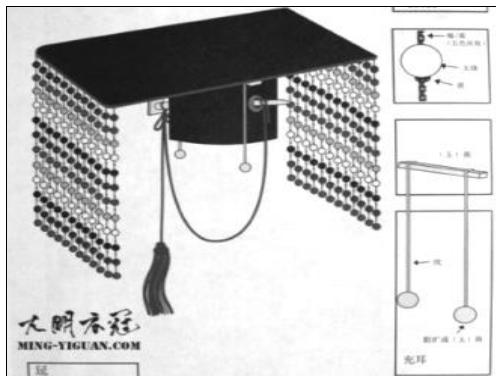
СЕМАНТИКА И СИМВОЛИКА НАИМЕНОВАНИЯ ЭЛЕМЕНТА
ГОЛОВНОГО УБОРА *充耳* В ДРЕВНЕКИТАЙСКОЙ
«КНИГЕ ПЕСЕН» («ШИЦЗИН»)

«Шицзин» – памятник древнекитайской литературы, включающий поэтические произведения, созданные в период с XI по VI вв. до н. э. «Книга песен» является уникальным сборником, в котором отражены представления древних народов, проживающих на территории современного Китая, об окружающей их действительности, и, следовательно, важнейшим источником ценных лингвокультурологических сведений для будущих поколений. «Огромный поэтический опыт, обобщенный в «Шицзине», совершенство художественной формы, подчиненной решению идейных задач, богатство художественно-изобразительных средств сделали этот памятник подлинно академией поэтического мастерства, через которую прошли многочисленные поколения китайских поэтов» (Н. Т. Федоренко, 1987).

Одним из важнейших направлений в изучении китайской классической литературы является определение семантики иероглифических знаков, составляющих непосредственно текст произведения, а также выявление их символического значения. В данном исследовании обратим внимание на употребление и символику наименования элемента древнекитайского головного убора *充耳* ‘чунэр’ в произведениях «Шицзин».

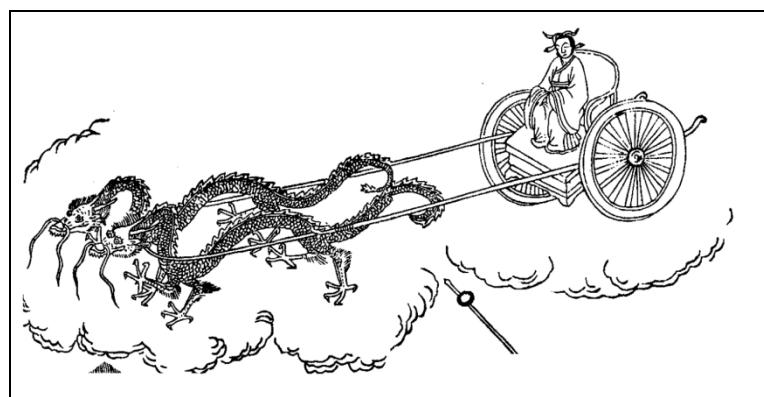
Согласно этимологическому словарю Ли Сюэциня, происхождение иероглифа *充* до сих пор не выяснено; основные значения в классических текстах – ‘высокий’, ‘длинный’, ‘возвращивать’, ‘наполнять’; этимологическое значение пикторгаммы *耳* – ‘ухо’ (Ли Сюэцинь, 2013). В текстах «Книги песен» лексема *充耳* употребляется в значениях: 1) *塞住耳朵* ‘затыкать уши’ (Ли Шань, 2018), 2) *又名瑱, 塞耳; 玉石制成的垂于冠两旁的饰物* ‘нефритовое украшение, свисающее по обеим сторонам головного убора, именуемое также “тянь” и “сайэр” (“затычки для ушей”)’ (Ван Сюмэй, 2013).

В древнем Китае *充耳* ‘чунэр’ крепились к *冕冠* ‘мяньгуань’ – церемониальному головному убору правителей и высших чиновников.

Церемониальный головной убор **冕冠** 'мяньгуань'
с детально изображенным справа элементом **充耳** 'чунэр'

Внешний вид и эзотерический символизм вышеупомянутого головного убора перекликается с китайской мифологией, в особенности с текстами из трактата 《山海经》 «Шаньхайцзин» («Каталог гор и морей»). В некоторых главах (VIII, IX, XVI) упоминаются существа с 玳两青蛇 'продетыми в уши нефритовыми подвесками в виде двух сине-зеленых змей'. В частности, в главе XVI («Каталог Великих пустынь Запада») таким существом был Сяхоу Кай (мифический герой, легендарный правитель эпохи Ся): в уши его были продеты две сине-зеленые змеи, восседал он на двух драконах; «преподнес трех красавиц Небу. [Он] получил Девять напевов и Девять песен и отдал их вниз [людям]»¹ (Э. М. Яншина, 1977).

Сяхоу Кай. Изображение времен династии Мин.

Таким образом, прослеживается ассоциативная связь между мифологическими представлениями древних китайцев о внешнем виде некоторых божеств, легендарных правителей и элементом церемониального головного убора высокопоставленных особ.

¹ Текст на китайском языке: «有人珥两青蛇，乘两龙，名曰夏后开。开上三嫔于天，得《九辩》与《九歌》以下» («Шаньхайцзин», Пекин, 2009).

Украшение 充耳 ‘чунэр’, а также его синоним 穿 ‘тянь’ упоминаются в пяти текстах «Книги песен», а именно:

Отметим следующее:

- 1) во всех текстах, кроме 《君子偕老》 («С супругом вместе встретишь старость ты» (I, IV, 3)), 充耳 ‘чунэр’ – атрибут мужского костюма, а в этом произведении – женского. Мнения специалистов о трактовке песни разнятся:

¹ Нумерация песен и перевод А. А. Штукина приводятся в соответствии с изданием «Шицзин» 1987 г.

² В оригинале цвет подвески не алый, а белый.

раньше считалось, что в песне осуждается Сюань Цзян – жена правителя царства Вэй; современные исследователи полагают, что в ней описывается прекрасный вид знатной особы;

2) фразу “*褒如充耳*” буквально можно перевести как ‘величественны и надменны, словно чунэр’. Полагаем, что в данном контексте имеет место метонимия: надменны и величественны словно те, кто носят головные уборы с нефритовыми подвесками *充耳* ‘чунэр’. Более того, может возникать игра слов: перекликаются значения “подвески” и “затыкать уши” (т. е. абсолютное игнорирование просьб нуждающихся).

Анализ показал, что семантика и символика элемента головного убора *充耳* ‘чунэр’ многогранна: в древнем Китае нефритовые подвески являлись частью церемониального головного убора, символизировали высокий социальный статус его обладателя, а также отражали мифологические представления китайского народа.

И Сяо

МОДЕЛИ СОЕДИНЕНИЯ СМЫСЛОВЫХ КОМПОНЕНТОВ ИДЕОГРАММ ИМЕНУЮЩИХ АБСТРАКТНОЕ ПОНЯТИЕ КИТАЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Идеограммы китайской иероглифической письменности сформируются за тысячелетия как система знаков с имманентными принципами организации. она продолжает оставаться в фокусе междисциплинарных исследований, демонстрируя потенциал для научных исследований.

Материалом исследования послужили 82 идеограмм, именующих абстрактные понятия различного типа, отобранные путем сплошной выборки из словарей «*汉语大字典*» (Большой словарь китайских иероглифов) (Ч. Сюй, 2010) и «*说文解字*» (Объяснение простых и толкование сложных знаков) (Ш. Сюй, 2005). В результате анализа отобранных идеограмм нами выделены три семантические группы знаков, в каждой из которых определены структурно-семантические модели образования входящих в них идеограмм.

Китайские идеограммы, обозначающие различные абстрактные понятия, могут быть представлены в виде трех семантических категорий знаков: 1) идеограммы-абстракции, связанные с государством и обществом, составившие 73,1 % от общего числа отобранных идеограмм-абстракций, 2) идеограммы-абстракции, связанные с верованием, составившие 15,9 %, 3) идеограммы-абстракции различной эмоции и мышлений составившие 11,0 %. В каждой из выделенных нами семантических групп были выявлены модели соединения компонентов, составляющих каждую идеограмму.

Наибольшую долю среди идеограмм, обозначающих абстрактные понятия, составили идеограммы-абстракции, связанные с государством и обществом (73,1 %). идеограммы государственных и общественных понятий создаются в китайской письменности по 13 структурно-семантическим моделям.

Наиболее распространенная структурно-семантическая модель позволяет создавать идеограммы-абстракции государства и общества, путем объединения, с одной стороны, семантических компонентов, обозначающих человек или его часть, с другой стороны, семантический компонент со значением понятий, связанное с государством и обществом. Например, идеограмма 侯 ‘Хоу (второй из пяти рангов шанской и чжоуской аристократии)’ складывается из смысловых компонентов 亼 ‘человек’, 亼 ‘человек’, и 矢 ‘стрела’. Так как ранг Хоу – высокий уровень аристократии, и аристократы этого ранга владели территорией по границе и имели обязанности обороны.

Еще распространенная структурно-семантическая модель, по которой создаются идеограммы-абстракции государства и общества, это соединение смысловых компонентов, выражающих объекты для производства и бытия. Например, идеограмма 則 ‘закон, принцип’ имеет первоначальную форму написания 鼎, включая такие семантические конституенты, как 鼎 ‘емкость-треножник или четырехножник’ и 刂 ‘нож’. Смысловой компонент 鼎 ‘емкость-треножник или четырехножник’ в данной идеограмме символизирует обыкновение администрации древнего Китая, так как древние китайцы могли вырезывать текст закона для утверждения.

Не менее широкую по объему группу составили идеограммы, которые обозначают абстрактные понятия, связанные с верованием (15,9 % от общего числа идеограмм-абстракций). Идеограммы этой семантической категории знаков созданы по 7 семантическим моделям.

Наиболее распространенная модель позволяет образовать идеограмму-абстракцию, связанную с верованием путем редупликации семантических компонентов, выражающих понятий, связанных с государством и обществом, например, иероглиф 禮 ‘ритуал, этикет для уважения божеств и предков’ представляет собой идеограмму, куда включаются смысловые компоненты 灈 ‘алтарь’ и 豊 ‘посуда для жертвоприношения’. Письменный знак 灈 ‘алтарь’ в понимании древних китайцев может представлять собой инструмент для обозначения понятий, связанных с верованием и ритуалом [3; 6].

Наименьшую долю составили идеограммы, обозначающие абстракции различных эмоций и мышлений составившие (11,0 % от общего числа идеограмм, именующих абстрактные понятия). Идеограммы этого семантического типа создаются в китайской письменности согласно 6 структурно-семантическим моделям. Количественное распределение единиц, которые могут быть отнесены к той или иной модели.

Структурно-семантическая модель, по которой чаще образуются идеограммы – обозначения абстракций различных эмоций и мышлений в китайском языке, представляет собой редупликацию семантических компонентов,

выражающих значение человека или его частей. Например, идеограмма 色 ‘настроение; выражение лица’ образована в результате соединения смысловых компонентов 亼 ‘соглашавший человек’ и 巴 ‘человек на коленях’, комбинация разных позиций человека дало древним китайцам понятие «настроение; выражение лица».

Таким образом, анализ структурно-семантических моделей образования идеограмм, обозначающих абстрактные понятия различного типа в китайской письменности, показал, что графическое составление данных знаков обусловлено, прежде всего, включением в состав идеограмм семантических компонентов, которые выражают конкретные сущности, к которым логически могут быть отнесены описываемые идеограммами абстрактные понятия. Данными категориями предстают обозначения лиц (亼 ‘человек’, 大 ‘стоящий человек выгибаясь всем телом’, 女 ‘женщина’, 巴 ‘человек на коленях’) и объектов для государственных и общественных дел (示 (示) ‘алтарь’, 矢 ‘стрела’, 豊 ‘посуда для жертвоприношения’, 旤 ‘флаг’, 戈 ‘оружие’ и др.). Графемы, репрезентирующие эти категории модели мира, дополняются смысловыми компонентами, обозначающими важные для носителей китайского языка признаками, исторически связанными с целым рядом национально-культурных особенностей, широкая вариативность которых приводит к существованию большого разнообразия знакообразовательных моделей конструирования китайских идеограмм, описанных в данной работе.

М. С. Филимонова

РЕАЛИЗАЦИЯ ДУАЛЬНОЙ ПАРЫ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ ИНЬ-ЯН В СТРУКТУРЕ КИТАЙСКОЙ ЛОГОГРАММЫ

Основополагающей категорией китайской даосской философии является универсальная оппозиция инь и ян, основных категорий даосизма, которая также находит свое проявление в структуре китайской логограммы.

В электронных словарях «Словарь китайского языка» (汉语字典. <https://mzidian.qianp.com/pinzi.html>) и «Словарь Синьхуа» (新华字典. <https://zd.23gs.com/jiegou/xiasanbaowei/>) представлено 15 типов структуры логограмм, при этом надо учесть, что логограммы рассматриваются с точки зрения их современной стадии развития. Среди них логограммы, имеющие на данный момент простую структуру (1), относят к категории Ян, остальные, будучи сложными по структуре, относят к категории Инь.

1. Простая структура (单一结构): 乙, 才, 弟.

В сложных по структуре логограмма, категории Инь и Ян рассматриваются на уровне отнесенности их компонентов исходя из их расположения в логограмме.

2. Структура «сверху вниз» (上下结构): 宾, 箕, 撃, 字. Верхняя часть относится к Ян, нижняя часть – к Инь. Например, логограмма 字, в ней верхний компонент 亯 относится к Ян, нижний компонент 子 относится к Инь.

3. Структура «сверху, в середине, внизу» (上中下结构): 合, 茗, 意, 宴. Например, логограмма 宴, в ней верхний компонент 亯 относится к Ян, нижний компонент 晏 относится к Инь.

Данные структуры отражают расположение Неба и Земли, которые являются репрезентацией Ян и Инь, то есть непроявленного и проявленного Дао.

4. Структура «слева направо» (左右结构): 打, 冰, 吧, 休. Например, логограмма 休, в ней компонент 亼, находящийся слева, относится к Ян, компонент 木, находящийся справа, относится к Инь.

5. Структура «слева, в середине, справа» (左中右结构): 测, 例, 假, 湖. Например, логограмма 湖, в ней компонент 亯, находящийся слева, относится к Ян, компонент 胡, находящийся справа, относится к Инь.

Структуры данного типа отражают левостороннее расположение Ян и правостороннее Инь, как репрезентацию мифа о Пань Гу, в котором перед кончиной с его телом произошли огромные изменения: его левый глаз превратился в яркое золотое солнце (Солнце – это манифистация Ян), а правый – в серебристую луну (Луна – манифистация Инь).

6. Структура «охватывающая слева и сверху» (左上包围结构): 反, 厕, 厚.

7. Структура «охватывающая сверху с трех сторон» (上三包围结构): 风, 闻.

8. Структура «охватывающая слева с трех сторон» (左三包围结构): 区, 医.

9. Структура «охватывающая сверху и справа» (右上包围结构): 包, 或, 氢, 句.

10. Структура «охватывающая слева и снизу» (左下包围结构): 边, 迟, 还.

11. Структура «охватывающая снизу с трех сторон» (下三包围结构): 函, 画, 凶.

12. Структура «замкнутая в контур» / полностью охватывающая структура (全包围结构): 囚, 国, 园.

Во всех «опоясывающих» структурах, «опоясывающий» компонент относится к Ян, «опоясываемый» компонент, относится к Инь. Так в компонентах 厕 (структура 6), 闻 (структура 7), 医 (структура 8), 句 (структура 9), 边 (структура 10), 凶 (структура 11), 园 (структура 12) «опоясывающие» компоненты 厂, 门,匚,匚,匚,匚,匚,匚 относят к категории Ян, «опоясываемые» компоненты 刂, 耳, 夂, 口, 力, 水, 元 относят к категории Инь, репрезентируя такое свойство Ян как *внешнее и Инь как внутреннее, скрытое*.

13. «Мозаичная» структура (镶嵌结构): 水, 夹, 来. Для определения отнесенности компонентов логограмм данного типа структуры к категориям

Инь и Ян мы обратились к этимологии логограмм. Например, логограмма 夾. В письменах Цзягувэнь она передавала изображение отважного и благородного человека, рыцаря 大, к которому прильнуло 2 человечка (или он держит их на руках) 人 и 人. Соответственно компонент 大 является стержневым, «опоясывающим» и относится к категории Ян, отражая его *активность*, а два 人, отражая *зависимое, пассивное* положение, относятся к категории Инь (рисунок 1).

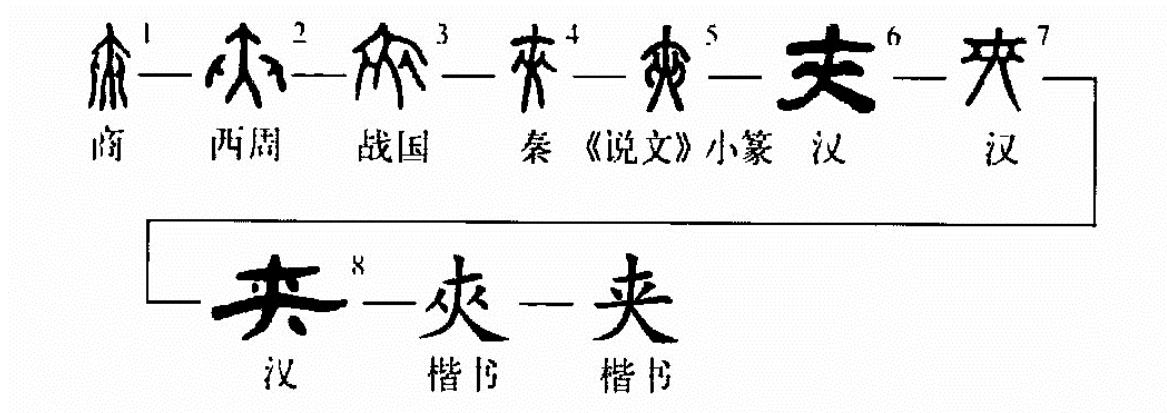

Рис. 1. Иероглиф 夾 в письменах Цзягувэнь и его эволюция

14. Структура «в форме трех графем “рот” / в форме трех квадратов» (品字结构): 森, 众, 壴. Для определения отнесенности компонентов логограмм данного типа структуры к Инь и Ян мы также обратились к этимологии логограмм. Например, логограмма 众. В письменах Цзягувэнь она передавала изображение 目, который навис над 丂, образуя структуру «сверху вниз» (上下结构). Вследствие чего компонент, находящийся в верхней части логограммы, а именно 目, относится к Ян, находящийся в нижней части логограммы 丂 – к Инь (рисунок 2).

Рис. 2. Иероглиф 众 в письменах Цзягувэнь

15. Структура «в форме графемы “поле” / в форме четырех квадратов» (田字结构): 積, 積, 積. Эти логограммы в каждом отдельном случае представляют собой либо структуры «слева направо» (например, 積, 積) либо «сверху вниз» (積), в результате два компонента сверху или слева относят к категории Ян, а два компонента снизу или справа относят к категории Инь.

Таким образом, мы видим, что реализация дуальной пары противоположностей инь-ян в структуре китайской логограммы происходит в соответствии с основными закономерностями реализации инь-ян в окружающем мироздании.

Круглый стол
«ИСПАНОЯЗЫЧНЫЙ ДИСКУРС: СЕМАНТИКА,
ПРАГМАТИКА, ПЕРЕВОД»

А. А. Боковец

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ПОПОЛНЕНИЯ
МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Современный молодежный сленг представляет собой динамичную и многослойную лексическую систему, формирование которой происходит за счет внутренних и внешних средств номинации. К внутренним средствам номинации относятся: морфемная и семантическая деривация, аналитическое словообразование; к внешним – заимствования. Как показал анализ выборки фактического материала, наиболее продуктивными способами образования сленгизмов в испанском языке является семантическая деривация (39%), на втором месте находится аффиксация (25 %), а далее следуют заимствования (18 %) и аббревиация (18 %). Русскоязычные сленгизмы пополняются главным образом за счет заимствований (31 %) и аффиксации (30 %), далее располагаются аббревиация (22 %) и семантическая деривация (17 %). В данной работе в сопоставительном аспекте мы рассмотрим лексико-семантические способы пополнения испано- и русскоязычного молодежного сленга, среди которых семантическая деривация и заимствования представляют крайние перекрестные точки на шкале продуктивности.

В испаноязычном молодежном сленге семантическая деривация является самым продуктивным способом (39 %), реализуется на основе метафорического переосмыслиния (функциональное сходство, внешний признак) уже имеющихся лексических единиц. Например, слова *boquerón* ‘анчоус’, *tiburón* ‘акула’ развивают антонимичные значения: *boquerón* обозначает парня, который никогда не целовался в губы, в то время как *tiburón* делает это с уверенностью акулы. Слово *abeja* ‘пчела’ в молодежном сленге используется для именования надоедливого, навязчивого человека. Числительное *veinticuatro*, обозначающее формат ‘24/7’, реализует значение ‘постоянного действия или вовлеченности’: *Estoy veinticuatro* *con esto* – ‘Я все время этим занят’. Существительное *carencias*, обозначающее ‘недостатки’ или ‘нехватку чего-либо’, выражает пренебрежительное именование глупого, недалекого человека, например, *Ese tío es una carencia total* – ‘Этот парень – полный недоумок’. Еще одним примером является глагол *me renta*, который функционирует в молодежном сленге со значением ‘мне нравится/мне подходит’: *¿Estos zapatos? No me renta*. ‘Эти ботинки? Мне не нравятся’.

Метафора традиционно считается ярким экспрессивным средством образования новых значений. Пользователи молодежного сленга активно трансформируют значения существующих слов в поиске емких и выразительных номинаций.

Для пополнения русскоязычного молодежного сленга семантическая деривация востребована значительно меньше (17 %), тем не менее, представляется важным, что происходит она по метафорическим и метонимическим моделям с множественными явлениями генерализации и специализации. Более всего к этому расположены глаголы, однако, как показывает анализ нашего материала, имена существительные также могут выражать ситуацию, особенно если употребляются в функции предикатива и эксплицируют субъективную оценку говорящего. Например, слово *пушка* в речи молодых людей приобретает оценочное значение ('что-то классное, крутое'): *Ты обязательно должен попробовать пирог моей мамы, это просто пушка.* Можно предположить, что данное значение развивается на основе метафорического переноса, как и сленговое значение слова *рак*: *Женя ничего не умеет, сколько его не учи, все равно рак.* Речь идет о неумелом человеке, неспособном играть в компьютерные игры, как будто у него клешни вместо рук.

Еще одним интересным примером является слово *шляпа*, функционирующее в молодежном сленге со значением 'ерунда, ненужная вещь или что-либо низкого качества': *Зачем ты купил себе эти очки, они же полная шляпа.* В словаре С. И. Ожегова, в Толковом словаре русского языка Т. Ф. Ефремовой, помимо значения 'головной убор', указывается разговорный вариант, который обозначает вялого, безынициативного человека, растяпу. Думается, это значение могло развиться на основе метонимического переноса исходного значения. В настоящий момент в молодежной среде данное слово развивает новый семантический оттенок и характеризует не человека, а феномены окружающей действительности.

В примере *Родители Кати – бумеры, потому что не отпустили ее на вечеринку*, слово *бумер* обозначает людей старше 40 лет, которые не хотят воспринимать современные реалии, и поэтому бурно или резко реагируют на ситуацию. Данное слово имеет также значение 'машина марки БМВ'. Однако, *бумер* – 'машина' и *бумер* – 'человек', скорее всего, являются омонимами. Семантическая связь прослеживается между словами *бум* (период подъема, чрезмерное оживление, ажиотаж) и поколение *беби-бумеров*, которая вновь актуализировалась в современном молодежном сленге.

Следующие примеры употребления сленгизмов-глаголов демонстрируют расширение значения на основе метафорического переноса: *Из-за замены физкультуры Паша стал бомбить* (т.е. сильно злиться от происходящего, даже с криком и жестами). *Влад недавно запил фото в Инстаграмм* (т.е. опубликовал фото в Интернете). *Учитель нам рассказал анекдот, всем классом орали* (т.е. сильно смеялись).

Как видно из приведенных примеров, соотношения между значениями слов очень разнообразны, их трудно подвести под более или менее устойчивые формулы. Даже такой поверхностный анализ позволяет отметить некоторую семантическую размытость или диффузность сленговых единиц, они стремительно возникают, функционируют относительно небольшой период времени и не всегда успевают лексикализоваться.

Повсеместное проникновение английского языка в речь представителей различных слоев социума в значительной степени затронуло и молодежный сленг. Заимствование является доминантным способом пополнения русскоязычного сленга – 31 %, а в испанском составляет только 18 % (вероятно, это можно объяснить существующей тенденцией пуритана).

В речи молодежи широко используются следующие лексемы: *краш* ‘платоническая любовь’, *фейк* ‘ложь’, *рофл* ‘шутка или прикол’, *кринж* ‘отвращения от увиденного или услышанного’, *мерч* ‘одежда, выпущенная публичным человеком’, *изи* ‘легко’, *муд* ‘настроение’, *буллинг* ‘травля и осуждение человека по любому поводу’, *пруфы* ‘доказательства’, *вайб* ‘возникающая при каких-либо обстоятельствах’. Примечательно, что после проникновения в социолект молодежи англицизмы закрепляют одно узкое сленговое значение и не наследуют характерную им в общелитературном английском языке полисемию: *мув* – инициатива, *флексить* – танцевать. В нашей выборке отмечено небольшое количество лексических единиц, которые формируют дополнительное лексическое значение, характерное для русскоязычного молодежного сленга: *имбовый*: 1) мощный, 2) крутой, модный; *флексить*: 1) танцевать, 2) хвастаться; *апнуть*: 1) повысить уровень игры, 2) повысить свой статус. Таким образом, можно заключить, что употребляются заимствования двух видов. Слова, которые сохраняют звуковую оболочку и функционируют с исходным значением (*трабл*, *краш*, *кринж*), и слова, которые приспособились к грамматической системе русского языка, спрягаются и склоняются по соответствующим парадигмам (*юзать*, *ливнуть*, *трушино*).

В испаноязычном молодежном сленге зафиксированы следующие лексические единицы: *fail* ‘провал’, *random* ‘случайный’, *ser heavy* ‘жесть’, *estar living* ‘быть живой’, *estar a full* ‘быть на максимум’, *worth* ‘стоить’, *mordor* ‘далекое место’, *LOL* ‘смешно’, *crush* ‘платоническая любовь’. Например, *Estoy living, tía. Tú si que eres heavy.* ‘Я чувствую себя живой, подруга. Ты жесткая’.

Пополняя молодежную речь, англицизмы претерпевают фонетическую и грамматическую адаптацию. В качестве примеров фонетической адаптации приведем такие слова, как *letzguere*, *cringe*, *yass*, *ser un crack*, испаноязычный фонетический облик которых частично закрепляется в орфографии, но при устном употреблении проявляется намного ярче. Например, слова *cringe* и *crack* произносятся в соответствии с правилами чтения испанского языка: |krinxe| и |krak|, т.е. звуки |dʒ| и |æ|, уподобляются испанским |x| и |a|. Например, *Maradona – el crack argentino que va a estar en Barcelona.* ‘Марадона – это аргентинский красавчик, который будет в Барселоне’.

Изложенное выше позволяет заключить, что лексико-семантические способы пополнения испаноязычного и русскоязычного молодежного сленга являются важным инструментом развития данного социолекта. Интенсивное проникновение англицизмов объясняется процессами вовлеченности моло-

дажи в поликультурное пространство с американской и англо-саксонской доминантой. Освоение одинаковых англоязычных вхождений происходит по фонетическим и грамматическим законам принимающего языка.

О. А. Кулик

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕКСИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ АРГЕНТИНСКОГО ДИАЛЕКТА “RIOPLATENSE”

Положение Аргентины как быстро развивающейся страны, активно взаимодействующей с другими государствами всего мира в сферах науки, торговли, технологий и общественной жизни обуславливает интерес к вопросу об изучении особенностей испанского языка, используемого на ее территориях.

Зарождение, формирование и закрепление норм современного аргентинского «риоплатенсе» происходило под влиянием совокупности политических, социально-экономических и этнокультурных условий в процессе становления молодого латиноамериканского государства, а далее – гражданского строительства и модернизации страны. Для понимания внутрилингвистических процессов необходимо рассматривать их в контексте исторических этапов. Ниже отметим ключевые факторы, способствовавшие укреплению статуса риоплатского диалекта.

Формирование первого государства (1810 г.) и провозглашение Независимости Аргентины (1816 г.) стало важной вехой для формирования «риоплатенсе». Успех в создании единого государства опосредовал не только главенство местного законодательства, но также и утвердил единую общую культуру и один язык. Дух гражданского и промышленного строительства, экономического развития и политической эмансипации молодого латиноамериканского государства нашел свое отражение в идеологии самоосознания интеллектуальной элиты, которая предложила распространить независимость на аргентинскую культуру и локальный язык.

Далее определяющими в лингвистической среде становятся два фактора: первый – волны иммигрантов из Италии и Франции вызывают активный экспорт итальянцев и галицизмов, а также предпочтение франкоязычной культуры аргентинской испаноязычной элитой; второй – демографический рост, всеобщее для мужчин избирательное право и разрешение политических партий. Параллельно с ростом населения происходит развитие промышленности и повышение регионального политического и экономического статуса Буэнос-Айреса.

Для понимания масштабности влияния мигрантских волн приведем свидетельства Фонтанелла де Вайнберг, отмечающего, что в начале XX века половина мужского населения Аргентины возраста от 15 до 50 лет была

рождена в Италии. Итальянцы по отношению к всему населению страны составляли 32,5 %, в то время как испанцы – всего 9 %. Существовавшая поговорка «итальянские руки и английский капитал» отражала текущее положение дел в Аргентине и вызывала беспокойство руководства страны. Как ответная реакция для выравнивания культурного и лингвистического поля приходит ряд интеллектуальных правительств с задачей устраниć неграмотность путем введения всеобщего светского обязательного и бесплатного образования. Это позволило размыть границы между национальными отличиями и повысить национальное самоосознание и единство аргентинской нации. За 30 лет успешной образовательной и языковой политики сформировано гражданское общество с культурой потребления в качестве информационных продуктов газет, книг, журналов, театра. Также создано бесплатное и автономное университетское образование, выпускники которого начинают оказывать влияние на культурное движение и социальные нормы в среде потомков иммигрантов (Баральдо Дель Серро, 2015).

Так, Беатрис Сарло описывает выделяет три характеристики аргентинца той эпохи: образованный; исполняющий свои гражданские права; участвующий в государственной или общественной деятельности. Такое социальное поведение наделяло привилегиями местных граждан перед прибывающими мигрантами, в большей массе малообразованными, которые стремились активно влиться в общество, для чего было необходимо освоение государственного языка.

Влияние иностранных языков всегда являлось определяющим фактором в построении лингвистической панорамы Аргентины в ее любой исторический период. Поэтому кодификация языковой нормы в Аргентине характеризовалась быстрой перехода неологизмов, заимствований и семантических переносов из обиходной речи и мигрантских языков и дальнейшим их закреплением в официально-деловой и литературной нормах через газеты, прозу, поэзию, театр. В конце XIX века появляются словари аргентинизмов, когда риоплатский диалект начинает осознаваться лингвистами как национальный язык. Блестящая плеяда мировых аргентинских писателей также внесла свою лепту в фиксацию языковых норм и их признании международным научным сообществом. Также следует отметить также влияние, СМИ, литературы, соцсетей. Значимым стал обширный пласт заимствований англизмов вследствие интеграции Аргентины в мировые хозяйствственные и культурные отношения (Баральдо Дель Серро, 2015).

«Риоплатенсе» в сравнении с иберийским испанским демонстрирует богатство и разнообразие лексики, идиоматики, семантических и морфосинтаксических изменений, собственный колорит и культурные традиции ее употребления, раскрывающие характер аргентинского народа. Перечислим основные, наиболее типичные фонетические, лексические и синтаксические особенности «риоплатенсе».

Фонетические особенности – «жеизмо» – *calle, llama, playa* [каže, ѡама, плаза]. Как и во всей Латинской Америке в Аргентине не дифференцируются зубной и межзубный [s] и [θ]: *casa* и *caza* звучат одинаково через [s].

Визитной карточкой аргентинского испанского является «восео» – замена второго лица единственного числа *tú* на *vos*, употребление которого в Испании исторически прекратилось. *Vos llamas, vos llamais* – «ты зовешь». *Vosotros* заменяется на *Ustedes*, притяжательные местоимения используются с наречиями места – *cerca mío, delante suyo* вместо *cerca de mí, delante de el*. Неопределенное местоимение *algotro* наряду с *otro* – «другой». Местоимение *cuala* «которая». Предпочтительное использование *que* вместо *quien, quienes, cual, cuales* иберийской нормы. Вместо иберийского восклицания-обращения *hijo mío* встречаем *mi hijo* (Т. Р. Писарская, 2016).

Существительные в Аргентине, заканчивающиеся на *-e* приобретают мужской род: *el costumbre, el hambre, el atenuante*. Также встречаются *la puente, la calor, el radio, la reuma, la clima* – (вместо *el puente, el calor, la radio, el reuma, el clima*). Под влиянием языка кечуа многие слова мужского рода на *-ón* меняют окончания на *-na*, переходя в женский род: *acordeona, cucharona, bordona* – «аккордеон», «ложка», «часть гитары» (от *acordeón, cucharón, bordón*).

Семантические процессы в «риоплатском» диалекте отмечаются часто сужением, расширением или смещением значения (Т. Р. Писарская, 2016).

Сужение значения: так, в Испании *consulta* обозначает как врачебный осмотр, так и сам кабинет, в аргентинском варианте – второе значение утрачено, вместо него используется *consultorio*. В Испании *judía* обозначает женщину еврейской национальности, а также стручковую фасоль – в «риоплатском» диалекте второе значение не используется. Также в *piso* – упразднилось значение «квартира», при этом «пол» и «этаж», общие для обоих языков, сохраняются.

Расширение значения: *zarpase* – в Испании это отплывать (о корабле), в Аргентине появляется расширенный смысл «перейти границы допустимого». Отсюда и *zarpado* – наглец. *La factura* в «риоплатском», помимо документа на получателя, обозначает разнообразную закуску.

Смещение значения – *rama* («ветвь») – «палата Парламента»; *trabajoso* (трудоемкий) – «раздражительный, нелюбезный человек».

В риоплатском диалекте мы наблюдаем обширный пласт лексики, заимствованной из других языков, или которая в Испании устарела, а в Аргентине продолжают существовать: *cazadora* – *campera* («куртка»), *tenis* – *sapatillas* («кроссовки»), *falda* – *pollera* («юбка»), *gafas* – *anteojos* («очки»). Обширная категория лексики отличается от кастильского варианта: *piscina* – *pileta* («бассейн»), *calabaza* – *zapallo* («тыква»), *guisante* – *arveja* («горошек»), *lavadora* – *lavarropas* («стиральная машина»), *frigorífico* – *heladera* («холодильник»), *aguacate* – *palta* («авокадо»), *nectarina* – *pelón* («нектарин»).

Ряд лексем получают специфическую коннотацию в разговорной речи: *salado* (соленый) – «очень дорогой, трудно достижимый», *amargo* (горький) – «не имеющий стремления, человек без энтузиазма» (Т. Р. Писарская, 2016).

Современный аргентинский испанский «риоплатенсе», признанный международным ученым сообществом, с устоявшимися языковыми нормами и позиционирующий себя как легитимный Латиноамериканский вариант испанского языка, сохраняет сложившиеся в ходе исторических процессов культурные и лингвистические накопления и продолжает, пусть и не столь активно, как ранее, политику языкового прагматизма и ассимиляции, большей части в области лексем, а также локально и фонетических элементов в зонах влияния иностранных субстратов и приграничных и индейских языков, во многом благодаря влиянию СМИ, научно-техническим, торгово-экономическим и культурным связям, моде, интернету и социальным сетям.

Е. А. Кучугурная

КОНТАМИНАЦИЯ В ТЕКСТАХ ИСПАНОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Под **контаминацией** в лингвистике понимается возникновение нового выражения, слова или формы путем объединения элементов двух языковых единиц, чем-либо схожих (С. И. Ожегов). Контаминация проявляется на различных уровнях языковой системы и осуществляется двумя основными способами – наложением или скрещиванием. «Основным условием наложения является наличие у контаминируемых единиц совпадающего компонента / компонентов. Скрещивание представляет собой замену структурного компонента одной единицы компонентом другой на основании их структурного подобия или тождества и семантической, ассоциативной или функциональной близости» (Л. Г. Ефанова). Наиболее часто контаминация проявляется в разговорном, рекламном и медиадискурсе.

В данном исследовании мы обратились к изучению особенностей реализации контаминации в испаноязычном дискурсе СМИ.

Проведенный анализ показал, что два вышеописанных способа контаминации, а именно наложение и скрещивание, равномерно представлены в исследуемом типе дискурса. Обратимся к более детальному рассмотрению каждого из способов.

В подавляющем большинстве случаев наложение затрагивает функционирование предлогов, употребление которых является обязательным и фиксированным для ряда испанских глаголов и адвербиальных сочетаний. Как правило, речь идет о контаминации синонимичных либо близких по значению языковых единиц, например, *Los calambres son distensiones o desgarres musculares ocasionados por la falta de preparación de los músculos para el ejercicio, situación que conlleva a una disminución de la oxigenación* («Эспасмос мускуларес». El Nacional. Todo en domingo. Caracas: elnacional.com, 2001-09-23). В приведенном фрагменте глагол *conllevar* сочетается с предло-

гом *a*, что, очевидно, является следствием контаминации с близким по значению глаголом *llevar a*. В нормативном употреблении *conllevar* является переходным глаголом и требует употребления прямого дополнения без предлога, тогда как глагол *llevar* требует косвенного дополнения с предлогом *a*.

Часто смешение предлогов происходит в случаях, когда одно и то же значение может быть выражено как синтетически (глаголом), так и аналитически (глагольной конструкцией), например, *<...> a Dania Fleites no le interesa entregarlos el bien o el mal como principios separados y abstractos, sino enfatizar en los caminos o puentes que los comunican <...>* (Chávez Armenteros, Lázaro: «Dania Fleites y su obra de restauración sociocultural». Revista Hispano Cubana. Madrid: guillermogortazar.es, 2001). Непереходный глагол *enfatizar* в данном примере употребляется с предлогом *en*, заимствованным из синонимичной аналитической конструкции *poner énfasis en*.

Если в вышеописанных случаях контаминации подвергаются два близких по значению глагола, то в следующем примере наблюдаем случай контаминации антонимичных глаголов: *El Departamento del Tesoro se ha retrasado porque aparentemente desconfía en la realidad de la situación de Puerto Rico y en que tenga la capacidad para garantizar el pago* (Saldaña, José M.: «Inviabile Puerto Rico como colonia». El Vocero. San Juan: elvocero.com, 2017-12-28). Глагол *desconfiar*, употребляемый нормативно с предлогом *de*, в данном примере сочетается с *en*, заимствованным от глагола *confiar en*.

В текстах испаноязычных СМИ контаминация фиксируется не только на уровне глаголов, но и адвербальных сочетаний. Так, довольно часто наблюдается наложение двух синонимичных сочетаний *con relación a* и *en relación con*, результатом которого является высокочастотное сочетание *en relación a* (около 7 000 случаев не только в дискурсе СМИ, зафиксированных в Корпусе современного испанского языка), что позволяет говорить о тенденции к созданию новой нормы. Весьма частотной является и контаминация сочетаний *frente a* и *enfrente de*, дающая сочетание *enfrente a*.

Помимо вышеописанных, в испаноязычном дискурсе СМИ нами были зафиксированы случаи синтаксической контаминации: *Baxter sacó dializadores del «mismo lote de los que parecen que tiene algún problema»* («Villalobos culpa a Baxter de la ausencia de alerta sanitaria al comenzar la crisis de la hemodiálisis». ABC. Madrid: abc.es, 2001-09-07). В приведенном примере конструкция *parecen tener* накладывается на конструкцию *parece que tienen*, что приводит к нарушению синтаксических норм испанского языка.

Как и в ситуации с наложением, скрещивание затрагивает преимущественно функционирование предлогов в сочетании с глаголами и в составе адвербальных сочетаний. При этом предложное скрещивание, в отличие от наложения, как и скрещивание в целом, в большей степени свойственно адвербальным сочетаниям, например: *Pero en veces se nos olvida, se nos olvida a todos los compañeros <...>* (Carrasco, Horacio: «Piden mercados populares cancelación de multas a Hacienda estatal». El Diario. Ciudad Juárez: diario.mx, 2013-04-22), где *a veces* скрещивается с *en (algunas) ocasiones*.

Аналогичный пример скрещивания адвербальных конструкций на основе их семантической близости наблюдаем в следующем фрагменте: *Las entrevistas a profundidad son una técnica cualitativa de recolección de datos que consiste en una conversación individual entre el investigador y el entrevistado <...>* (QuestionPro: «¿Qué son las entrevistas a profundidad?» questionpro.com, 2024). В приведенном примере сочетание *en profundidad* скрещивается с синонимичным *a fondo*.

Помимо адвербальных конструкций скрещивание затрагивает и глаголы, например, *indicar + apuntar a = indicar a*: *Estos trabajos parecen indicar a que dividir la actividad física también es una opción para aquellos que no sean capaces de sacar media hora continua <...>* («EJERCICIO FÍSICO. ¿Cuánto tiempo de ejercicio hace falta para contrarrestar estar un día entero sentados?». El País. BuenaVida. Madrid: elpais.com, 2019-02-01); *requerir + necesitar de = requerir de*: *Tal vez los futuros contrincantes de Ruiz empezarán a requerir de los organismos avaladores que tomen medidas para ponerle coto a esta situación* (Fernández, Gerardo: «Nocaut». Primera Hora. Guaynabo: primerahora.com, 2002-08-01); *inscribirse en + apuntarse a = inscribirse a*: *Así mismo, deben inscribirse a dicho régimen las personas naturales que presten servicios gravados, cuando hayan obtenido en el año inmediatamente anterior* («Trámites para la inscripción en el régimen simplificado». El Tiempo. Bogotá: eltiempo.com, 2001-02-25).

Контаминации в испаноязычном дискурсе СМИ подвергается не только употребление предлогов. Так, нами были зафиксированы скрещивания таких адвербальных конструкций, как *a la vez* и *al mismo tiempo*, в результате чего в сочетание *a la vez* добавляется местоимение *mismo*: *Ni Ceuta ni Melilla: esta es la única ciudad española que pertenece a Europa y a África a la misma vez* (El Economista: «Ni Ceuta ni Melilla: esta es la única ciudad española que pertenece a Europa y a África a la misma vez». eleconomista.es, 2024-03-21).

Скрещивание близких по значению сочетаний часто приводит к созданию семантически избыточных конструкций, например: *Hace un año atrás obtuvo una pequeña variación respecto a las parlamentarias del 97 <...>* (Passig, Paola: «"El Congreso se tiene que ir a Santiago"». El Mercurio de Valparaíso. Valparaíso: mercuriovalpo.cl, 2001-07-15). В данном примере выражение *hace un año* скрещивается с *un año atrás*, что, возможно, происходит по аналогии с другим сочетанием *días atrás*. Аналогичная ситуация наблюдается в следующем контексте: *Ya hemos iniciado la investigación y hasta ahora no tenemos una información completa, pero dentro de pronto vamos a presentar un informe <...>* («Investigan si existe monopolio en comercialización de leche fluida». La Tribuna). В приведенном примере *dentro de poco* скрещивается с *pronto* на основе семантической близости данных выражений, создавая семантическую избыточность.

Таким образом, на основании проведенного анализа можно утверждать, что контаминация является довольно распространенным явлением в дискурсе СМИ. Безусловно, порождаемые в результате контаминации единицы являются

тся нарушением языковой и речевой нормы. При этом, однако, высокая частотность употребления отдельных единиц позволяет прогнозировать возникновение новой нормы, по крайней мере, в рамках рассматриваемой дискурсивной сферы.

О. А. Пушкина

АНГЛИЦИЗМЫ В МОЛОДЕЖНОМ СЛЕНГЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

В последние десятилетия глобализация и цифровая коммуникация оказывают существенное влияние на лексическую систему многих языков, включая испанский. Особенно заметны данные изменения в молодежной речи, которая отличается высокой динамичностью, открытостью к заимствованиям и тягой к инновациям. Одним из наиболее заметных массовых источников заимствований в испанском молодежном сленге является английский язык.

Использование англицизмов обусловлено не только техническим прогрессом и влиянием англоязычной массовой культуры, но и социальной мотивацией, а именно потребностью молодежи выделиться, идентифицировать себя с определенной культурной группой, выразить ироничное или эмоциональное отношение. Несмотря на кажущуюся стихийность процесса заимствования, англицизмы не входят в молодежный сленг случайным образом. Напротив, их распределение по сферам употребления отражает реальные интересы, коммуникативные нужды, а также культурные ориентиры испанской молодежи. Внутри сленговой лексики можно выделить несколько основных тематических групп англицизмов, каждая из которых служит определенным функционально-коммуникативным целям. Остановимся подробнее на данных группах.

Наиболее широко представленной является лексическая группа, связанная с цифровыми технологиями и интернет-культурой. Молодежь, являясь основным пользователем социальных сетей, онлайн-платформ и цифровых сервисов, активно заимствует термины из английского языка для обозначения новых реалий, часто не имеющих традиционного аналога в испанском. Так, например, *memes*, *selfi*, *stalkear* прочно вошли в лексикон испанской молодежи. Употребление данных слов отражает не только новую цифровую повседневность, но и причастность испанской молодежи к глобальной англоязычной культуре. В данной группе англицизмы выполняют преимущественно номинативную функцию, обозначая понятия, связанные с цифровой и сетевой реальностью.

Следующим значимым тематическим кластером являются англицизмы, используемые для выражения эмоций и субъективной оценки действительности. В данном случае наблюдается преимущественно экспрессивное и эмотивное использование слов английского происхождения, которые часто

воспринимаются как более модные или выразительные по сравнению с их испанскими эквивалентами. Так, англизм *crush* используется для обозначения объекта романтического интереса или влюбленности; *blessed* соотносится с чувством радости, удовлетворения или удачи; *living* употребляется для выражения эмоционального подъема и восторга. Данные слова прочно вошли в повседневный лексикон испанской молодежи и часто используются в социальных сетях, мемах и устной речи для краткой и эффектной передачи эмоционального состояния. Характерной чертой подобных выражений является их частое употребление без перевода, в оригинальной графике и с англизированной фонетикой.

Отдельную группу в испанском молодежном сленге представляют англизмы, связанные с социальной идентичностью и культурной принадлежностью. Сюда относятся прежде всего наименования субкультурных групп, например, *belieber* ‘поклонник Джастина Бибера и его альбома *Believe*'; *directioner* ‘поклонник группы *One Direction*', а также, например, лексема *hater*, которая используется для обозначения человека, проявляющего открытое негативное отношение или неприязнь к определенному человеку, группе людей, их идеям или творчеству. Использование подобных лексем выполняет социально-маркирующую функцию, так как с их помощью говорящий выражает свою позицию, симпатии, а также демонстрирует знание определенного культурного контекста. Кроме того, данные англизмы могут использоваться с целью выражения иронии, когда их адресант преследует цель дистанцироваться от потребления того или иного культурного продукта и подчеркивает свое ироничное отношение к «массовому» или «модному».

Не менее продуктивной является и группа англизмов, связанная с модой, внешностью и визуальной самопрезентацией. В данной области функционируют такие термины, как *outfit*, *look*, *goals*, которые активно используются в Instagram, TikTok и других визуально-ориентированных медиаплатформах. Например, *goals* используется для обозначения идеального образа или цели: *esa pareja es goals*; *ese cuerpo es goals*. Подобные выражения не только формируют визуальные ориентиры, но и укрепляют социолингвистическое единство молодежной аудитории, вовлеченной в «глобальный» визуальный дискурс.

Таким образом, тематическая структура англизмов в молодежном сленге испанского языка демонстрирует их функционально мотивированное распределение. Заимствованные из английского языка лексемы укореняются в сферах, которые являются ключевыми для молодежной субкультуры: цифровая коммуникация, эмоциональная экспрессия, самоидентификация, визуальная эстетика. Данное обстоятельство позволяет говорить о высоком уровне системности в заимствованиях и о сознательной языковой практике, при которой английские элементы не только заполняют лексические лакуны, но и выполняют важные прагматико-культурные функции.

СТРУКТУРНЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ СМЕШАННОЙ МОДЕЛИ
СЛОЖНОГО ДИАЛОГИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА
В РАЗГОВОРНОМ ИСПАНОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ

На сегодняшний день одним из наименее исследованных явлений диалогической речи является так называемое сложное диалогическое единство (далее – ДЕ), которое включает три и более реплики. Цель данного исследования заключается в определении структурных подтипов смешанной структуры сложных ДЕ в испанском разговорном диалоге. В рамках работы было проанализировано 200 примеров сложных диалогических единств в испанском разговорном дискурсе.

Исследованием сложных диалогических единств занимались многие исследователи. В результате анализа сложных ДЕ исследователи выделили несколько типов связей (одно- и двусторонние, ДЕ с «однонаправленной» и параллельной связью, ДЕ с прямой и дистантной связью, а также ДЕ с одно- и двунаправленной связью) и различные структурные типы сложных ДЕ (бинарные и цепочечные, а также «многочастные модели ДЕ»). Однако наиболее полной считается классификация структурных типов ДЕ, предложенная О. Н. Чаловой (О. Н. Чалова, 2013) и О. Беренгер (О. Беренгер, 1994), которые выделяют бинарные (смежные пары иллокутивно согласующихся реплик), прерывающиеся (одна пара иллокутивно согласующихся реплик «прерывает» другую), цепочечные (реплика выполняет функции речевого стимула и речевой реакции), а также усложненные и смешанные структуры.

Смешанная структурная модель организации ДЕ включает элементы различных типов структур. В данной работе мы анализируем ДЕ со смешанной структурой, поскольку этот тип характеризуется внутренней неоднородностью и высокой распространенностью. Эти факторы подчеркивают важность исследования данного структурного типа.

В результате исследования были выявлены две разновидности смешанной структуры: а) в одну структуру включается, «вклинивается» другая б) Одна структура следует за другой, т. е. представляет собой последовательное сочетание структур.

Примером структуры со включением является следующее ДЕ:

(1) A: *¿Usted entonces no se queda otro rato con nosotros?* 'Вы тогда не останетесь с нами еще немного'

(2) B: *¿Eh?* 'Э?'

(3) A: *¿No se queda con nosotros un poco más?* 'Вы не останетесь с нами чуть дольше?'

(4) B: *No, no. Ya no.* 'Нет, нет. Я не могу.'

(5) A: *¿Ya no? ¿Por qué? Porque es la hora de comer.* 'Уже не можете? Почему? Потому что время обеда.'

(6) *B: Sí, ¿qué hora es? ¿Ya serán las dos? ¿No? 'Да, сколько сейчас времени? Уже два? Нет?'*

(7) *A: No, faltan veinte minutos. 'Нет, еще двадцать минут.'*

(8) *B: No, pues ya tengo que preparar la comida. Ya no, lo siento, lo siento, pero ya no puedo. 'Нет, мне уже нужно готовить еду. Извините, но я не могу.'*

(9) *A: ¿Ya no se puede quedar? 'Вы действительно не можете остаться?'*

(10) *B: No, ya no me quedo. 'Нет, я не останусь.'*

(11) *A: ¿Y su compañera y su amiga? A lo mejor... 'А ваша коллега и подруга? Может быть...'*

(12) *B: No, su amiga también, esa es más nueva que yo todavía, ya no. No sabe tantas cosas. 'Нет, ее подруга тоже, она еще новенькая, она не знает столько вещей.'*

В данном примере мы видим, что в бинарную структуру (фрагмент 1–2, и 3–4, 9–12) «встроилась» прерывающаяся структура ДЕ (фрагмент 5–8). В виде схемы мы может представить данный тип смешанной структуры следующим образом: «вопрос – переспрос – вопрос – ответ – вопрос – ответ. вопрос – ответ – ответ – вопрос – ответ – вопрос – завершающая реакция»

Последовательная структура представлена в следующем примере:

(1) *A. ¿Y qué huele tan rico? ¿Es una sopa? 'А чем так вкусно пахнет? Супом каким-то'*

(2) *B. ¿Huele mal? 'Невкусно пахнет?'*

(3) *A. No, ¿por qué? ¡Huele bien! 'Да нет, почему, вкусно!'*

(4) *B. No es sopa, es un guiso. 'Это не суп, это жаркое!'*

(5) *A. ¿Guiso? 'Жаркое?'*

(6) *B. Sí, un guiso de carne con verduras. 'Жаркое. Мясное жаркое с овощами.'*

В этом примере представлена комбинация прерывающейся структуры с цепочечной структурой ДЕ. Схема данного ДЕ выглядит следующим образом: «основной вопрос – вспомогательный вопрос – ответ на вспомогательный вопрос – ответ на основной вопрос – переспрос – ответ». Таким образом, фрагмент 1–4 представляет собой прерывающуюся структуру, а фрагмент 5–6 – цепочечную структуру.

В каждой категории смешанной структуры сложных организационных единиц можно выделить подтипы. В первой категории смешанной структуры могут сочетаться различные структурные типы: например, цепочечная структура может быть встроена в бинарную, бинарная – в цепочечную, а также прерывающаяся структура может «встраиваться» в бинарную. Во второй категории смешанной структуры, где структурные типы располагаются последовательно, возможно комбинирование различных типов на разных позициях. В наиболее часто встречающихся примерах выделяются следую-

щие подтипы: а) после цепочечной структуры следует бинарная; б) после бинарной – цепочечная; в) после прерывающейся – бинарная; г) все три структурных типа могут сочетаться между собой.

В результате проведенного анализа было выявлено, что диалогические единицы со смешанной структурой в испаноязычном разговорном дискурсе различаются как по количеству реплик (от 5 до 13), так и по своим структурным характеристикам. В зависимости от расположения компонентов можно выделить модели с последовательным расположением или с встраиванием одной схемы в другую. В разговорной речи возможно сочетание различных структурных типов, однако наиболее распространены структуры с последовательным расположением. Обнаруженные подтипы сложных дискурсивных единиц характерны именно для разговорного дискурса и связаны с такими особенностями разговорной речи, как спонтанность, неподготовленность и быстрая смена коммуникативных ролей.

Т. Э. Цыбулева

ОБИХОДНЫЙ ДИСКУРС В КОНТЕКСТЕ ОБУЧЕНИЯ ИСПАНСКОМУ ЯЗЫКУ

Обучение иностранному языку как средству общения в контексте диалога культур требует не только формирования грамматических, лексических и фонетических навыков и развития речевых умений, но и понимания национально-специфических особенностей речевого поведения, характерных для носителей языка. Обучение испанскому языку как второму иностранному традиционно направлено на формирование коммуникативной компетенции в ситуациях повседневного бытового общения, представляющих собой сферу реализации обиходного дискурса.

Одной из основных характеристик испаноязычного обиходного дискурса является его высокая экспрессивность, которая проявляется, как отмечает Федосова О. В., в использовании наряду со стилистически нейтральной лексикой повседневного употребления, образующей ядро словаря обиходного дискурса, большого количества разговорных экспрессивно-окрашенных лексических единиц (Федосова О. В., 2012). При этом следует отметить, что при изучении испанского языка на начальном этапе основное внимание направлено на овладение стилистически нейтральной лексикой. В связи с этим, становится очевидной необходимость включения в процесс обучения испанскому языку экспрессивно-окрашенных языковых и речевых средств, характерных для обиходного дискурса.

В качестве лексических средств, обладающих высокой степенью экспрессивности, выделяют:

– усиленные прилагательные, такие как: *super* ‘супер’ , *mega* ‘мега’ , *ultra* ‘ультра’ . Например: *La fiesta es megadivertida*. ‘Вечеринка мегавеселая’.

– первичные и вторичные междометия, передающие эмоции: например: *¡Ah! ¡Anda ya!* – удивление; *¡Oh! ¡Santos cielos!* – восхищение; *¡Qué va! ¡Ni en broma!* – несогласие.

– жаргонизмы и сленг, особенно характерные для современной молодежной среды: *¡Qué guay* ‘Круто!’, *¡Qué guay esta película!* ‘Какой крутой фильм!’, *tío/tía* – ‘чувак’ / ‘подруга’ *¡Oye, tío! ¿Cómo estás?* ‘Эй, чувак! Как дела? ’; *Mola* – ‘здорово’ *Ese coche mola mucho.* ‘Эта машина очень крутая’.

Не менее частотными способами проявления экспрессивности являются:

– метафоры и гиперболы: – *estar muerto de hambre* ‘умирать от голода’; *tener un corazón de oro* ‘иметь золотое сердце’; *tener buena/mala leche* ‘иметь хорошее/плохое молоко’ – перенос. разг. иметь хороший/плохой характер; *estar en las nubes* ‘быть в облаках’ (означает рассеянность или мечтательность.); *ser un pez gordo* ‘быть большой рыбой’ (быть влиятельным или богатым человеком); *hace un calor infernal* ‘стоит адская жара’; *decir un millón de veces*. ‘говорить миллион раз’.

– пословицы и поговорки: *Más vale tarde que nunca* ‘Лучше поздно, чем никогда’; *A quien madruga, Dios le ayuda* ‘Кто рано встает, тому Бог помогает’; *No es oro todo lo que reluce* ‘Не все то золото, что блестит’; *Dime con quién andas y te diré quién eres.* ‘Скажи, кто твой друг, и я скажу, кто ты’.

Без сомнения, вышеуперечисленные лингвистические средства представляют собой далеко не весь перечень способов выражения эмоциональности испаноязычного общения в контексте обиходного дискурса и не включает паралингвистические средства (интонацию, жесты и мимику), играющие не менее важную роль в выражении эмоций. Мы остановились на данных лингвистических средствах, исходя из их актуальности уже на начальном этапе изучения испанского языка, поскольку они используются в ситуациях повседневного общения: приветствие, знакомство, описание характера человека, его отношения к труду человека, обсуждение погоды и т.п. На наш взгляд, введение в учебных процесс данных лингвистических средств на начальном этапе, с одной стороны, позволит студентам понимать и использовать испанский язык в реальных ситуациях общения, а с другой стороны, сопоставление испаноязычных лингвистических средств обиходного дискурса со средствами родного языка (и других уже известных языков) будет способствовать не только пониманию национальной специфики общения на изучаемом иностранном языке, но и более глубокому осознанию особенностей своей родной культуры.

И. Ф. Шмат

ИСПАНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Вторая мировая война стала одним из самых разрушительных конфликтов в истории человечества. В то время Испания, пережившая гражданскую

войну (1936–1939), была истощена экономически и политически и находилась под режимом генерала Франсиско Франко, который всеми силами стремился сохранить нейтралитет страны. Однако этот нейтралитет не был абсолютным и имел свои нюансы.

Испанская дипломатия тогда была сложной и многоуровневой, отражая как внутренние, так и внешние политические реалии. Франко использовал нейтралитет как инструмент для маневрирования: с одной стороны, стремился наладить отношения с нацистской Германией, которая оказывала ему поддержку во время гражданской войны; с другой – искал возможности сближения с западными союзниками, особенно после вступления в войну США.

Несмотря на нейтралитет, Испания принимала участие в экономических обменах с обеими сторонами конфликта и отправляла для участия в войне на стороне Германии добровольческие отряды, такие как «Голубая дивизия». Поначалу режим Франко открыто симпатизировал нацистам и помогал им, расплачиваясь за помощь в гражданской войне. Германии поставлялось сырье для промышленности (уголь, ртуть, вольфрам), в портах принимались и снабжались продовольствием немецкие военные суда, в том числе подводные лодки. Вместе с тем через Испанию лежала прямая дорога в Португалию, а оттуда можно было переправиться в Америку.

Испания стала важным транзитным пунктом для людей, спасавшихся от войны и преследования в контролируемых нацистами районах Европы. Когда началась депортация евреев из Франции, испанцы сначала позволили многим тысячам бежать через свою территорию, ограничив эту политику в 1940 году. Евреям отказывали в транзитных документах, а тех, кто оказался в стране незаконно, арестовывали и отправляли в концентрационный лагерь в Миранда-де-Эбро.

После 1940 года через нейтральную Испанию прошло примерно 20–35 тысяч еврейских беженцев, однако точная цифра так и останется неизвестной. Помимо лиц, получивших официальное разрешение, было много неучтенных, поскольку испанские пограничники брали взятки и пропускали евреев без необходимых документов.

Английский историк Пол Престон отмечает, что «с начала Второй мировой войны и до конца 1942 года режим Франко не разрешал еврейским беженцам селиться в Испании, даже если у них были испанские паспорта». Тем не менее некоторым еврейским беженцам предоставлялось убежище, хотя это было продиктовано скорее политическими соображениями, чем искренним желанием помочь. Испанские историки утверждают, что Франко имел сефардские корни¹, фамилия его матери – Баамонде – еврейского происхождения.

¹ Сефарды – потомки евреев, которые были изгнаны из Испании в конце 1492 года. Слово «сфарад» на иврите означает ‘Испания’.

Безусловная заслуга испанских дипломатов заключается в том, что они действовали не исходя из должностных обязанностей, а руководствуясь принципами гуманизма. При этом шли на явный подлог, рискуя быть в любую минуту разоблаченными.

Немцы, разумеется, обо всем догадывались и постоянно жаловались на дипломатов в Мадрид, где обязаны были реагировать на жалобы. Генерал Франко отзывал уличенных немцами дипломатов и наказывал, но в общем-то старался закрывать глаза на их деятельность. По мнению историков, Франко не верил в победу Гитлера, а когда дела на фронтах стали складываться в пользу союзников по антигитлеровской коалиции, начал потихоньку, все еще опасаясь испортить отношения с Германией, заигрывать с Соединенными Штатами и Великобританией. В качестве доказательства своей лояльности вывел добровольцев из России и без конца напоминал американцам и англичанам о спасении евреев. Разумеется, при этом не уточнялось, что дипломаты действовали по своей инициативе, без какой-либо поддержки официального Мадрида.

Пользуясь своим статусом, испанские дипломаты спасали людей. Самых больших успехов добился Анхель Санс Брис (1910–1980), возглавлявший дипломатическое представительство в Будапеште (Венгрия). Он выдавал поддельные испанские паспорта, тем самым спасая евреев от концлагеря. Поскольку бюджет посольства был крайне скучным, в некоторых случаях снимал беглецам дома за свой счет и кормил на свои собственные средства. По мере того как множились сообщения об истреблении евреев в Освенциме и других нацистских лагерях смерти, Санс Брис информировал правительство Франко в Испании об ужасающей правде. Однако в течение нескольких месяцев никаких указаний от мадридского правительства не поступало.

Чтобы спасти евреев, Санс Брис часто пренебрегал профессиональной осторожностью, рискуя нарваться на нацистский или венгерский фашистский патруль или попасть под бомбежки союзников. Испанский дипломат, для которого принцип гуманизма оказался выше принципа законности, одним из первых использовал дипломатический иммунитет для защиты беженцев. Консульские документы для предоставления гражданства фальсифицировались на основе давно истекшего испанского закона 1924 года о признании сефардов гражданами Испании. Закон касался сефардских евреев, еврейская община Венгрии была в основном ашкеназская, сефардские корни имели лишь немногие из них. Евреев прятали в испанском посольстве в Буде, местным чиновникам давали взятки.

В оккупированной немцами Венгрии Санс Брис спас от холокоста более 5200 евреев. За это его называли Ангелом Будапешта, Будапештским Ангелом и испанским Шиндлером. Правда, Оскар Шиндлер, которому посвящен голливудский фильм, спас более 1000 евреев.

Санс Брис по приказу мадридского начальства покинул Будапешт в ноябре 1944 года. В 1966 году Израиль присвоил дипломату звание Праведника народов мира, хотя по решению Франко Санс Брис не смог получить заслуженную награду. Официальное мероприятие по этому поводу тоже не состоялось. Не упоминал о подвиге дипломата в Будапеште и некролог, опубликованный после его смерти испанской газетой ABC в 1980 году.

В 1998 году Испания запоздало выпустила в память о Санс Брисе почтовую марку. В 2023 году Ангел Будапешта оказался в центре современных испанских дебатов о наследии франкистской Испании и действиях режима во время холокоста. Комитет по культуре и спорту испанского сената отклонил предложение крайне правой партии Vox почтить память Санс Бриса. Представители Vox утверждали, что он действовал с ведома и под руководством министерства иностранных дел. Однако левые партии обвинили Vox в попытке обелить франкизм, связав действия Санс Бриса с режимом Франко.

До того как Испания вернулась к демократии в середине 1970-х годов, режим Франко занимал двойственную позицию в отношении своей роли в холокoste, временами даже заявляя, что генерал Франко на самом деле был спасителем евреев.

С окончанием Второй мировой войны в 1945 году Испания оказалась в сложной ситуации. С одной стороны, режим сохранил власть, с другой – столкнулся с международной изоляцией. Многие страны не признали правительство Франко из-за его связей с нацистами. В ответ на это Испания начала проводить более активную внешнюю политику, пытаясь улучшить свои отношения с западными державами. Обострение холодной войны привело к налаживанию отношений между Испанией и США в 1953 году, в 1955 году Испания была принята в Организацию Объединенных Наций. Испанские официальные архивы стали доступны исследователям только после перехода Испании к демократии в 1975 году. В 2008 году Испания стала членом Международного альянса памяти жертв холокоста. Звания Праведников народов мира удостоены девять испанцев, из них большинство – работники посольств.

Круглый стол
ИТАЛЬЯНИСТИКА: ЛЕКСИКА, ГРАММАТИКА

М. А. Игнатьева

**СПЕЦИФИКА ЦВЕТОВЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ
В АНГЛИЙСКОМ И ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКАХ**
(на примере белого, черного и красного цвета)

На сегодняшний день в литературе существует обширнейшая информация относительно символики цвета. Неоспорим тот факт, что каждое цветообозначение имеет определенную значимость в любом языке, в том числе в английском и итальянском.

Белый цвет в английской языковой картине мира часто ассоциируется с честностью, добродетелью, добром, радостью – это, во многом, объясняется влиянием христианской культуры. Говоря о кристально честном человеке, поступающем в соответствии с нормами морали, употребляют выражение *whiter than white* ‘белее белого’. Ложь во спасение, т.е. ложь, сказанная для того, чтобы не причинить боль, по-английски называется ‘белой ложью’, а именно *white lie*. Снег в Англии быстро тает, но раз в году все надеются, что он пролежит несколько дней – на Рождество, которое в таком случае называется *white Christmas* ‘белое, снежное Рождество’. Считается, что снег создает радостно-волшебную и одновременно традиционную атмосферу, характерную для этого праздника. Человека, который, должен принести удачу или успех, называют *white hope* ‘белая надежда’. В некоторых контекстах белый цвет несет в себе и негативную окраску. Например, страх: *to be/look white as sheet/ghost/death* ‘очень сильно побледнеть’; *to show white feather* ‘струсить, смалодушничать’; стремление разозлить кого-либо: *to be white-hot* ‘быть разъяренным’.

Прилагательное *bianco* уже в первых памятниках итальянского языка выступает как основное обозначение белого цвета. Некоторые сравнения дают основания полагать, что *bianco* может сочетать указание на цвет с указанием на блеск: *bianco come argento* ‘белый как серебро’. Белый цвет всегда ассоциировался с чистотой помыслов и деяний, отсюда довольно распространенное в итальянском сочетание *anime bianche* ‘белые души’, т. е. души праведников. В итальянском языке, как и в английском, белый цвет символизирует чистоту, невинность и радость: *essere figlio della gallina bianca* ‘быть всеобщим любимцем, баловнем’; *vedere tutto bianco* ‘быть оптимистом’.

Данное прилагательное обладает широким спектром переносных значений. В ряде сочетаний оно указывает на отсутствие определенных характеристик и релевантных признаков: *matrimonio bianco* ‘фиктивный

брак’, notte bianca ‘бессонная ночь’, omicidio bianco ‘несчастный случай на производстве’ (букв. ‘белое убийство’, поскольку умышленного убийства как такового не было). Именно с отсутствием каких-либо дополнительных характеристик связано такое сочетание, как spaghetti bianchi ‘спагетти без соуса’, т.е. вареные, ничем не приправленные.

Однако в итальянском языке существуют фразеологические единицы, в которых белый цвет имеет не только положительную окраску, но и может характеризоваться отрицательной коннотацией. Например, *tratta delle bianche* ‘торговля рабынями’, *bere bianco* ‘потерпеть неудачу’, *restare bianco e antico* ‘остаться ни с чем’.

Английский цвет *black* часто ассоциируется с несчастьем, неприятностями, гневом, мраком: *black mark* ‘черная метка’, *blacklist* ‘черный список’, *black art* ‘черная магия’. Говоря о человеке, испытывающем горе или гнев, англичане говорят, что у него *black look* ‘хмурый, злобный взгляд’ и *black mood* ‘мрачное настроение’. В XX в. возникли словосочетания, в которых слово *black* стало ассоциироваться с незаконной экономической деятельностью: *black market* ‘черный рынок’.

Прилагательное *nero* часто используется для характеристики очень грязного предмета или человека: *Lavati, hai il muso nero!* ‘Умойся, у тебя физиономия совершенно черная!'; *Quando si lava lui, fa l'acqua nera.* ‘Когда он моется, вода после него абсолютно черная’. Черный может указывать на отсутствие света, связываясь с сумерками и ночью: *la notte nera e scura* ‘ночь темная и черная’.

Прилагательное *nero* обладает рядом переносных значений, объединяемых широким спектром отрицательных коннотаций. Оно содержит указание на неприятные события или тяжелые переживания: *una giornata nera* ‘черный день’; *pensieri neri* ‘черные мысли’.

В определенных контекстах *nero* передает разнообразные отрицательные этические характеристики – грешный, преступный, коварный, злой: *le anime nere* ‘черные души’ у Данте.

Черный цвет устойчиво связывается с идеей чего-то осуждаемого, запрещенного, тайного: *lista nera* ‘черный список’; *mercato nero* ‘черный рынок’. В современном итальянском языке черный цвет обозначает незаконность и нелегальность: *lavoro nero* ‘нелегальная работа’.

Красный цвет, прежде всего, цвет жизни, огня, войны, энергии, страсти, любви, радости, власти, величия и праздничности. Данное значение прослеживается в некоторых устойчивых сочетаниях английского языка: *red carpet* ‘элегантный, нарядный, изящный’; *to roll out the red carpet for smb* ‘устроить кому-либо торжественную встречу’. Наряду с положительно окрашенными, в английском языке встречаются и отрицательно окрашенные значения прилагательного *red*. Красный цвет может символизировать опасность, неприятность, убытки, препятствие, пренебрежение, заблуждение, раздражение: *to get out of the red* ‘покрыть задолженность, выбраться из долгов’, *to*

see the red light ‘чувствовать приближение опасности’. Однако red зачастую употребляется в английском языке не только в значении ‘красный’, но и применительно к описанию волос человека или шерсти животных в значении ‘рыжий’: red-haired ‘рыжеволосый’, red fox ‘рыжая лиса’.

Ряд устойчивых выражений итальянского языка с компонентом «красный» содержат в себе положительную эстетическую оценку. Например, выражение avere molti globuli rossi в буквальном смысле означает ‘иметь много красных эритроцитов’, т.е. быть полнокровным, крепким, сильным. Красный цвет может сигнализировать опасность: allarme rosso (букв. ‘красная тревога’) – ‘большая, серьезная опасность’. В итальянском языке красный цвет может указывать на отрицательную оценку эмоций и психических состояний: avere il sangue rosso буквально переводится как ‘иметь красную кровь’, т.е. быть очень вспыльчивым.

В приложении к человеку и в сочетании с белым красный цвет указывает на здоровый вид и прекрасный цвет лица: A salute mi pare che sta benissimo. La vedo rossa e bianca come un fiore. ‘Что касается здоровья, то мне кажется у нее все прекрасно. Выглядит – кровь с молоком.’ Однако использование только красного цвета в приложении к цвету лица является указанием на нездоровый вид: la pelle porosa e rossa ‘кожа пористая и красная’.

Таким образом, мы видим, что цвет играет важную роль в восприятии человеком окружающего мира и употребляется в английском и итальянском языках в самых разнообразных сферах человеческой деятельности: бытовой, профессиональной, экономической, политической, развлекательной и многих других. Несмотря на то, что существует немало универсалий в семантике основных цветов в английском и итальянском языках, нельзя не отметить тот факт, что в сознании носителей английского и итальянского языка существуют и свои специфические ассоциации, связанные с тем или иным цветом. Несомненно, значимость цвета закрепляется в сознании языковой личности благодаря ассоциативным связям цветовых определений как с миром окружающей человека природы, так и с конкретными историческими фактами и событиями, со специфическим национально-культурным контекстом.

Н. М. Стремоус

ЧАСТОТНОСТЬ УПОТРЕБЛЕНИЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ПОДСИСТЕМЫ «ЭКОНОМИКА» В СТАТЬЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СПОРТИВНОЙ ТЕМАТИК ИТАЛЬЯНСКИХ ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ

Языковая картина мира итальянцев формируется под влиянием как коллективных, так и индивидуально-личностных факторов. Коллективные установки обеспечивают общую основу и единство, тогда как индивидуальные зависят от личностных предпочтений, социального статуса, возраста, пола и региона проживания. Мы сосредоточились на коллективных уста-

новках. В национальном характере итальянцев заложены любовь к социальному взаимодействию и обсуждение различных тем, прежде всего экономической и спортивной направленностей. Кафе традиционно служат местом встреч, где люди могут провести время вместе, наслаждаясь кофе или аперитивом и оживленно обсуждая события, активно освещаемые в СМИ. Экономические темы привлекают внимание благодаря важности этой сферы для страны и ее жителей. Спорт, особенно футбол, является неотъемлемой частью итальянской культуры. Он объединяет людей разных возрастов и социальных слоев, способствуя укреплению чувства национальной гордости и единства. Учитывая, что на сегодняшний день каждая область человеческой деятельности содержит экономический аспект, экономика и спорт являются для жителей Италии и итальянских СМИ центральными темами для обсуждения, а электронные СМИ пользуются наибольшей популярностью, нам было важно определить частотность употребления экономических терминов в статьях данных тематик итальянских электронных СМИ.

В ходе исследования 250 терминологических единиц подсистемы «Экономика» было выявлено, что количество терминов больше в статьях экономической тематики (69,2 % от общего количества отобранных терминов). Наиболее частотными являются: *prezzo* ‘цена’, *consumo* ‘потребление’, *inflazione* ‘инфляция’, *mercato* ‘рынок’, *impresa* ‘предприятие’, *economia* ‘экономика’, *settore* ‘сектор, отрасль’, *spesa* ‘расход, затрата, издержка’, *costo* ‘стоимость; затраты, издержки’, *euro* ‘евро’, *BCE* ‘ЕЦБ’, *azienda* ‘компания’, *prodotto* ‘продукция, продукт’, *risparmiare* ‘экономить’, *bilancio* ‘бюджет’, *titoli* ‘ценные бумаги’, *utile* ‘прибыль, доход’, *affari* ‘бизнес, предпринимательская деятельность, сделка’, *credito* ‘кредит’, *Piazza Affari* ‘Миланская биржа’, *economico* ‘экономичный, дешевый; экономический, хозяйственный’, *domanda* ‘спрос’, *debito* ‘долг’, *reddito di cittadinanza* ‘доход от гражданства’, *quota* ‘взнос, доля, часть, норма, квота’, *PIL* ‘ВВП’, *stipendio* ‘зарплата’, *comprare* ‘приобретать’, *finanziario* ‘финансовый’, *bolletta* ‘жировка’, *investimento* ‘инвестиция, инвестирование, капиталовложение’, *industria* ‘промышленность, индустрия, отрасль’, *superbonus* ‘супербонус’, *acquisto* ‘приобретение, покупка’.

В ходе анализа было обнаружено, что есть экономические термины, которые ни разу не встретились в статьях экономической тематики: *fiera* ‘ярмарка, выставка’, *imprenditore* ‘предприниматель’, *dollaro* ‘доллар’, *clientela* ‘клиентура, клиенты’, *in contanti* ‘наличными’, *settore industriale* ‘промышленный сектор, отрасль промышленности’, *sviluppo economico* ‘экономическое развитие, рост экономики’, *indicizzazione* ‘индексация’, *banconota* ‘банкнота’ и др. Это удивительно, учитывая тот факт, что вышеупомянутые терминологические единицы являются довольно распространенными и популярными в текстах экономической направленности. Вместе с тем обнаружены термины, присущие исключительно статьям экономической тематики: *privatizzazione* ‘приватизация’, *deprezzamento* ‘обесценивание, снижение стоимости’, *commissario agli Affari economici* ‘еврокомиссар по экономике’,

andamento dei prezzi ‘динамика цен’, *fallimento* ‘банкротство’, *credito d’imposta* ‘налоговый кредит’, *commercializzazione* ‘продажа, сбыт; введение в торговый оборот’ и др.

Несмотря на достаточно низкую концентрацию экономических терминов в текстах спортивной направленности, нам все же удалось выявить 37,2 % лексических единиц от общего количества отобранных экономических терминов. Наиболее частотными являются: *euro* ‘евро’, *prezzo* ‘цена’, *prodotto* ‘продукция, продукт’, *mercato* ‘рынок’, *società* ‘компания, предприятие, фирма, корпорация, акционерное общество, товарищество’, *costo* ‘стоимость; затраты, издержки’, *economico* ‘экономичный, дешевый; экономический, хозяйственный’, *finanziario* ‘финансовый’, *spesa* ‘расход, затрата, издержка’, *contratto* ‘контракт’, *amministratore delegato* ‘генеральный директор, директор-распорядитель, председатель правления, президент компании’, *business* ‘бизнес’, *ricavo* ‘прибыль, доход, выручка’, *dollaro* ‘доллар’, *cost cap* ‘предельная сумма’, *investire* ‘инвестировать’, *regolamento* ‘правила; оплата, расчет, урегулирование’, *competitivo* ‘конкурентоспособный’, *vendere* ‘продавать’.

Исходя из данных анализа, можно сделать вывод о том, что процент употребления терминологических единиц подсистемы «Экономика» в статьях спортивной тематики заметно ниже, чем в текстах экономической тематики. Тем не менее, существует ряд терминов, которые были обнаружены только в статьях спортивной направленности: *CEO* ‘главный исполнительный директор’, *fatturato* ‘оборот’, *budget cap* ‘лимит бюджета’, *rendicontazione* ‘отчетность’, *cost cap* ‘предельная сумма’, *tetto di spese* ‘максимальные затраты’, *concorrente* ‘конкурент’, *situazione finanziaria* ‘финансовый отчет, финансовое положение’, *yen* ‘йена’, *Camera di commercio* ‘Торговая палата’, *venture capital* ‘венчурный капитал’, *private capital* ‘частный капитал’ и др. На наш взгляд, это можно объяснить лишь случайностью.

Интерес представляет тот факт, что лишь в текстах спортивной тематики отмечен термин, количество употреблений которого намного выше, чем в статьях экономической направленности. Это терминологическая единица *euro* ‘евро’.

В текстах обеих направленностей почти равное количество раз встречаются такие термины, как *economicamente* ‘экономически’ (2 раза в статьях экономической тематики, 1 раз в текстах спортивной направленности), *commerciale* ‘торговый, коммерческий, деловой’ (3 раза в статьях экономической и спортивной тематик), *ammontare* ‘составлять (о сумме), равняться, достигать’ (1 раз в статьях обеих тематик).

Как видно из вышеприведенной информации, в текстах экономической направленности рассматриваемого нами периода одними из самых актуальных тем были следующие: энергетический кризис, рост цен, инфляция. Следствием явилось наиболее частое употребление таких терминологических единиц, как *prezzo* ‘цена’ и *consumo* ‘потребление’. В статьях спортивной

тематики одними из обсуждаемых тем были: чемпионат мира по футболу, развитие велотуризма, стоимость билетов и ремонта мотоциклов и т.д. Следовательно, самой частотной терминологической единицей оказалась *euro* ‘евро’. Еще одним частотным термином, присущим статьям обеих тематик, стал *mercato* ‘рынок’. Его употребление также определяется и предметной областью, и содержанием статей. В результате можно заключить, что существует зависимость между предметной областью, обсуждаемой в статье проблемой (т.е. имеется ли связь с экономикой) и частотностью термина.

Итак, анализируя электронные СМИ, стоит отметить, что даже в статьях неэкономической тематики содержится внушительное количество экономических терминов. Данная особенность объясняется тем, что любая сфера человеческой деятельности подразумевает наличие экономического подтекста. Анализ частотности употребления терминологических единиц позволяет проследить, какие термины используются активно, помогает выявить семантические доминанты, на которых впоследствии стоит прежде всего акцентировать внимание при изучении экономической лексики.

Е. В. Чеснокова

ШВЕЙЦАРСКИЙ ВАРИАНТ ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА: ГРАММАТИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

В Швейцарии, наряду с немецким и французским языками, итальянский имеет статус государственного языка и, соответственно, является третьим по распространенности. Большая часть жителей кантона Тичино и часть жителей кантона Граубюнден говорит именно на итальянском языке.

Результаты опроса Министерства статистики Швейцарии на предмет какой язык швейцарцы считают родным более 60 % немецкий, французский – более 20 %, итальянский – 8 % населения.

Каковы отличия швейцарского итальянского языка от классического стандартного итальянского? Обычно, отличия имеют место на трех уровнях фонетическом, грамматическом и лексическом. На этих уровнях наблюдается влияние как немецкого, так и французского языков. Рассмотрим примеры отличий на грамматическом и лексическом уровнях, как наиболее подверженных влиянию.

Следует отметить, например, различие в грамматическом роде термина *meteo* ‘погода’ между стандартным итальянским и его швейцарской разновидностью. Если в Италии это слово мужского рода *il meteo*, то в швейцарском итальянском, под влиянием французского языка, оно употребляется в женском роде *la meteo*, аналогично французскому *la météo*. Также специфика швейцарского итальянского проявляется в образовании повелительного наклонения. В отличие от стандартного итальянского, где глаголы в повелительном наклонении требуют специальной формы (*apri la finestra* – ‘открой

окно’), а отрицательные – отрицательной частицы и инфинитива (*non aprire la finestra* – ‘не открывай окно’), швейцарский вариант унифицирует эту систему, используя инфинитив в обоих случаях.

Данное грамматическое упрощение, возможно, является результатом языкового влияния: французская модель построения повелительных предложений, характеризующаяся аналогичной простотой, была адаптирована как более рациональная и последовательная. Это избавляет от необходимости запоминать особые формы глаголов и исключения.

На лексическом уровне швейцарский итальянский и стандартный итальянский отличаются больше всего. В первую очередь это отражается в значении слов, которые обозначают что-то на итальянском, и совершенно другое на швейцарском варианте. А порой случается, что в стандартном итальянском и вовсе нет какого-либо слова, а в его швейцарском варианте есть и пришло оно из какого-нибудь другого языка (немецкого или французского) или из северного диалекта итальянского языка. Важно отметить, что наиболее употребимые слова больше всех подвержены разного рода изменениям. Поэтому наиболее яркими примерами, иллюстрирующими различия между швейцарским итальянским и стандартным итальянским, встречаются в таких сферах как совершение покупок, еда, работа, учеба и тд.

Обратимся к примерам. При заказе еды в ресторане итальянцы используют термин *ordinare* ‘заказать’, а швейцарские итальянцы выбирают *comandare* от французского *commander*. В Италии это вызвало бы недоумение, поскольку *comandare* означает ‘контролировать’ или ‘требовать’.

Когда нужно забронировать столик в ресторане, швейцарские итальянцы используют глагол *riservare* ‘зарезервировать’, а не итальянское *prenotare* по аналогии с французским *réserver*. В стандартном итальянском языке слово *riservare* существует, но имеет особое значение: откладывание чего-то в сторону, например, при сбережении денег.

Магазины используют слово *azione* ‘действие’ для обозначения распродаж (*offerta speciale* на стандартном итальянском языке) из-за влияния немецкого термина *aktion*. В качестве альтернативы скидка может называться *ribasso*, подобно немецкому *rabatt*, в то время как в Италии *ribasso* используется только в смысле ‘амортизации’ в финансовой письменной форме, а для скидки используется *sconto*.

В сфере работы говорят *dimissionare* ‘уйти в отставку’, а не итальянское *dimettersi*. Хотя в Италии существует формальная альтернатива *rassegnare le dimissioni*, и она гораздо более распространена в Швейцарии из-за французского *démissionner*.

Biluxare означает ‘мигать фарами (автомобиля)’ и не имеет ничего общего с итальянским термином *sfanalare* ‘мигать фарами’. Оно происходит от *Bilux*. Это название немецкой фирмы, которая первой начала производить современные лампочки для фар.

В открытом доступе на просторах Internet можно найти отрывок дневника, написанный на швейцарском варианте итальянского языка:

«Caro diario,

oggi è stata proprio una giornata da dimenticare.

Quando sono scesa per colazione ho visto che la mamma aveva finito tutti gli *zibac*. Poi, uscendo di casa mi si sono impigliate le *ghette* nella *ramina*. Volevo chiamare *il Marco* per farmi venire a prendere ma, come se non bastasse, avevo il *natel* scarico. Allora sono salita sulla *posta*, e per poco l'autista non tamponava la macchina davanti: meno male che quello sull'altra corsia gli ha fatto i *bilux* <...>».

Данный отрывок может вызвать некоторые затруднения в понимании у неподготовленного читателя, даже владеющего итальянским языком.

Особенности слов *bilux*, *meteo* и *azione* в швейцарском итальянском уже описаны выше, остальные выделенные курсивом слова предстоит разобрать.

Итак, *gli zibac* (ударение на второй слог) – в стандартном итальянском языке используется *le fette biscottate* ‘сухари’ – в швейцарский итальянский оно пришло из немецкого языка, а именно от *zwieback* (*zweimal gebackenes Brot*, что обозначает ‘дважды испеченный хлеб’ (поджаренный с двух сторон)).

Слово *le ghette*, которое переводится как ‘гетры’, некогда обозначающее элемент мужского гардероба, теперь в швейцарском варианте итальянского языка имеет значение ‘колготки’, в то время как в стандартном варианте для ‘колготок’ используется французское слово *collant*.

La ramina – в швейцарском варианте, в стандартном итальянском языке используется *la rete metallica*, то есть ‘металлическая сетка (рабица)’.

Il Marco – имя собственное *Marco* в сопровождении определенного артикля – в стандартном варианте итальянского языка имена собственные принято использовать без артикля, однако, в некоторых северных диалектах все же можно встретить определенный артикль. Швейцарский вариант итальянского языка позаимствовал такую особенность.

La posta в стандартном итальянском языке это слово имеет множество значений, наиболее часто употребимое – ‘почтa’ (здание или корреспонденция). В данном тексте во фразе *allora sono salita sulla posta*, написанной на швейцарском итальянском, *posta* обозначает ‘почтовый автобус’ (обычно желтого цвета), который перевозит не только почту (корреспонденцию), но и пассажиров.

Разумеется, различий между швейцарским вариантом итальянского языка и стандартным итальянским языком гораздо больше. Тема заслуживает более детального изучения. Приведенные выше примеры наглядно демонстрируют уникальный характер швейцарского варианта итальянского языка, сформировавшегося под влиянием многоязычной среды.

Итак, швейцарский итальянский демонстрирует значительное влияние французского и немецкого языков; различия затрагивают многие сферы жизни: от бытовой до профессиональной. Понимание этих особенностей важно для межкультурной коммуникации и профессионального общения.

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В РУССКОМ И ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКАХ: ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ БАРЬЕРЫ И МЕТОДЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Современная антропологическая лингвистика рассматривает язык как динамическую систему, выполняющую не только коммуникативную, но и когнитивную функцию. Согласно теории лингвистической относительности (Сепир-Уорф), структурные особенности языка детерминируют процессы категоризации и концептуализации мира (Whorf, 1956). Это положение получило развитие в трудах Ю. Д. Апресяна, который подчеркивал, что каждый язык создает "свою собственную семантическую вселенную" (Апресян, 1995).

В контексте данного исследования особый интерес представляет концепция "языкового мышления" (Sprachdenken) В. фон Гумбольдта, согласно которой грамматические структуры формируют "внутреннюю форму" языка, определяющую специфику ментальных процессов (Гумбольдт, 1984). Именно этот аспект делает особенно актуальным сопоставительный анализ грамматических систем при изучении иностранных языков.

Язык представляет собой сложную семиотическую систему, опосредующую восприятие действительности и формирующую специфическую картину мира, уникальную для каждого лингвокультурного сообщества. Как было отмечено выше, язык не только отражает мышление, но и активно конструирует его, определяя базовые категории познания.

Языковая картина мира (далее – ЯКМ) складывается через взаимодействие всех уровней языковой системы, каждый из которых вносит свой вклад в культурно-обусловленную репрезентацию реальности.

Лексический уровень демонстрирует наиболее очевидные межъязыковые лакуны. Итальянские концепты '*sprezzatura*' (нарочитая небрежность) или '*dolce far niente*' (сладость бездействия) не имеют точных эквивалентов в русском языке, равно как русские '*тоска*' и '*авось*' остаются непереводимыми для носителей итальянского.

Грамматический уровень играет не менее значимую роль. Категория рода в итальянском часто лишена семантической мотивации, тогда как в русском прослеживается более четкая корреляция с биологическим полом. Глагольная система с ее развитой темпоральностью отражает специфическую концептуализацию времени, а безличные конструкции типа '*Si dice che...*' ('Говорят, что...') актуализируют коллективную точку зрения, что соответствует культурной тенденции к дистанцированию от индивидуальной ответственности.

Синтаксический уровень также релевантен для анализа. Итальянский синтаксис, при всей своей гибкости, строго регламентирует позицию ключевых элементов, тогда как русский опирается на свободный порядок слов

и интонационное выделение. Различия в глагольном управлении свидетельствуют о разной концептуализации отношений между действием и его участниками.

Прагматический уровень отражает культурно-обусловленные коммуникативные стратегии. Вежливая форма ‘*Lei*’, требующая женского согласования даже при обращении к мужчине, восходит к придворному этикету. Интенсивная невербальная коммуникация, где жест может замещать целое высказывание, контрастирует с русской традицией.

Проведенный анализ и достаточный опыт преподавания позволяют утверждать, что грамматика, будучи менее очевидной, чем лексика, играет ключевую роль в формировании ЯКМ, так как задает базовые паттерны речепорождения.

Эмпирические данные свидетельствуют, что основные трудности при освоении итальянского языка русскоязычными учащимися связаны с:

1. отсутствием падежной системы, компенсируемым сложной системой предлогов;
2. выражением видо-временных отношений через темпоральные формы;
3. обязательным употреблением артиклей, отсутствующих в русском языке;
4. фиксированным порядком слов в атрибутивных конструкциях;
5. специфическим глагольным управлением.

Эти различия провоцируют типичные интерференционные ошибки:

6. калькирование падежных конструкций;
7. опущение или гиперкорректное использование артиклей;
8. нарушения порядка слов;
9. ошибки в выборе предложного управления.

Для преодоления этих трудностей необходима методика, направленная на формирование когнитивных механизмов, адекватных системе изучаемого языка. Эффективное обучение должно включать:

10. контрастивный анализ грамматических структур;
11. работу с аутентичными текстами для выявления культурно-маркированных паттернов;
12. развитие когнитивных стратегий, соответствующих целевой ЯКМ;
13. систему упражнений на автоматизацию грамматических навыков.

В рамках исследования разработан трехуровневый методический комплекс, направленный на формирование языкового мышления и освоение глагольных конструкций (доступен по QR-коду справа).

Комплекс состоит из следующих этапов:

Когнитивный: анализ аутентичных текстов и составление контрастивных таблиц.

Имитационный: лексико-грамматические тренинги и трансформационные упражнения.

Креативный: ролевые игры с акцентом на проблемные глагольные модели.

Данный комплекс, апробированный в нашей практике, обеспечивает переход от осознания правил к их органичному использованию в речи, где грамматика становится не барьером, а инструментом выражения мыслей.

Подводя итоги, отметим, что понимание различий между языковыми картинами мира – необходимое условие для эффективного межкультурного взаимодействия и изучения иностранного языка. Как показало исследование, сочетание теоретического анализа с практическими приемами работы помогает не просто преодолевать лингвокультурные барьеры, но и постепенно формировать у обучающихся новое языковое сознание, более адекватное системе изучаемого языка. На наш взгляд, такой подход открывает перспективы для более глубокого освоения не только языковых структур, но и стоящих за ними культурных смыслов.

Круглый стол «ИТАЛЬЯНСКИЙ ЯЗЫК В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР»

Г. В. Ивашень

СОСТАВ СОВРЕМЕННОГО МОЛОДЕЖНОГО ИТАЛЬЯНСКОГО СЛЕНГА

Социолекты в целом, и молодежный сленг в частности, являются важным объектом исследования, так как они оказывают влияние на литературный язык. Молодежь является наиболее динамичным слоем общества, речь которого зачастую влияет на другие подсистемы языка, в том числе на литературный язык. Молодежный сленг, являясь языком повседневного общения молодежи, является в какой-то мере показателем уровня развития молодежи, ее интересов и потребностей. Речь молодежи подвержена изменениям, на нее могут влиять такие факторы, как мода, изменения в общественной, политической жизни страны и так далее.

Социолекты не представляют собой целостных систем коммуникации. Это именно особенности речи – в виде слов, словосочетаний, синтаксических конструкций, особенностей ударения. Основы социолектов – словарная и грамматическая – обычно мало чем отличаются от характерных для литературного языка.

Одним из типов социолектов считают сленг.

Определение сленга до сих пор остается открытым вопросом для лингвистов. Часто исследователи объединяют такие понятия, как «сленг», «жаргон», «арго», «социальный диалект».

Общий сленг – это относительно стойкая, общепонятная социальная языковая микросистема в просторечии. Она неоднородна по своему составу и мере приближения к разговорной речи, с ярко выраженными эмоциональными и оценочными оттенками.

Специальный сленг (социолекты) – это специфическая лексика и фразеология социальных жаргонов, профессиональных сленгов и арго преступного мира.

Специфика каждого из этих языковых образований может быть обусловлена профессиональной обособленностью тех или иных групп либо их социальной отграниченностью от остального общества. Иногда группа может быть обособлена и профессионально, и социально; речь такой группы обладает свойствами и профессионального, и социального жаргона.

Так как молодежный сленг является речью определенной социальной группы, он входит в структуру социолектов наравне с другими лексическими системами, такими, как «профессиональные» языки, арго деклассированных и т.п.

Итальянские лингвисты начали изучать социолекты начиная с 60-х гг., так как разновидности итальянского языка начали появляться только после Второй мировой войны. Первой разновидностью был военный жаргон, в последствии элементы военного жаргона были заимствованы молодежью, и, таким образом, начинает формироваться молодежный сленг, который также привлек внимание лингвистов.

Итальянский исследователь Л. Ковери считает, что молодежный сленг, в отличие от арго или языка мафии, не имеет конспиративной функции. Молодые люди не стараются скрыть какую-либо информацию посредством использования сленгизмов.

Наиболее разработанной представляется теория молодежного сленга, предложенная итальянским лингвистом М. А. Кортелацио. Исследователь определяет молодежный сленг как разновидность языка, по большей части устного, использующуюся группами молодежи в определенных ситуациях общения.

М. Кортелацио выделяет шесть составляющих молодежного сленга. Мы проанализировали лексику онлайн-словаря *Slangopedia*, чтобы выявить, можно ли выделить все эти составляющие в изучаемом нами словаре. В результате этого анализа мы определили несколько составляющих современного молодежного итальянского сленга.

1) Лексика, образованная от обиходно-разговорных слов

Сленгизмы, образованные при помощи суффиксов *-aro*, *-oso*: *mortaloso* ‘sta per entusiasmante, incredibile’ (‘невероятный, неимоверный’), *loloso* ‘cosa divertente, proviene da lol’ (‘очень смешной; от анг. lol’), *stiloso* ‘unico, che ha stile’ (‘стильный’), *muzzunaro* ‘morto di fame’ (‘ужасно голодный’).

Приведем в пример также некоторые переосмысления: *beccare* ‘засту-
кать, засечь’ (первое значение: *beccare* ‘клевать’), *frana* ‘катастрофа, провал,
кошмар’ (первое значение: *frana* ‘обвал, оползень’).

2) Диалектизмы

Особенностью итальянского языка является то, что наряду с литературной нормой, существует множество диалектов. В изучаемом нами словаре также представлены диалектные единицы: *cozza* ‘una ragazza brutta’ (‘некрасивая девушка’), *frizza* ‘una ragazza bella’ (‘красивая девушка’).

Таким образом, мы можем отметить, что диалектные сленгизмы отражают те предметы, явления и понятия, которые характерны и важны для молодежи и являются неотъемлемой частью ее повседневной жизни и интересов.

3) Так называемые «традиционные» жаргонизмы

Здесь мы можем заметить заимствования из компьютерного сленга: *lao* ‘persona imbranata, tonta. Deriva dal videogioco Mortal Kombat, dal personaggio Kung Lao che non era molto forte nei combattimenti’ (‘неуклюжий, глупый, слабый. От имени Кун Лао – персонажа видеоигры *Mortal Kombat* ‘Смертель-
ная битва’, который не отличался смелостью и способностью к сражениям’);

заимствования из жаргона наркоманов: *stecca* ‘sigaretta’ (‘сигарета’), *tromba* ‘spinello’ (‘сигарета с гашишем, косяк’), а также из военного жаргона: *tempo zero* ‘время вышло, нет времени’.

4) Инновационные образования

Здесь мы можем привести следующие примеры:

▪ фонетические искажения: *mela* ‘e-mail’ (‘электронная почта’). Следует отметить, что слово *mela* в итальянском языке имеет значение ‘яблоко’, в нашем же случае в результате фонетического искажения иностранного слова это слово обретает совершенно другое значение.

▪ апокопа: *cugy* ‘cugino’ (‘двоюродный брат’), *gine* ‘ginecologa’ (‘гинеколог’), *proffia* ‘la professoressa’ (‘преподаватель’), *uni* ‘universita’ (‘университет’).

▪ антономазия: *iveco* ‘camionista; deriva dalla marca del camion’ (‘водитель грузового автомобиля; происходит от названия марки грузовых автомобилей IVECO’). *Amedeo* ‘effeminato, gay (citato nel film «Amore a prima vista»’ (‘женоподобный, гей’, *Amedeo* – имя собственное в фильме «Любовь с первого взгляда»).

5) Лексические заимствования из рекламы и языка СМИ

Например: *pisa* ‘schiacciare un pisolino. Dal bel romanzo sugli homeless “Da qui si vede la luna” di Maud Lethielleux’ (‘вздремнуть; из романа Мода Летьеле «Отсюда виджу луну»’), *kosp* ‘vecchi zoccoli di un tempo, quelli per intenderci del film «L’albero degli zoccoli» di Olmi’ (‘старые башмаки, аллюзия на фильм «Дерево для башмаков» Эрманно Ольми’), *babbiare* ‘prendere in giro (vedi “Il siculo” di Andrea Camilleri)’ (‘подшучивать; из книги Андреа Камиллери *Il siculo* (Сицилиец’)).

6) Заимствования из других языков

Больше всего иностранных слов было заимствовано из английского языка: *friends*, *sister*, *smell*, *splittere*, *flower*, *trash*, *flash*, *airbag*, *brother*, *allokare*, *jmpare*, *drinkare*, *sleeppare*, *turnare*, *flashato*, *flettosa*.

Но присутствуют также заимствования и из других языков: из арабского – *azzizzato*; из японского – *kawaii*, из испанского – *gordo*; из немецкого – *geilissimo*.

Таким образом, мы можем видеть, что все шесть составляющих, выделенных итальянскими лингвистами, представлены также и в изучаемом нами онлайн-словаре молодежного сленга итальянского языка.

М. В. Потапова

ЖЕСТЫ, ИНТОНАЦИЯ, ЭМОЦИИ: ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ В ИТАЛЬЯНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Итальянцы славятся своей экспрессивностью, активной жестикуляцией и эмоционально насыщенной речью. Для них общение – это не просто обмен информацией, а настоящее искусство, в котором важны не только слова, но

и интонация, мимика, движения рук и даже положение тела. Если попросить иностранца описать итальянца во время разговора, первое, что придет ему на ум – это активная жестикуляция.

Согласно исследованиям, итальянская жестовая коммуникация включает около 250 семантически устойчивых жестов, которые образуют сложную систему. По своей структуре и функциональности эта система сопоставима с вербальным языком и демонстрирует богатство выразительных средств и лингвистическую сложность.

Итальянская жестикуляция – это не просто способ общения, а настоящий культурный код, сохранивший свою актуальность на протяжении веков. Древние фрески и росписи сохранили для нас свидетельства того, что многие современные жесты имеют глубокие исторические корни.

На стенах помпейских вилл, погребенных под вулканическим пеплом, можно увидеть изображения жеста, известного сегодня как ‘рога’. Этот жест, при котором вытягиваются указательный палец и мизинец, уже в античные времена символизировал угрозу или недобро предзнаменование. Еще более древние свидетельства обнаружены в этрусских гробницах Тарквинии, где тот же жест, но изображенный вертикально, использовался в качестве защитного символа от сглаза.

Современная Италия переживает значительные изменения в сфере невербальной коммуникации, где традиционная жестикуляция подвергается трансформации под влиянием различных социокультурных факторов. Медиатизация общества, усиление межкультурных контактов, рост уровня образования и постепенное исчезновение диалектов создают новую парадигму жестового общения.

Наблюдается интересная динамика в эволюции региональных жестов. Некоторые из них, ранее характерные только для отдельных областей, теперь стали общеупотребительными по всей стране. Параллельно происходит активное заимствование международных жестовых кодов. В итальянскую невербальную коммуникацию проникают жесты, имеющие иностранное происхождение – от исторически укоренившегося символа победы в виде буквы V до современных спортивных приветствий и молодежных жестовых кодов. Этот процесс напоминает заимствование иностранных слов, создавая богатый синтез традиционных и новых элементов в итальянской жестовой культуре.

Наиболее заметно эти изменения проявляются в молодежной среде и профессиональных сообществах, где жесты часто становятся маркерами групповой принадлежности и культурной идентичности.

Важно отметить, что современные региональные различия в невербальном поведении отражают историческое разнообразие итальянских земель. Если в северных регионах, таких как Ломбардия или Пьемонт, жестикуляция отличается относительной сдержанностью, то в центральных областях (Тоскана, Лацио) она приобретает более выраженный характер, достигая максимума интенсивности в южных регионах типа Кампании или Сицилии.

Итальянская интонационная система переживает не менее глубокие изменения, чем жестовый язык. Традиционно итальянская речь отличалась особой музыкальностью – широкими интонационными перепадами, яркой эмоциональной окраской, четкими ритмическими рисунками. Однако сегодня эти характеристики существенно трансформируются под влиянием нескольких ключевых факторов. Изначально каждый регион Италии имел свою уникальную интонационную характеристику. Неаполитанская речь с ее каскадом восходящих и нисходящих тонов, римская раскатистая интонация,держанная мелодика северных регионов – все это постепенно нивелируется. Средства массовой информации, особенно телевидение и социальные сети, формируют новый общенациональный стандарт интонации, заимствуя элементы из разных диалектов.

Несмотря на все трансформации современной эпохи, итальянская речь сохраняет свою неповторимую музыкальность, продолжая оставаться звуковым отражением темперамента народа. В неформальном общении по-прежнему царит та самая эмоциональная насыщенность, которая веками характеризовала итальянскую коммуникацию – живая палитра интонаций, где каждое слово может звучать как мини-спектакль с богатой гаммой чувств. В публичных выступлениях сохраняется традиционно широкий интонационный диапазон, превращающий даже обычную речь в своеобразное вокальное произведение. Итальянские ораторы мастерски используют всю шкалу тонов – от почти шепота до эмоциональных кульминаций, создавая эффектную динамику звучания. Эта особенность делает итальянскую публичную речь узнаваемой и эмоционально выразительной.

Итальянское общество отличается удивительной свободой в проявлении чувств, что составляет разительный контраст с культурными нормами многих стран. Итальянцы свободно демонстрируют весь спектр эмоций – от безудержного смеха до явного недовольства. Их мимика подобна открытой книге, где каждое переживание находит естественное отражение без прикрас и запретов. В Италии совершенно естественно громко смеяться в общественных местах, бурно жестикулировать во время спора или открыто выражать раздражение.

Итальянский стиль коммуникации отличается особой эмоциональной близостью и яркой телесной экспрессивностью, что характерно для средиземноморской культуры с ее ориентацией на живое общение. Итальянцы инстинктивно сокращают дистанцию в разговоре, наполняя его живым теплом и непосредственностью. Их манера общения включает прямой, открытый взгляд, который может показаться слишком настойчивым представителям северных культур, но в Италии такой зрительный контакт – естественная часть искреннего диалога, а не признак дерзости. Свободная, раскованная поза тела, часто с легким наклоном в сторону собеседника, выражает стремление к сближению и эмоциональную вовлеченность, в отличие от закрытых поз со скрещенными руками. Частые тактильные контакты, такие как дружеские прикосновения к руке или плечу, не зависят от степени

знакомства или пола собеседника и подчеркивают искренность и душевную теплоту общения. Важно понимать, что такая манера взаимодействия, совершенно естественная в итальянской среде, может восприниматься иначе представителями культур, где принята большая дистанция между людьми. Знание этих различий помогает избежать недопонимания в межкультурной коммуникации.

Таким образом, итальянский стиль общения можно охарактеризовать как высококонтекстную коммуникативную систему, где смысл рождается на стыке вербальных и невербальных компонентов. Это не просто способ передачи информации, а сложное культурное явление, отражающее национальный менталитет и многовековые традиции социального взаимодействия.

Т. В. Тропец

АНГЛИЙСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ (на материале компьютерных технологий)

Актуальность данного исследования определяется тем, что в течение нескольких десятилетий компьютерные технологии играют важную роль во всех сферах человеческой деятельности. Информационные технологии постоянно развиваются и, как следствие, появляются новые слова, обеспечивающие возникающие номинативные потребности. Итальянский язык, как и многие другие языки, реализуют свои номинативные потребности в данной области с помощью заимствования из английского языка. Актуальность предпринятого исследования обусловлена также и тем, что англицизмы применяются не только в специальных текстах, но также и в текстах газетной публицистики, и в повседневной коммуникации.

Цель данной работы заключается в выявлении типологии английских заимствований из сферы компьютерных технологий, функционирующих в итальянском языке. Источником материала выступили статьи онлайн-версии итальянской газеты *la Repubblica*, посвященные данной тематике.

Анализ показал, что в текстах на итальянском языке употребляются как заимствованные имена нарицательные, так и имена собственные.

Имена собственные представлены названиями компаний (*Google*, *OpenAI*), нейросетей (*ChatGPT*, *Gamma*, *Midjourney*), социальных сетей и их функций (*Cerca*, *Esplora*, *Facebook*, *Instagram*, *Reels*), операционных систем (*Android*, *iOS*), виртуальных ассистентов (*Alexa*, *Cortana*, *Siri*), сервисов для звонков и сообщений (*Signal*, *Whatsapp*), протоколов (*Thread*, *Zigbee*), стандартов (*Matter*) и др.

В итальянский язык имена нарицательные проникают в виде различных типов заимствований. Наиболее типичным для процесса заимствования из английского языка является прямое заимствование, при котором иноязычное слово сохраняет материальную оболочку своего прототипа, например, *account* (англ. *account*), *chat* (англ. *account*), *chatbot* (англ. *chatbot*), *computer*

(англ. *computer*), *offline* (англ. *offline*), *online* (англ. *online*), *post* (англ. *post*), *router* (англ. *router*), *prompt* (англ. *prompt*) и др. Эти слова активно употребляются в газетных текстах, например, *affermazioni false si sono diffuse in 38.877 post online, 1.284 dei quali pubblicati da account con sede in Francia; è sufficiente un prompt, vale a dire un'istruzione di testo, e uno chatbot come ChatGpt ; le persone eseguono senza sforzo – come scorrere, trascinare, zoom ; devono aiutare i figli a diventare soggetti responsabili nella navigazione online; contenuti potenzialmente inappropriati che visualizzi in Esplora, Cerca, Reels e nei consigli nel feed; l'utente dialoga con digital humans animati da AI; fa parte del processo di machine learning* (выделение курсивом и полужирным шрифтом здесь и далее наше, выделены только англицизмы, относящиеся к указанной категории. – Т. Т.).

Итальянский язык при заимствовании слов английского происхождения прибегает также к семантическому калькированию. Этому, в значительной мере, способствует наличие в обоих языках внешне идентичных слов, например, *accesso* (англ. *access*), *applicazione* (англ. *application*), *contenuto* (англ. *content*), *connessione* (англ. *connection*), *piattaforma* (англ. *platform*), *protocollo* (англ. *protocol*), *rete* (англ. *network*), *sito* (англ. *site*), *scaricare* (англ. *download*), *tema* (англ. *theme*), например, *offrono agli utenti strumenti per personalizzare e controllare i contenuti; connessione via cavo al modem; garantisce una connessione stabile e veloce; è compatibile con tutte le piattaforme per la smart home; l'utente deve aprire l'applicazione Whatsapp; aumenta l'uso di siti e app; mentre diminuisce l'utilizzo per scaricare moduli; supporta infatti i protocolli Zigbee e Thread.*

Словообразовательное калькирование применяется при заимствовании слов, являющихся словосочетаниями в английском языке, например, *commercio elettronico* (англ. *electronic commerce*), *intelligenza artificiale* (англ. *artificial intelligence*), *verifica in due passaggi* (англ. *two step verification*), *servizio di messaggistica istantanea* (англ. *instant messaging service*), *piattaforma di condivisione* (англ. *sharing network*), например, *L'intelligenza artificiale non è una moda e non è una bolla; proteggere gli account degli utenti attraverso un sistema di verifica in due passaggi; utilizzano servizi di messaggistica istantanea; guarda video su piattaforme di condivisione; Il commercio elettronico continua a espandersi.*

В ряде случаев в итальянском языке переводится только один из компонентов сложного слова или словосочетания, а другой сохраняется, такие заимствования являются полукальками, например, *profili social* (англ. *social profiles*), *piattaforme social* (англ. *social platforms*), *crittografia end-to-end* (англ. *end-to-end encryption*), *servizi cloud* (англ. *cloud services*), например, *non sta a significare che i nostri profili social; e piattaforme social hanno chiuso l'accesso ai dati; Whatsapp ha implementato altre funzionalità di sicurezza, come la crittografia end-to-end; come provider di email, servizi cloud, servizi di messaggistica con differenti livelli e sistemi di criptazione; abbonamenti a piattaforme di streaming*

Следует отметить, что в итальянский язык проникают не только слова и словосочетания, но и различные типы сокращений, например, *app* (англ. *app[lication]*), *Mbps* (англ. *Megabit per second*), *Sim* (англ. *SIM (subscriber identity module)*), *Wi-Fi* (англ. *Wi-Fi (wireless fidelity)*), например, *dispositivi per creare una rete Wi-Fi uniforme; grazie all'app, disponibile per Android e iOS; per questa nuova mania che sta infiammando le GPU dei server; identificazione del titolare Sim; Con streaming video 4K, download e decine di apparecchi connessi simultaneamente.*

Некоторые англицизмы используются в итальянском языке в виде прямого заимствования и структурной кальки, что отражает, с одной стороны, типичную для итальянского языка тенденцию сохранить исконную материальную оболочку прототипа заимствования, а, с другой, стремление использовать более прозрачную с семантической точки зрения и более привычную с точки зрения формы лексическую единицу, например, *approccio scientifico per lavorare sull'assistente vocale più popolare al mondo – Lo smart speaker è sempre in ascolto; Ogni unità Eero Pro 7 funge anche da hub per la smart home – possono integrarsi con gli assistenti vocali Echo per controllare la casa intelligente tramite comandi vocali <...>Eero Pro 7 diventa così la spina dorsale della smart home.*

В текстах встречается разное количество англицизмов, например, в следующем отрывке текста полужирным шрифтом мы выделили все заимствования из английского языка, они представлены всеми выделенными выше типами заимствований: *aggiorna subito il firmware dei dispositivi è possibile regolare impostazioni WAN/LAN, configurare una rete ospiti, modificare SSID e password, attivare un tema scuro/chiaro e anche impostare l'intensità del LED di stato. Molte le funzionalità avanzate, come le limitazioni per specifici dispositivi o il DNS; per alcune, come la VPN.*

Проведенное исследование показало, что итальянский язык активно заимствует лексические единицы, как имена собственные, так и имена нарицательные, из английского в области компьютерных и информационных технологий. Основной причиной заимствования является потребность в наименовании новых предметов, понятий, процессов. Функционирование в текстах различных типов заимствования – прямого, семантических и структурных калек, полукалек – свидетельствуют о том, что итальянский язык не только использует готовое слово, но и прибегает к внутренним ресурсам для усвоения иноязычного материала.

Круглый стол
«КОНСТАНТНОСТЬ И ВАРИТИВНОСТЬ ЕДИНИЦ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА
В СОВРЕМЕННЫХ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ»

Л. Г. Бондарчук

**МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ
ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ**

В основе номинации новых предметов, объектов находятся два основных процесса: интеграция и гибридизация, которые в настоящее время являются ключевыми почти в любом пространстве: политическом, экономическом, социальном и многих других, в том числе и лингвистическом. Суть первого, с философской точки зрения, состоит в том, чтобы максимально воздействовать все уже достигнутое путем соединения, объединения, достижения единства с компонентами, ранее существовавшими отдельно (Философский словарь). Под интеграцией в социолингвистике понимается процесс увеличения, объединения тех или иных социально-языковых общностей и языковых явлений (Словарь лингвистических терминов Т. В. Жеребило). В лингвистическом плане путем интеграции единиц разных языковых уровней была создана обширная база номинативных ресурсов, позволяющих «справляться» с потребностями доглобализационного этапа развития общества. Данный словообразовательный фонд является классическим, одноязычным.

В эпоху глобализации повысился интерес к языковым «контактам», в том числе и словообразовательного плана, что значительно расширило арсенал неологии; появились новые номинационные запросы и возможности их реализации, связанные с привлечением иностранных средств словообразования, в основе которых находятся следующие факторы. Во-первых, возникли и возникают общие для многих стран ранее неизвестные или несуществовавшие явления, как национального, так и интернационального уровня, которые стало более «выгодно» именовать, используя, кроме исконных словообразующих элементов, «строительный материал» другого языка. Вторым фактором, мотивирующим внимание к иностранным словообразовательным формантам, стала утрата литературоцентричности в неологии, так называемая «демократизация» языка, согласно которой каждый пользователь Интернета может, комбинировать исконные и заимствованные словообразовательные средства, которые быстро получают высокую частотность благодаря современным возможностям Интернета. Наконец, слово стало рассматриваться как лингвокреативный продукт, при создании которого не обязательно используются традиционные единицы морфологического уровня данного языка, но словообразовательные заимствования из других языков, и даже знаки других семиотических систем, то есть в лингвистической прак-

тике широкое распространение получила гибридизация. Данный феномен в общем плане понимается как скрещивание генетически различных особей, приводящее к образованию гибридов с новыми наследственными свойствами (Современная энциклопедия). Проецируя вышеприведенное определение на словообразование, получаем следующее определение языковой гибридизации: это процесс, в котором для создания нового слова, лексического гибрида, взаимодействуют морфологические форманты языка принимающего языка и языка-донора, то есть речь идет о морфологическом заимствовании. Обращаем внимание на отличие гибридизации от интеграции, в результате первой у гибрида появляются новые значения, которые не есть просто сумма значений объединенных формантов.

Отметим, что данный способ формирования слов существовал всегда; в качестве иностранных источников преимущественно для образования научных терминов чаще всего использовались греческий и латинский языки. В связи с вышесказанным различают гибридизацию синхроническую и диахроническую. В качестве примера последней может выступить слово *vieillard* ‘старик’, при создании которого некогда был использован германский суффикс *-ard*.

Исключительная востребованность гибридизации в XXI веке именно в морфологической неологии объясняется, на наш взгляд, следующими причинами: 1) в ситуации позиционирования английского языка как *lunga franca* появилась возможность использовать его номинационные ресурсы в других языках, что обеспечивает узнаваемость и общность неологизмов в разных языках, например, *remastériser* ‘оцифровать звуковой или видеодокумент, изначально записанный в аналоговой форме’; 2) «высокий спрос» на обсуждаемый феномен фиксируется особенно в научных сферах, в терминологии с целью экономии времени на перевод, что улучшает взаимопонимание; 3) морфологические гибриды имеют иную степень информативности, которую привносят заимствованные словообразовательные форманты, например, гибрид *bronzing* ‘бронзирующая пудра, которая придает лицу загорелый оттенок’ отличается по смыслу от однокоренных исконных французских слов *bronzant* продукт, ускоряющий загар, защищающий от солнечных ожогов и *bronzage* ‘процесс загорания на солнце’ 4) гибридные неологизмы способны выражать различные коннотации, например *kitchenette* ‘кухонька’; 5) для гибридных новообразований характерны «компактные» формы, что отвечает закону экономии лингвистических средств, например, *wokisme* ‘идеология, сосредоточенная на вопросах равенства, справедливости и защиты меньшинств’.

Сформулированное выше определение морфологической гибридизации, в результате которой создаются слова-гибриды, то есть неологизмы, в некоторых исследованиях переносится и на другие словообразовательные процессы, например, на телескопию (B. Tosovie, A. Wonisch, 2016), в которой участвуют два слова, полные или частично модифицированные и которые рассматриваются как квазиморфемы. По нашему мнению, в отличие от

гибридизации в телескопии осуществляется интеграция двух концептов, которые объективированы взаимодействующими словами; семантика телескопного слова содержит семы двух слов; в результате образуется семантический комплекс с новыми означающим и означаемым – неологизм: например, *mo-tor + hotel = motel*. Для создания лексического гибрида используются два других механизма: деривация и заимствование. Так, для образования слова *surbooking* ‘коммерческая практика, которая заключается в продаже по предварительному заказу большего количества мест (транспорт, шоу, размещение), чем фактически имеющееся в наличии’ использованы французский префикс *sur-* + английское слово *booking* ‘бронирование’. В результате получилось новое означающее, что касается означаемого, то оно осталось в том же таксономическом разряде процессов, что и заимствованное слово *booking*. Еще раз обращаем внимание на «экономность» формы гибрида. К лексическим гибридам относят также объединение вербальных знаков с единицами других знаковых систем, например, *L@uren!brill@nt* ‘Лоран великолепный’; *Yakelk1? = Y a quelqu'un?* ‘Есть кто-нибудь?’, рассматриваемые как кодографические неодериваты или проявления лингвокреативности (A. Giaufret, 2007), продукты которой очень многочисленны, особенно в сетевом общении и список которых остается открытым. С данной позицией трудно согласиться, поскольку лексическая гибридизация есть системное свойство языка, осуществляемое при помощи системных единиц морфологического уровня двух языков. Системный характер лингвокреативных единиц находится в фокусе активной полемики, особенно спорными являются продукты авторской креативности. Есть также предложение включать в морфологическую гибридизацию только корни и считать гибридом слово, составленное из элементов, происходящих из корней разных языков (J. Kortas, 2009). Выдвигается также идея убрать из определения слов-гибридов заимствования морфологических формантов (что на наш взгляд, есть основной показатель современной гибридности) и заменить их на деривационные элементы разной этимологии (A. SH. Nessipbay, G. N. Abikenova, 2023), в результате чего дефиниция сразу же становится многозначной, неточной, поскольку возникает вопрос, что понимается под разной этимологией. Отмечаем также разногласия по соотношению синхронии и диахронии в гибридном словообразовании. Существует предложение относить к гибридам только синхронные гибридные лексемы; образования, в которых в качестве иноязычных элементов использованы уже адаптировавшиеся заимствования, не считаются гибридными лексическими единицами (J. Kortas, 2009).

Проведенный обзор мнений, касающихся разных сторон морфологической гибридности (прежде всего речь идет об определении самого процесса морфологической гибридизации, а также о количестве и грамматической природе формантов, о типах морфологических заимствований, участвующих в образовании слов-гибридов), свидетельствует о чрезвычайной актуальности обсуждаемого феномена. Решение существующих проблем

осложняется тем фактом, что вовлечение в процесс гибридизации заимствованных морфологических элементов, с одной стороны, расширяет номинационные возможности, а с другой – увеличивается количество создаваемых слов-гибридов, среди которых есть как и окказионализмы-«однодневки», так и неологизмы, требующие лексикографической обработки.

Л. А. Грачева

ФРАНЦУЗСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ О ДВОЙСТВЕННОСТИ ЛЮБВИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Любовь относится к универсальным концептам высшего уровня, различные аспекты которого раскрываются в пословицах, так как пословицы отражают менталитет народа, его мировоззрение и ценности. Пословицы раскрывают многогранность концепта «любовь», противоречивость внутреннего мира человека и испытываемых им чувств, и прежде всего, чувства любви.

Одно из самых глубоких и универсальных чувств, которые присутствуют в культуре разных народов – родительская любовь. Она олицетворяет безусловную поддержку и связь родителей и детей: *L'amour maternel est un lien éternel* ‘Любовь матери – вечная связь’. *L'amour d'un père est un roc solide* ‘Любовь отца – надежная скала’. Вместе с тем, чрезмерная и всепрощающая любовь может нанести вред как родителям, так и детям: *Enfant par trop caressé, mal appris et pis réglé* ‘Слишком заласканный ребенок плохо воспитан, а еще хуже управляем’.

Любовь является основой брака, поэтому понятия «любовь» и «брак» часто взаимосвязаны, а супруги представляют собой одно целое: *Mari et femme ne font qu'un corps* ‘Муж и жена составляют одно целое’. Вместе с тем, при выборе мужа и жены мало руководствоваться только любовью: *Qui se marie par amours a bonne nuits et mauvais jours* ‘У тех, кто женится по любви, бывают хорошие ночи и плохие дни’. Брак может привести к потере любви: *Amours qui commencent par anneaux finissent souvent par couteaux* ‘Любовь, которая начинается с колец, часто заканчивается ножами’.

В сознании французов существует тесная связь между такими, казалось бы, противоположными чувствами, как любовь и ненависть: *Entre l'amour et la haine il n'y a qu'un pas* ‘Между любовью и ненавистью только один шаг’. По своей силе и социальной роли ненависть не уступает любви и иногда воспринимается как ее составная часть: *Dans la haine, il y a de l'amour caché* ‘В ненависти скрыта любовь’. Ненависть – опасная сила, которая может привести к негативным и разрушительным последствиям, но любовь способна преодолеть все преграды, даже самую сильную ненависть: *L'amour triomphe de tout, même de la haine* ‘Любовь побеждает все, даже ненависть’.

Любовь и дружба – это две ключевые темы, которые занимают одно из главных мест в культуре разных народов. В представлении французов дружба приносит пользу, а любовь может причинить вред: *L'amitié est toujours profitable, l'amour est parfois nuisible* ‘Дружба всегда полезна, а любовь иногда вредна’. Если дружба может перерости в любовь, то любовь редко заканчивается дружбой: *L'amitié finit parfois en amour, mais rarement l'amour en amitié* ‘Дружба иногда превращается в любовь, но редко любовь – в дружбу’. Любовь и дружба рассматриваются даже как чувства взаимоисключающие: *L'amour et l'amitié s'excluent* ‘Любовь и дружба взаимоисключают друг друга’.

Деньги, как и любовь, являются одним из ключевых концептов любого общества. В пословицах часто утверждается, что бедность может привести к разрушению отношений, основанных на любви: *Lorsque la faim est à la porte l'amour s'en va par la fenêtre* ‘Когда бедность входит в дверь, любовь вылетает в окно’. Хотя с помощью денег нельзя купить настоящую любовь, они могут способствовать ее возникновению, о чем с юмором говорится в следующей пословице: *Si l'argent n'achète pas l'amour, ça facilite nettement les négociations* ‘Если деньги не могут купить любовь, они определенно облегчают переговоры’. Отсутствие материальных благ не всегда является препятствием для любви. Истинная любовь не зависит от внешних обстоятельств, таких как социальное положение или материальное благосостояние: *L'amour est plus fort que la pauvreté* ‘Любовь сильнее бедности’. *L'amour égalise toutes les conditions* ‘В любви все равны’.

Несмотря на то, что нет точного ответа, является ли ревность проявлением страстной любви и/или собственнических отношений, эти понятия часто взаимосвязаны. Ревность может разрушать любовь: *La jalouse éteint l'amour comme les cendres éteignent le feu* ‘Ревность гасит любовь, как зола гасит огонь’. Она часто ассоциируется с тиранством и подавлением: *La jalouse est le tyran du royaume des amours* ‘Ревность – тиран в королевстве любви’. Вместе с тем, существуют пословицы, которые указывают на то, что любовь и ревность неразделимы, и ревность является доказательством любви: *La jalouse est la soeur de l'amour* ‘Ревность – сестра любви’. *Il n'y a point d'amour sans jalouse* ‘Без ревности не бывает любви’.

Истинная любовь даже при физическом отдалении остается непоколебимой: *La distance rend le cœur encore plus fort si l'amour y brûle* ‘Расстояние делает сердце еще сильнее, если в нем горит любовь’. *L'amour et la séparation sont les deux faces d'une même médaille* ‘Любовь и разлука – две стороны одной медали.’ *Il n'y a pas de distance qui puisse séparer un amour véritable* ‘Нет расстояния, которое могло бы разлучить истинную любовь.’ Однако есть и негативное восприятие расстояния, когда утверждается, что разлука может стать препятствием для любви и ослабить чувства: *L'absence est l'ennemi de l'amour* ‘Разлука – враг любви’.

Пословицы тематической группы «любовь и возраст» выражают различные аспекты отношений между любовью и возрастом. Существует множество пословиц, в которых утверждается, что люди способны любить в любом возрасте, для истинной любви не существует возрастных ограничений: *L'amour est de tous les âges* ‘Любви все возрасты покорны’. *L'amour n'a pas d'âge* ‘У любви нет возраста’. Вместе с тем, именно молодость часто считается лучшим временем для любви. Молодежь всегда жаждет любви в своей жизни: *Il n'y a ni samedi sans soleil ni jeune fille sans amour* ‘Нет ни субботы без солнца, ни молодой девушки без любви’. Высказывается даже мнение, что любовь приемлема для молодых людей, но может принести позор и унижение для старших поколений: *L'amour sied bien aux jeunes gens et déshonore les vieillards* ‘Любовь подобает молодым и бесчестит стариков’. Любовь не всегда долговечна, в некоторых пословицах подчеркивается ее временный и мимолетный характер, как в молодости, так и в старости: *L'amour d'une jeune fille c'est un feu de paille, il n'en reste ni charbon ni braise* ‘Любовь молодой девушки – словно костер на соломе, не остается ни угля, ни ветки’. *L'amour de vieux ne dure guère* ‘Любовь старика длится недолго’. Вместе с тем, старые любовные связи могут сохранять свою силу и значимость даже с течением времени: *Vieilles amours et vieux tisons s'allument en toutes saisons* ‘Старая любовь и старые угли загораются в любое время года’. С возрастом любовь может укрепляться и становиться более глубокой и прочной: *L'amour grandit avec l'âge* ‘Любовь растет с возрастом’. Кроме того, с возрастом приходит не только мудрость, но и более глубокое понимание любви: *Avec l'âge vient la sagesse et l'amour* ‘С возрастом приходят мудрость и любовь’.

Внешность человека, его физический облик, играют важную роль в нашей жизни, но далеко не всегда являются определяющим фактором любви. Истинная сущность любви часто заключается в том, какую эмоциональную реакцию она вызывает у нас: *La plus belle apparence est celle qui rayonne d'amour* ‘Самая красивая внешность – та, которая излучает любовь’. Именно любовь помогает обнаружить и раскрыть внутреннюю красоту человека, не зависящую от внешности: *L'amour rend toute apparence belle* ‘Любовь делает любую внешность прекрасной’. Хотя внешняя красота может привлечь внимание, постоянство отношений зависит от глубоких эмоциональных связей: *La beauté attire le regard, mais c'est l'amour qui retient le cœur* ‘Красота привлекает взгляд, но удерживает сердце любовь’. Настоящая красота человека проявляется в его способности любить и проявлять заботу и внимание к другим людям: *La beauté d'une personne se révèle à travers l'amour qu'elle donne* ‘Красота человека проявляется через любовь, которую он дарит’.

Таким образом, можно сделать вывод, что во французской лингвокультуре любовь часто рассматривается как чувство амбивалентное, связанное как с положительными, так и отрицательными переживаниями, эмоциями и отношениями. Двойственный характер любви чаще всего

проявляется в использовании пословиц, входящих в тематические группы: «любовь и родственные узы»; «любовь и брак»; «любовь и ненависть»; «любовь и дружба»; «любовь и деньги»; «любовь и ревность»; «любовь и расстояние»; «любовь и возраст»; «любовь и внешность».

А. М. Дудина

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ МАРКИРОВАННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ФРАНЦУЗСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Фразеология языка – это ценнейшее лингвистическое наследие, в котором отражается картина мира, национальная культура, обычаи и верования, фантазия и история, а также национальный характер и духовное богатство говорящего на нем народа. Фразеологизмы обретают роль своеобразных стереотипов, так как в языке закрепляются именно те образные выражения, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами и воспроизводят национальный менталитет. Пословицы, составляющие неотъемлемую часть фразеологии, можно признать национальным богатством народа, так как в них отражены его мудрость, его наблюдательность к окружающей среде, общественно социальной жизни человека.

К основным признакам фразеологической единицы принято относить: известность выражения в данном языке; его регулярная повторяемость в речи; устойчивость; раздельнооформленность, то есть представленность фразеологизма как минимум двумя компонентами; семантическая целостность; воспроизводимость уже в готовом виде (В. В. Виноградов, 1993).

В фокусе нашего внимания – исследование фразеологизмов французского и русского языков, ориентированных на презентацию гендеров. Принадлежность к тому или иному полу определяет отношение общества к мужчинам и женщинам, поведение языковой личности, стереотипные представления о мужчине и женщине, качествах. В корпус фразеологических единиц (ФЕ), в состав которых вошли и пословичные фразеологизмы, представляющих концепт *женщина* во французском и русском языках, составили те, что включают лексемы *femme*, *mère*, *fille*, *épouse* во французском языке и *жена*, *мать*, *баба*, *дочь* – в русском. Корпус фразеологических единиц, в значении которых реализуется концепт *мужчина*, представлен теми, в состав которых лексические единицы *homme*, *père*, *mari*, *fils* во французском языке, *муж*, *отец*, *мужик*, *сын* – в русском.

Классификация ФЕ обоих языков по их тематике и содержанию на основе данных лексикографических словарей (О. С. Ахманова, 2004; В. Г. Гак, 2006; В. И. Даль. 2021; D. Péchoin, 1995, D. Rey, 1987) показывает, что положительно оценивается женщина, которая представлена как замужняя женщина (*жена*) и *мать семейства* (*mère de famille* ‘мать семейства, замужняя’; *femme au foyer* ‘домохозяйка’; *La femme est la clef du ménage* ‘Жена – ключ семейного

очага'; *Добрая жена дом сбережет, а плохая рукавом разнесет*), а также как *символ красоты и изящества*. Последняя характеристика особенно высоко ценится и восхваляется французами, она играет немаловажную роль при выборе спутницы жизни (*Les femmes sans charme sont comme les poètes qu'on ne lit pas* 'Женщина без шарма – поэт, которого не читают'). Однако физическая красота женщины может оцениваться и негативно: *Belle femme, mauvaise tête* 'красивая жена, дурная голова'. В русском фразеологическом фонде при оценке женщине в первую очередь внимание уделяется не ее физической привлекательности, а моральным и духовным качествам, что явствует из примеров: *Выбирай жену не по наряду, а по уму; Жена красавица – слепому радость*.

В пословичном фонде французского и русского языков широко представлены ФЕ, характеризующие женщину с отрицательной стороны. Так в обоих языках высмеиваются такие негативные черты женщин как *болтливость* (*La femme a plus de langue que de tête* 'Разговорчивость – женская слабость'; *Бабу не переговоришь*); *плохой характер* (*La femme est à l'homme un orage domestique* 'Жена для мужа – гроза в доме'; *В людях – ангел, не жена, дома с мужем – сатана*); *непостоянство* (*Souvent femme varie* 'Женская любовь непостоянна'; *Девичьи (женские) думы изменчивы*).

Что касается неотъемлемых атрибутов мужчины, нашедшего отражение во фразеологии французского и русского языков, то их анализ демонстрирует достаточно неоднозначное отношение к представителям «сильного» пола. При этом, во французском языке лексема *homme* относится как к указанному гендеру, так и к человеку вообще, к любому представителю человеческого рода. За мужчиной традиционно закреплены следующие положительные характеристики: *глава, представитель сильного пола* (*homme bronzé* 'бесстрашный человек'; *agir en homme* 'действовать как мужчина'; *À homme vaillant courte épée* 'Храброму длинная шпага не нужна') и *муж, отец* (*Tel père, tel fils* 'Каков отец, таков сын'; *За мужиной спиной, как за каменной стеной*).

Необходимо отметить разное отношение французского и русского народов к внешности мужчины. У русских красота для мужчины не так важна, как для женщины. Этот стереотип реализуется посредством следующих пословиц: *Ум женщины в ее красоте, красота мужчины в его уме; Мужчина немного казистее черта – красавец*. Французы же восхваляют мужскую красоту ничуть не меньше, чем женскую: *beau comme Apollon* 'красив как Аполлон'; *un beau brin d'homme* 'высокий, крепкий, статный мужчина'; *beau comme un Dieu* 'хорош как Бог'.

Рассмотрим, какие ФЕ характеризуют мужчину с отрицательной стороны. Отметим, что отрицательные качества зачастую сопутствуют положительным, ведь недаром говорят, что не существует идеального человека. Негативная характеристика представлена следующими характеристиками: *глупость* (*homme jugé* 'недалекий', *De sot homme sot songe*

‘У дурака и сны глупые’; *Глупому сыну не в помощь богатство*); скупость, жадность (*père aux écus* ‘богатый скряга’, *Homme chiche n'est pas riche* ‘Скупой богач беднее нищего’; *Туг мешок, да скуповат мужичок*); жестокость, суровость (*homme de bronze* ‘жесткий, суровый человек’; *C'est un homme qui ne se hausse ni se baisse* ‘Это хладно-кровный человек’; *Бей жену к обеду, а к ужину опять*; *Чем больше жену бьешь, тем щи вкуснее* (отметим, что подобное отношение к жен-щине считается недопустимым во французской культурной традиции, чем объясняется отсутствие паремий с указанным значением); слабость (*père la colique* ‘трус’; *être une femme* ‘быть слабаком’); *В старые годы бывало – мужья жен бивали, а ныне живет, что жена мужа бьет*).

Таким образом, фразеологизмы, репрезентирующие гендерные стереотипы, составляют значительную часть фразеологического корпуса французского и русского языков, о чем свидетельствуют количественные данные. Настоящее исследование выполнено на материале 184 ФЕ с гендерным компонентом: 103 – ФЕ французского языка и 81 русского. Во французском языке было выявлено 39 ФЕ, описывающих женщин (38 % от общего числа) и 42 ФЕ, описывающих мужчин (41 %); 22 (21 %) ФЕ используются применительно к обоим гендерам. Во французской фразеологической картине мира женщина положительно представлена в первую очередь как жена и хранительница очага, в русской же фразеологии положительная характеристика дается ей прежде всего как матери семейства. Красота воспринимается французским и русским народами как амбивалентная характеристика. ФЕ подтверждают важную роль мужчины-главы семьи и представителя сильного пола в обеих лингвокультурах.

Многие фразеологизмы имеют парные эквиваленты в обоих языках, что подтверждает мысль о том, что гендерные различия не установлены природой, а определяются самим человеком и обществом в целом и являются конструктором культуры, изменяясь вместе с ней по мере развития социума.

А. М. Дудина, О. О. Мацкевич

СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ЭКСПРЕССИВНОСТИ ФРАНЦУЗСКОГО ПЕСЕННОГО ТЕКСТА

В фокусе настоящего исследования – анализ средств экспрессивности, используемых в текстах современного французского рэпа. Этот музыкальный жанр привлекает внимание тем, что поднимает острые социальные вопросы, актуальные для широкой аудитории. Под экспрессивностью понимается «совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка, которые обеспечивают ее способность выступать в коммуникативном акте как средство субъективного выражения отношение говорящего к содержанию или адресату речи» (Л. П. Крысин, 2004).

Эмоционально насыщенные тексты, как правило, служат для выражения чувств, настроений и эмоций и вызывают яркий отклик у слушателей. Так, в рэп-музыке экспрессивность становится инструментом, который помогает удерживать внимание аудитории и способствует вовлеченности слушателей. Материалом для настоящего исследования послужили композиции французского рэп-дуэта PNL (Peace'n'Love).

Лексическими средствами выражения экспрессивности принято считать просторечия, сленг, заимствования, жаргонизмы и фразеологизмы (ЛЭС, 2002). Обратимся к примерам, где авторы-исполнители PNL используют сленг, который является неотъемлемой частью рэп-композиций, отражает дух и бунтарские настроения молодежи, ее мировоззрение, способствует сближению с целевой аудиторией. В отрывке: *Je prends mes tunes j'rentr à la casa* ‘Я беру свои деньги, я возвращаюсь домой’ («J'comprends pas»), – используется сленгизм *tunes* ‘деньги’. В этой же композиции встречаем сленгизм *teh* ‘марихуана’: *Ce soir je fume un gros gros teh* ‘Сегодня я курю большую толстую сигарету с марихуаной’. Довольно часто PNL в своих треках используют сленгизм *igo*, что значит ‘бро’: *Igo j'suis dans mon bat* ‘Бро, я знаю свое предназначение’ («Lala»), а также *odo*, что переводится как ‘нюхать (кокаин)’: *Quand j'fais l'odo j'fais peur au robinet* ‘Когда я нюхую кокаин, я (букв.) пугаю кран (им. в виду – мне становится очень плохо, меня тошнит)’ («Lala»). Очевидно, что подавляющее большинство сленгизмов связаны с «темной», маргинальной стороной жизни молодых людей, зачастую неспособных противостоять вызовам современного общества, оказавшихся на обочине жизни.

Особо следует остановиться на неотъемлемой части современного молодежного языка, каким предстает *верлан* («язык наоборот»). Рэп-исполнители используют этот пласт лексики в своих текстах для того, чтобы завоевать доверие молодежной аудитории. Обратимся к примерам: *Faut du biff dans tes che-po, prend des risques faut des euros* ‘Тебе нужны деньги в карманах, рискуй, тебе нужны евро’ («La petite voix»), – где встречается верланизм *che-po*, образованный путем инверсии слов от существительного *poche* ‘карман’. В следующем примере используется верланизм *tail-dé* ‘деталь’, образованный от существительного *détail* путем перестановки слов: *Et je vais tous les khabat si je vends mon cœur en tail-dé* ‘И я совсем не в себе (им. в виду – под воздействием наркотиков), если продаю свое сердце по кусочкам’ («J'comprends pas»). Верланизм *mif* (от *famille* ‘семья’) также часто встречается в композициях PNL: *Tout pour la mif* ‘Все для семьи’ («Différents»). В этой же композиции встречаем *reus* (от *soeur* ‘сестра’): *Dire au gosse à sa reus fais la bise à papa* ‘Сказать малышу, его сестре, чтобы она поцеловала папу на прощание’ («Différents»). Очевидно, что использование верланизированной лексики позволяет рэп-исполнителям говорить с молодежью на одном языке, «быть на одной волне» и «быть в тренде».

Фразеологизмы также играют важную роль в текстах рэп-композиций, добавляя тексту выразительности и оригинальности. Рэперы часто прибегают

к данному средству создания экспрессивности, чтобы усилить эмоциональное воздействие на аудиторию. Кроме того, фразеологизмы отражают национальный характер и своеобразие французского языка, поскольку зачастую не имеют буквальных эквивалентов в других языках. Так, используемое в следующем отрывке устойчивое выражение *avoir le cafard* (букв. ‘иметь таранку’) используется в значении ‘быть в депрессии, тосковать, чувствовать себя подавлено’: *Je suis comme le bas de mon bâtiment, j'ai tous les jours le cafard* ‘Я словно основание постройки, я каждый день хандрю’ («J’comprends pas»). В другом отрывке: *Tantôt j'tue l'temps tant, tantôt c'est l'temps qui m'kill* ‘Иногда я так убиваю время, а иногда оно убивает меня’ («Différents»), – фразеологизм *tuer le temps* (досл. ‘убивать время’) передает внутреннее переживание, экзистенциальный кризис певца – его тщетную борьбу с ускользающим временем.

Рассмотрим, как представлены в текстах рэп-композиций данного дуэта некоторые *стилистические* средства создания экспрессивности, к числу которых традиционно относят метафору, метонимию, иронию, гиперболу, литоту, олицетворение, аллегорию, эпитет, аллюзию, антитезу (ЛЭС, 1990). Так, *метафора* помогает музыкальным исполнителям превращать сложные идеи в яркие, запоминающиеся образы, делают текст песен более образным и запоминающимся. Например, в отрывке: *J'fais pas la fête, le cœur est noir* ‘Я не праздную, мое сердце черно’ («Lala»), – PNL использует классическую метафору тьмы, поглотившей внутренний свет человеческой души. Черный цвет символизирует отсутствие надежды, апатию.

Во французском рэпе активно используются *эпитеты*, благодаря которым текст рэп-композиции становится более насыщенным и точным. Например: *Ce chemin étroit et sombre me séduit* ‘Этот узкий и темный путь соблазняет меня’ («J’comprends pas»), – где используемые эпитеты создают атмосферу рокового влечения, которому сложно противиться. Именно они описывают образ жизни исполнителя песни, который с каждым днем становится все более аморальным.

К *синтаксическим* способам выражения экспрессивности относятся инверсия, сравнительные конструкции, восклицательные предложения, повторы, анафору, градация, синтаксический параллелизм (ЛЭС, 1990). Рассмотрим лишь некоторые из них. Так, например, в отрывке: *J'compte arriver comme un ancien, j'compte partir comme un ancêtre* ‘Я планирую приехать как старейшина, а уехать как предок’ («Gala gala»), – автор использует сравнительный оборот чтобы описать свое намерение прийти в музыкальную индустрию как старец, умудренный опытом, и запомниться как «предок» или «прадед», ставший легендой. В другом отрывке из этой композиции автор прибегает к сравнению: *Fragile comme la paix, m'oblige pas, d'humeur à mitrailler* ‘Я хрупкий, как мир, не принуждай меня стрелять’ («Gala gala»), – чтобы показать, насколько хрупок и уязвим его внутренний мир.

Как показывает анализ текстового материала, рэп-исполнители зачастую поднимают в своих композициях острые социальные проблемы, такие как

преступность, насилие, наркотики, безработица, одиночество. Используемые ими средства экспрессивности, некоторые из которых были описаны выше, позволяют представить мысль автора в понятной для молодежи (а именно она является целевой аудиторией музыкального рэп-текущего) форме, установить эмоциональную связь с ней через личные нарративы. Исследуемые языковые средства представляют собой не просто стилистический выбор, а продуманную коммуникативную стратегию, позволяющую эффективно доносить социально значимые послания до самой широкой аудитории.

Н. М. Токаревич

КАК В ЯЗЫКЕ ПОЯВЛЯЮТСЯ НОВЫЕ СЛОВА (на примере слова *boloss* во французском молодежном арго)-

Современный французский разговорный язык буквально «пестрит» модными сленговыми словечками и выражениями. Общение в молодежной среде порождает особый «молодежный язык», так называемый молодежный сленг. Молодежный сленг (*langue des jeunes*) – социолект людей в возрасте 9–24 лет, возникший из противопоставления себя не столько старшему поколению, сколько официальной системе. Распространен, в основном, в среде городской молодежи (студентов и школьников) и в отдельных замкнутых группах.

Иногда, встречаясь с группой молодых людей, люди в возрасте за сорок лет не понимают речь молодежи. Такое явление свойственно молодежной среде любой страны. Чаще всего этот язык носит непринужденно-фамильярную форму, а иногда иронически-саркастическую по отношению к общественной среде. Несмотря на то, что последние несколько десятилетий исследователи проявляют интерес к молодежному сленгу, он оказывается на каждом новом этапе развития языка малоизученным в силу своего динамичного развития и активного, регулярного пополнения различными путями. Язык молодежи является важной и перспективной областью лингвистических исследований, так как исследования данного языкового явления помогает лучше понять те процессы, которые происходят в современном обществе. Французский молодежный сленг или арго представляет также интерес для исследования, являясь своего рода связующим звеном между литературным языком и ненормативными явлениями языка. Надо заметить, что язык молодежи, как и любую другую социолектную форму, необходимо исследовать с учетом особенностей данной социальной группы. Многие лингвисты упоминают о том, что арго французской молодежи – это так называемый секретный код, который позволяет общение на языке непонятном для других людей (родителей, преподавателей, полиции). Таким образом, функция молодежного арго совпадает с ролью арго преступников, которое всегда стремилось к обособлению от остального мира.

Таким образом, очевидно, что молодежная лексика сегодня наиболее быстро подвергается неологизации, которая постоянно меняет молодежный словарь. Необходимость изучения молодежного социолекта современной Франции связана не только с лингвистическими причинами, потому что сегодня именно молодежь трансформирует разговорную лексику французов, но и социальными причинами. Система молодежных культурных, эстетических, этических и социальных интересов молодежи отражается в языке молодежи. При исследовании молодежного социолекта необходимо также учитывать и демографическое положение страны, то есть присутствие большого количества мигрантов во Франции, особенно из стран Maghrib. Иммигранты из этих стран оказываются между двух языковых систем и культур – родной и французской. В результате смешения их родных наречий и языка принимающей стороны – французского разговорного языка, появляется некая смесь, существующая чаще всего на городских окраинах, где проживает большинство мигрантов. В результате такого явления появляется социолект, образовавшийся посредством смешения французского и арабского языков на территории Франции, причем элементы арабского заимствования употребляются в структуре французского языка в соответствии с его нормами (1). Использование также лексики африканских наречий, местных наречий и разнообразных арго способствует созданию своеобразной молодежной культуры, язык которой является ее символом. Еще одним немаловажным фактором является то, что несмотря на быстрое распространение новых сленговых выражений и языковых единиц и их проникновение в разговорную речь, молодежный жаргон остается понятным его носителям. Этот процесс объясняется сменой поколений, изменением потребностей, взглядов и привычек людей. По этим причинам каждое молодое поколение употребляет и даже создает новые слова, ранее неизвестные выражения, сохраняя «секретность» высказываемого и оставаясь непонятным для остальных людей. Французы говорят: *A chaque lieu son langage* ‘Каждому месту – свой язык’. Таким образом, анализируя современную молодежную лексику, лингвисты иногда сталкиваются со словами, происхождение которых неизвестно и трудно выводимо из этимологии других языков.

Примером такого трудно определяемого по происхождению слова является слово *boloss*. Проследим историю его появления во французском языке. При появлении этого слова, оно обозначало на арго клиента дилера наркотиков и переводилось как *Pigeon* в значении ‘кретин, идиот’. В последствии использование данного слова расширилось и изменилось. Сегодня *le Boloss* получило значение *nigaud, blaireau, nul* ‘глупец, дерьмо, ничтожество’. Причем орфография слова не закреплена и можно встретить различные варианты написания *Bolos, Boloss, Bollos*. Как же появилось это странное, а точки зрения орфографии слово? Многие авторы упоминают о том, что в 2003 году слово *le bolosse* не было известно французам.

Надо отметить, что наиболее характерной чертой языка французской молодежи является употребление верланизированной лексики, поэтому первая предложенная лингвистами версия: *Boloss* происходит от верланизированного слова *Lobos* жаргонного сокращения слова *lobotomisé* – 'мозг, подверженный лоботомии'. Вторая версия происхождения от слова *Salaud*, от его верланизированной версии *Lauss*, – 'негодяй' превратившейся в *Mon lauss*, потом *Beau lauss*.

Мы видим, что лингвисты находятся в затруднении относительно происхождения данного слова. Оно вызывает разногласия у двух корифеев орфографии: словарей *le Petit Robert* и *le Petit Larousse*, слово, которое используется, чтобы оскорбить или высмеять своего противника. Сегодня *le boloss* в словаре *le Petit Robert* ou *bолос* в словаре *le Petit Larousse* обозначают на арго 'клиент дилера, покупатель', которого распространители наркотиков называют *gogos* 'простаки', *jobards* 'простофиля', иначе говоря, *pigeon* 'идиот'. Слово быстро распространилось по парижским окраинам.

Таким образом, *Boloss* обозначает лицо, которое вызывает смех у окружающих: *Non, mais regarde comment il s'habille, il croit être à la mode! Quel boloss!* 'Ну, посмотри, как он одевается, он думает, что он модно одет! Какой идиот!' Это модное ругательство у молодежи, синоним *gros nul, ringard, bouffon, pigeon, victime* 'ничтожество, бездарь, шут, идиот, потерпевший, жертва'. Слово *bolosse, bolos* или «*boloss*» постепенно вошло в словарь улицы и стало использоваться даже в литературе и кино. Поэтому *болосс* означает не дурак, а ниггер, ничтожество, короче говоря, шут, как отмечает *le Petit Robert*. Картина, которую с насмешкой подхватит актер Жан Рошфор в очень ярких хрониках под названием *LES BOLOSS des belles lettres* 'Шуты художественной литературы'. 85 летний актер Жан Рошфор резюмирует в коротких видео романы французского литературного наследия используя язык молодежи *en langage d'jeun's*

Итак, в заключении можно сделать выводы о том, что язык молодежи находится в постоянном развитии, он почти ежедневно пополняется ежедневно лексемами и грамматическими структурами. Из-за использования молодежной лексики за рамками жаргона посредством музыки, кино, книг и средств массовой информации молодое поколение вынуждено изобретать и заимствовать новейшие языковые элементы, а наличие заимствований из цыганского, арабского и английского языков ведет к существенным нарушениям грамматики литературного языка.

Шабашева Л. А.

СЕМАНТИКА ПЕССИМИСТИЧЕСКОГО В НОВЕЛЛАХ МОПАССАНА

Личные переживания по поводу болезни и ухудшением физического, а затем и психического здоровья, обрушились на Ги де Мопассана в конце

80-х годов XIX столетия. Он стал страдать от прогрессивного паралича мозга, обстоятельства, которое усилило мрачное восприятие им мира, и которое, конечно, окрасило творчество в глубокие пессимистические тона.

Необходимо отметить, что творчество писателя с самого начала отличалось резко критическим восприятием действительности. Он раскрывал темы социальных контрастов, человеческой жестокости и безнравственности. Как известно, реалистическая тенденция достигла вершины в его романах «Une Vie» (1883) и «Bel-Ami» (1885), блестяще показавших социально-нравственные реалии того времени.

Позднее произведения становятся все более мрачными. В связи с ухудшающимся здоровьем он демонстрирует тоску и пессимизм. В последние годы жизни галлюцинации, депрессия и сильные головные боли диктуют писателю мотивы одиночества, неизбежности страданий и разочарования. Философский пессимизм его последних произведений наводит на мысль, что мир – это место, которое обрекает человека на борьбу и страдания, а буржуазное общество жестоко, бесчеловечно и низменно.

Среди наиболее пессимистических новелл Мопассана выделяются «La Parigie», 1884 – трагическая история, приведшая к разрушению жизни из-за тщеславия и случайности; «Le Baptême», 1884 – о несправедливости и жестокости судьбы; «L'armoîge», 1884, посвященная теме абсурдности человеческого существования; «La Revanche», 1884 – о двойственности человеческой натуры, вечном конфликте между мужчиной и женщиной, влиянии социального окружения на судьбу; «Confession d'une femme», 1882 – о перерождении чувства любви; «Le Testament», 1882, «Le rendez-vous», 1889, «Yvette», 1884 – новеллы, показывающие, что любовь, как любой товар, покупается и продается.

В рамках любовной тематики в новеллах Мопассана выделяется несколько семантических пластов – любовь как социально-культурное явление в широком смысле, привязанность не только к противоположному полу, и любовь как эмоционально-психологическая привязанность к противоположному полу.

В рамках первого пласта тематики определяются такие семантические компоненты как гуманизм, любовь к родине, природе, крестьянам, любовь к женщине-матери, а также порочная любовь к выгоде, карьере, власти. Собственно любовная тематика выделяет более специальные семантические пласти как сердечная привязанность, эротические ситуации, фривольные мотивы и адюльтер.

Второй пласт новелл, особенно на заключительном этапе творчества, проводит мысль о том, что в мире, где все подчинено материальным интересам, истинное чувство невозможно, темы предательства и разочарования в любви доминируют. Например, в новелле «La Revanche» любовь становится инструментом мести, а в «Confession d'une femme» повествуется о жестокой реальности ревности в отношениях.

С точки зрения психологии, пессимизм это не просто склонность видеть мир в мрачных тонах, но и способ мышления, который может быть связан с негативным опытом или даже биологическими факторами. У Ги де Мопассана пессимизм проявляется в виде постоянного критического отношения к окружающему миру, а также в склонности игнорировать позитивные моменты. Хотя писатель и видел любовь как источник счастья, он чаще показывал ее как причину страданий. В «Le Testament» и «Le rendez-vous» чувство разрушается социальными нормами и предрассудками. Философский пессимизм писателя касается природы человеческих эмоций и их места в обществе.

Мало-помалу к реалистическим пессимистическим элементам в текстах новелл писателя добавляются фантастические мотивы в виде семантики страхов и галлюцинаций, свидетельствующих об иррациональных расстройствах его сознания. Депрессивное состояние, связанное с влиянием болезни на разрушение мозга, особенно проявляется в новелле «Le Horla», в которой действует сверхъестественное существо из потустороннего мира (*hors-là*). Его навязчивое и угрожающее присутствие медленно разрушает идентичность главного героя подобно вампиру, высасывающему кровь жертвы, и подводит ее к сумасшествию.

Круглый стол
«ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ
В ПОЛИДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ»

Е. В. Денисова

**ЭВФЕМИЗАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ВЕРБАЛИЗАЦИИ
ТАБУИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ
В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

В каждом языке есть слова и выражения, которые в человеческом обществе не принято произносить на публике. Эти лексические единицы именуются языковым табу. В данной работе рассмотрим краткую историю происхождения табуированной лексики, под которой понимается экспрессивная, оценочно-выразительная лексика, исторически возникшая как нарушение табу, исследуются основные ее виды и на конкретных примерах показываются особенности функционирования «запретных» лексем в английском и русском языках. Особое внимание уделяется таким способам номинации табуированной лексики, как эвфемизация, метафоризация и метонимизация, которые помогают избежать прямого использования табуированных слов и выражений. В силу ряда исторических, экономических, политических, культурно-идеологических и других причин в коммуникацию мощным потоком вливается масса слов, употребление которых на определенных этапах существования человеческого общества считалось недостойным. Подобная лексика получила название табуированной. В XXI веке понятие языкового табу несколько сузилось. В разряд табуированной лексики лингвисты стали ставить обсценные, т.е. ненормативные, лексические единицы, к которым относятся бранные и матерные слова, грубые коллоквиализмы, вульгаризмы и другие вербальные феномены, семантика которых носит непристойный характер. Но обсценная лексика не является главным сегментом табуированной сферы. Семантическое поле табуированной лексики намного шире.

Истоки происхождения табуированной лексики следует искать в глубокой древности, когда считалось, что язык обладает особой, магической, силой – способен излечивать болезни, отгонять зло, приносить благосостояние, уничтожать тех, кто не с добром посетит твой дом. Поэтому предки современного человека использовали язык с осторожностью, а о вещах и явлениях, которые могли бы, по их мнению, навлечь беду, говорили завуалировано. Слово «табу» было заимствовано из тонганского языка, на котором говорят обитатели полинезийских островов. Оно переводится как «святой», «неприкасаемый» и номинирует предметы сакрального характера, к которым не только запрещено прикасаться, но запрещено даже говорить о них. Американские ученые под языковым табу понимают полный запрет использования слов и выражений, которые могут вызвать у собеседника

неприятные чувства и эмоции (беспокойство, тревогу, смущение, стыд, страх и т.п.) и на которые можно ссылаться только при определенных обстоятельствах, используя при этом синонимы, семантически близкие табуированной единице. Британские лингвисты под табуированным словом понимаются термин, которого избегают по религиозным, политическим, физиологическим или другим причинам и который в речи обычно заменяется эвфемизмом.

Единой классификации табуированной лексики не существует, но исследователи выделяют несколько групп таких лексических единиц: 1. Обсценная лексика, включающая: а) номинации социально табуированных частей тела и их производные; б) выражения, содержащие негативную и грубую экспрессию неодобрения, презрения, пренебрежения; в) номинации лиц, связанные с их негативными, с точки зрения интересов общества, деятельностью, занятиями, поступками, поведением. 2. Номинации физиологических процессов и мест их проведения. 3. Продукты выделительных процессов человеческого тела. 4. Болезни, смерть и убийство. 5. Сакральная лексика, включающая: а) названия религиозных обрядов и лиц, их совершающих; б) названия сверхъестественных существ, которым поклоняется человек; в) названия священных предметов и мест, где совершаются религиозные обряды. Во все времена отношение к табуированной лексике в обществе было отрицательным. Каждой эпохе соответствовала своя табуированная лексика. Так, когда Бернард Шоу в своей пьесе «Пигмалион» использовал слово *bloody*, а из уст героини романа Маргарет Митчелл «Унесенные ветром» вырвалось слово *dawn*, это вызвало широкий общественный резонанс. Теперь же данные лексемы не являются «запретным плодом» и их можно использовать не только в живой речи, но и в художественном творчестве, в публицистике и т.д. В России в дореволюционную эпоху подверглось табуированию большое количество лексических единиц. В своей поэме «Мертвые души» Н. В. Гоголь с юмором писал, что дамы города Н отличались необыкновенной осторожностью в выражениях и никогда не говорили: «я высморкалась», «я вспотела», «я плонула», а говорили: «я облегчила себе нос», «я обошлась посредством платка». Ни в каком случае нельзя было сказать: «этот стакан или эта тарелка воняет», а говорили вместо того: «этот стакан нехорошо ведет себя». Такие семантические замены лексики носят название эвфемизмов. В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова термин «эвфемизм», имеющий греческое происхождение (греч. *eu* – «хорошо» и *phēmī* – «говорю») определяется как «слово или выражение, заменяющее другое, неудобное для данной обстановки или грубое, непристойное». В «Кембриджском международном словаре английского языка» под термином “*euphemism*” понимается «такое слово или фраза, которые используются в речи вместо языковых единиц негативной коннотации, имеющих оскорбительный оттенок».

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что эвфемизм является словом или выражением мягкой или завуалированной коннотации, которое выступает в качестве замены грубого слова или выражения, неприемлемого для использования в цивилизованном обществе. Приведем

примеры семантической замены лексических единиц, входящих в некоторую табуированную лексику. В Великобритании и США не принято «открытым текстом» упоминать о дьяволе в силу того, что большинство англичан и американцев причисляют себя к наследникам христианской веры. В связи с этим дьявол (devil) получает такие эвфемистичные обращения, как “deuce”, “dickens”, “Oh, My”, “Golly”, “Gosh”. Тема смерти табуирована не только в англоязычном, но и в русском языковых сознаниях, что связано с суеверным страхом. Поэтому глагол to die англичане и американцы часто заменяют на выражения “to pass away”, “to be no more”, “to go to his reward”, “to answer the call of God”, “to go home”, “to have a better place”, “to depart”, “to go west”. Фразу “when I die” / «когда я умру» в англоязычных странах и в России заменяют на “If anything should happen to me” / «когда что-нибудь со мной случится». В русском языке глагол «умереть» часто заменяется такими идиомами, как «отдать Богу душу», «уйти в лучший мир», «закрыть глаза навеки», «приказать долго жить», «отправиться к праотцам», которые не всегда маркируются как эвфемизмы. Эвфемизации подвергаются и некоторые болезни. Так, медицинский термин “cancer” (рак) в английском языке имеет синоним “Big C”, а человека, больного раком, называют “terminally ill”, т.е. «неизлечимо больной». Так же обстоит дело и с болезнями психического расстройства. Упоминания о ментально больном человеке вербализуются в следующих выражениях: “He is not all there.” “She is a little eccentric / a little confused”, «не все дома», «пыльным мешком стукнутый», «Богом убитый», «лишься ума (рассудка)» и т.д. Причиной появления эвфемизмов в данном случае является тот факт, что умственные и физические недостатки вызывают чувство жалости, иногда отвращения. К наиболее продуктивным приемам эвфемизации деликатной темы в русском и английском языках относятся смысловые ассоциации по сходству, представленные метафорой. Поэтому понятия, обозначающие состояния или действия из области физиологии (отправление естественных потребностей, например), номинации нагого человека или беременной женщины сравниваются с миром природы: “to pay a call”, “a call of nature”, “in the straw”, “in a (the) family way”, “in nature’s garb”, “not a stitch on”, “in a state of nature”, “in one’s skin”; «в костюме Евы», «в чем мать родила», «в интересном положении» и т.п. В Англии человек, ищащий туалет, спрашивает незнакомых людей: “Where is the rest room?”, и те его понимают. В русском и в английском языках именно в микрогруппе «туалет, унитаз» представлено наибольшее количество эвфемизмов. Метафоры обоих языков, употребляемые для косвенного наименования унитаза, зачастую имеют одно и то же основание – белый цвет (указание на самый распространенный цвет унитаза). Например: в русском языке – белый друг, в английском – white telephone, miss White. Еще одним способом эвфемизации туалета в английском языке является метонимия. В качестве примера приведем самое популярное английское наименование туалета – chain. Для носителей других языков данный эвфемизм представляет определенную трудность в расшифровке: необходимо проследить связь

между туалетом (целым) и цепочкой, с помощью которой обычно приводился в движение смывной механизм унитаза (частью). В обоих языках в качестве косвенной номинации туалета также широко используются имена собственные: мужские и женские имена в английском языке (john, jack – для наименования мужского туалета, jane – для женского), имена с отчеством и просто отчества – в русском языке (Иван Иванович, Потапыч).

На формирование табуированной лексики в английском и русском языке оказали влияние социально-политические, исторические, культурные, этические и эмоциональные факторы. Поэтому состав табуированной лексики в обоих языках неоднороден. Несмотря на то, что в современных произведениях англоязычной и русской литературы и в прессе табуированная лексика приняла уже характер литературной нормы, общество к ней все еще не готово, для чего носители обоих языков прибегают к эвфемизмам. Эвфемизация – это единственный путь поведать о запретных вещах, о которых в обществе не принято говорить открыто. Данный прием во многих случаях становится средством языковой игры со смыслами, способом познания новых жизненных реалий.

А. О. Жукова

**ПРИНЦИПЫ ОТБОРА ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ**
(на базе предлогов английского языка)

Предлоги, образующие относительно замкнутый и, в сравнении со знаменательными частями речи, немногочисленный класс слов, являются собой многогранные единицы, чье значение определяется как контекстом их употребления, так и внутренней семантической структурой. Однако исследование этой внутренней мотивации сопряжено со значительными трудностями. Так, общее количество предлогов в английском языке варьируется, по разным источникам, от шестидесяти до ста пятидесяти и более единиц, что обусловлено различиями в критериях определения предлога и отнесения к этому классу слов единиц, демонстрирующих лексико-семантическую полисемию.

Выбор предлогов для дальнейшего анализа определяется целями конкретного лингвистического исследования и осуществляется на основе различных принципов. Например, для изучения явления многозначности в классе предлогов необходимо, прежде всего, установить, является ли конкретная единица однозначной или многозначной. В дальнейшем, из полученной выборки выделяются предлоги по признаку их происхождения (первообразные или непервообразные) и структуры (простые, сложные или составные). Общеизвестно, что первообразные простые предлоги демонстрируют наибольшую многозначность, что обеспечивает исследователю возможность получения наиболее достоверных результатов.

Во-вторых, среди отобранных полисемантических предлогов необходимо определить типы выражаемых ими отношений, поскольку изучение пространственных и непространственных предлогов требует различных методологических подходов. На современном этапе развития лингвистики исследование многозначности предлогов, как в отечественной, так и в зарубежной научной традиции, в основном сосредоточено на анализе пространственных единиц, что отражает антропоцентрическую тенденцию в объяснении языковых явлений.

В-третьих, из выявленных пространственных предлогов следует выделить подгруппы, изучение которых наиболее полно отвечает целям и задачам проводимого исследования. К примеру, в соответствии с обозначаемыми типами пространственных отношений выделяются топологические предлоги (выражающие отношения в координатах оси "внутри – снаружи"), димENSIONАЛЬНЫЕ предлоги (описывающие отношения в рамках трехмерной модели пространства с осями "сверху – снизу", "слева – справа", "спереди – сзади") и дирекциональные предлоги (обозначающие направление перемещения и не используемые для описания статических отношений).

В свою очередь, при необходимости углубленного анализа, каждая из выделенных групп пространственных предлогов подразделяется на более узкие подгруппы. Так, пространственные топологические предлоги передают четыре типа отношений: ВКЛЮЧЕНИЕ, КОНТАКТ, БЛИЗКОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ и УДАЛЕННОСТЬ. Подобная детализация позволяет всесторонне рассмотреть функционирование отдельного предлога, как в рамках небольшой подгруппы, так и в более широком контексте, а также сопоставить его характеристики с характеристиками предлогов из других групп.

Наряду с перечисленными этапами отбора предлогов для исследования, важно учитывать, что словарные статьи, описывающие функционирование конкретной предложной единицы, содержат информацию о ее употреблении в устойчивых сочетаниях с существительными или прилагательными (например, *to be prone to* ‘быть подверженным (чему-то)’, *an opinion on* ‘мнение о (ком-то/чем-то)’). Однако, учет подобных конструкций при изучении предложной многозначности нецелесообразен, поскольку в их составе значение предлога грамматикализовано. Анализ этих процессов, однако, позволяет выявить закономерности развития предложной системы языка и понять, как предлоги участвуют в создании новых смыслов.

Наконец, важно подчеркнуть, что исследование многозначности предлогов является сложной и многогранной задачей, требующей комплексного подхода и учета различных лингвистических факторов. Тщательный анализ семантической структуры предлогов, их валентных свойств и роли в формировании устойчивых сочетаний позволяет получить более глубокое понимание функционирования предложной системы языка и ее влияния на формирование смысла высказывания.

Круглый стол
«ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ ДИСКУРСА»

К. В. Авдейчик, И. Н. Ковалевич

**СТРУКТУРНЫЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
В ДИРЕКТИВНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТАХ**

Объектом данного исследования являются вопросительные предложения в директивных речевых актах. Директивный речевой акт – это тип речевого акта, который используется для выражения намерения заставить собеседника что-то сделать (Дж. Серль, 1986).

Целью исследования было выявление структурных и pragматических характеристик данного типа предложений в двух типах директивов: реквестивах (просьбы, приглашения) и суггестивах (советы и предложения) (Е. И. Беляева, 1992). Материалом исследования послужили 12 произведений художественной литературы англоязычных авторов.

Реквестивы представляют собой директивные речевые акты, в которых говорящий выражает желание, чтобы адресат выполнил определенное действие, однако это действие не является обязательным. В данной ситуации говорящий занимает неприоритетную позицию, предоставляя адресату свободу выбора – выполнять ли запрашиваемое действие. При этом результат действия может быть полезен как говорящему, так и адресату, особенно в случае приглашения. Исполнителем действия становится именно адресат, который несет ответственность за принятие решения (Е. И. Беляева, 1992).

В полученной выборке просьбы чаще всего выражались вопросительными конструкциями *Will you do X?* и *Can/Could you do X?*, каждая из которых зафиксирована в 29 % случаев. Конструкция *May/Can I do X?* встречалась в 12 % примеров, в то время как конструкции *Do you want to do X?* и вопросительные предложения с формативами *will you/won't you?* Встретились всего в 9 % случаев каждая. Конструкции *Would you mind doing X?*, *May I ask for...?*, а также вопросительные предложения с прямым порядком слов были зафиксированы в 4 % примеров соответственно.

Наиболее распространенной конструкцией приглашения стала конструкция *Do you want to do X?/Do you feel like doing X?*, часто в эллиптическом или эмоционально окрашенном варианте, – 40 % примеров из выборки. Существенное количество составляет и конструкция *Won't you do X?* – 30 %. Реже использовалась *Will you do X?* – в 10 % примеров, специальные вопросы – 10 %, а также конструкции *Shall we do X?* и *Why don't you do X?* – по 5 % каждая.

Суггестивы – это тип директивных речевых актов, в которых говорящий, опираясь на свой жизненный опыт или знания о ситуации, побуждает адресата к действиям. Он полагает, что предлагаемые действия могут быть полезными для адресата, однако их выполнение не является обязательным, и решение о том, следует ли их выполнить, остается за адресатом. Такие речевые акты могут приносить пользу как говорящему, так и адресату, особенно если речь идет о предложениях для совместных действий. Исполнителем может быть как сам адресат, так и говорящий в сотрудничестве с ним, однако ответственность за принятие решения всегда остается на адресате (Е. И. Беляева, 1992).

Наиболее продуктивной конструкцией для выражения предложений и я оказалась вопросительная конструкция *Shall we do X?*, которая использовалась в 22 % случаев. Также часто употреблялись конструкции *Would/Wouldn't you like to do X?* и *Can/Could you do X?* – по 13 % каждая. Эллиптические вопросы, вопросительные конструкции *How about X?*, *Why not/Why don't you do X?* и вопрос-подтверждение использовались с одинаковой частотой – по 10 % каждая. Менее распространенными оказались конструкции *Do you want to do X?* – 6 % случаев и *Should/Shouldn't you do X?* – только 3 %. Конструкция *May I do X?* была зафиксирована в 3% случаев и выполняла преимущественно функцию вежливого предложения оказать услугу.

Директивные речевые акты советы, выраженные вопросительными предложениями, встречаются редко, и те что были найдены, имеют форму специального вопроса в 90 % случаев и форму общего вопроса 10 % случаев.

Особое внимание в исследовании уделялось параметрам матрицы коммуниканта (М. К. Ветошкина, 1990), которые подвергаются речевому воздействию в процессе реализации директивных речевых актов с вопросительными предложениями. Было установлено, что просьбы в первую очередь воздействует на отношение адресата к действию и к инициатору общения, а также актуализируют знание сторон о готовности к выполнению просьбы. Приглашения направлены на отношение к деятельности, на изменение мотивационной установки адресата, на межличностную дистанцию. Предложения направлены на параметр знания и отношение к совместной деятельности, на отношение к действию. Советы ориентированы на знание о действии и его оценку, что способствует формированию новой поведенческой модели у адресата.

В ходе исследования было выявлено, что вопросительные предложения играют важную роль в организации общения, выполняя не только функцию запроса информации, но и служат инструментом для выражения различных коммуникативных намерений. Реквестивы и суггестивы с вопросительными предложениями демонстрируют разные позиции говорящего и адресата в процессе коммуникации. В рамках реквестивов было отмечено, что говорящий не имеет приоритетной позиции, а адресат принимает решение

о выполнении действия. Суггестивные речевые акты, напротив, подчеркивают приоритет говорящего, который предлагает действия, полезные для адресата.

Анализ параметров матрицы коммуниканта показывает, как знание о другом участнике общения влияет на восприятие и выполнение директивных речевых актов. Это подтверждает значимость социальных факторов в процессе коммуникации.

А. Э. Иванов, Е. В. Ажаронок

НЕОМЕСТОИМЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В последние годы вопрос гендерной идентичности и ее отражения в языке стал предметом активных дискуссий. Одним из значимых явлений, возникших на стыке языковых изменений и социальных трансформаций, являются неоместоимения – альтернативные формы местоимений, используемые для обозначения людей, чья идентичность не вписывается в традиционную парадигму категории английского рода.

Актуальность настоящего исследования эксплицируется в изменениях в социальном восприятии человеческой идентичности, а следовательно, и трансформации языковых практик, связанных с необходимостью самовыражения через различные грамматические формы персонального дейкса. Неоместоимения представляют собой пример того, как язык может адаптироваться к изменениям, происходящим в обществе.

Так, цель настоящей работы – выявить причины возникновения неоместоимений, установить особенности их употребления, а также определить перспективы их развития.

Предпосылками для появления неоместоимений можно считать несколько ключевых факторов, которые являются результатом взаимодействия лингвистических, политических и социальных процессов. Во-первых, в английском языке отсутствует универсальное местоимение, которое обозначало бы «либо мужчину, либо женщину», а также нет слова, которое можно было бы использовать в ситуациях, когда пол является неопределенным, не имеет значения или должен быть скрыт. В языке существуют местоимения мужского рода: *he, his, him*; женского: *she, her, hers*; а также среднего: *it* и *its* и множественное число *they, their, them*, которое относится к любому полу и включает объекты, не обладающие полом. Однако нет единственного числа 3-го лица гендерно-нейтрального местоимения. Подобно русскому языку, в английском существует концепция использования местоимения мужского рода для обозначения референтов обоих полов («*generic he*»). Во-вторых, в современном обществе политкорректность является нормой общественного

поведения и используется в качестве инструмента борьбы с дискриминацией, а следовательно, она тесно связана с гендерно-инклюзивным, нейтральным языком. Исходя из этого, использование данной концепции, особенно в формальной речи, считается менее приемлемой и подверженной критике.

В XVIII веке, лингвисты пришли к выводу, что наиболее эффективный способ устранения нехватки соответствующего слова является его изобретение (E. Rose, M. Winig, J. Nash, K. Roepke, K. Conrod, 2023). В результате данного подхода было разработано более двухсот таких местоимений, значительное число из которых появилось до 1970-х годов, а многие – до 1900 года. Местоимения исторически приобрели политическую значимость в контексте борьбы за избирательное право и продолжают оставаться таковыми в современном обществе (D. Baron, 2020).

Кроме того, язык является не только инструментом общения, но и средством изменения общественных представлений, что делает неоместоимения важным элементом современного лексикона. В особенности, общественное суждение о роли языка в формировании и поддержании социальных норм стимулирует активное использование разнообразных местоимений как способ поддержания видимости представителей различных меньшинств, которые ранее не имели адекватного отражения в языке.

В настоящее время неоместоимения делятся на небинарные и гендерно-нейтральные. Небинарные местоимения – это обобщающий термин, охватывающий местоимения, которые не имеют гендерной специфики и используются людьми, которые идентифицируют себя вне гендерной бинарности. Гендерно-нейтральные местоимения используются, когда пол человека неизвестен, такие местоимения не определяют пол/гендер субъекта предложения. В большинстве случаев гендерно-нейтральные местоимения ассоциируются с неопределенными словами, такими как *everybody* ‘все’, *someone* ‘кто-то’, *a student* ‘студент’, *a lawyer* ‘адвокат’, *a president* ‘президент’, *a person* ‘человек’ – слова, которые являются инклюзивными или стали гендерно-инклюзивными с течением времени.

Ярким примером гендерно-нейтрального неоместоимения является «singular they», образованное от множественного числа *they*. Тем не менее одни и те же неоместоимения могут функционировать как небинарные и гендерно-нейтральные в зависимости от контекста их употребления и индивидуальных предпочтений говорящего. Наиболее употребительны следующие формы неоместоимений: *They/Them/Their*, *Sie/Hir/Hirs*, *Ey/Em/Eir*, *Ze/Hir/Hirs*, *Ze/Zir/Zirs*, *Xe/Xem/Xyrs*.

В качестве примера рассмотрим отрывки из художественных произведений современных американских писателей (1) «The Diablo’s Curse» ‘Проклятье дьявола’ и (2) «In The Watchful City» ‘В городе стражей’

(1) «*Dami* gets up so quickly *they* knock the stool over and trip over it. *They* catch *themself* on a nearby table and beeline for the door. The pounding of *their* pulse drowns out the tavern’s song». ‘Деми встали так быстро, что опрокинули

табуретку и споткнулись о нее. Поднявшись с помощью ближайшего стола, они устремляются к двери. Колотящийся пульс заглушает музыку таверны' (G. C. Novoa, 2024).

(2) «*Anima opens aer eyes, giving aerself a moment to settle back into aer true body. Pinpricks of light flow out from the stem rooted to the nape of aer neck. Ae lifts aer hands, observing first the palms, then the backs*». 'Анима открывает глаза, дает себе время вернуться в свое истинное тело. Из стебля, укоренившегося на затылке, струятся лучи света. [Ае] поднимает руки, рассматривая сначала ладони, затем тыльную сторону' (Qiouyi Lu, 2021).

К настоящему времени практически во всех авторитетных словарях зарегистрировано «singular they», которое рекомендуется употреблять вместо местоимений *he* и *she* в случаях, когда пол референта не известен говорящему или если индивид, о котором идет речь, не идентифицирует себя с мужским или женским полом. В 2019 году словарь Merriam-Webster признал гендерно-нейтральное *they* словом года.

Так или иначе, но гендерно-нейтральные неологизмы, характеризующиеся неестественностью написания и звучания (*y, em, eir, eirs, eirself; zie, zim, zir, zis, ziself; sie, sir; hir, hirs, hirself; ver, vis, vers, verself; tey, ter, tem, ters, terself; e, em, eir, eirs, emself*), не достигают широкого употребления в речи. Согласно опубликованному в 2020 году исследованию, среди молодежи в США (в возрасте 13–24 лет) 4 % используют неоместоимения (The Trevor Project, 2020). Данные тенденции получают распространение преимущественно в социальных сетях. Тем не менее некоторые новые местоимения начали находить отражение в литературных произведениях и активно употребляются в среде людей, что свидетельствует о постепенной интеграции этих форм в культурный контекст.

Неоместоимения, несмотря на растущую популярность и значимость в современном языке, пока не вошли в грамматическую систему языка по ряду причин, связанных как с особенностями языковой структуры, так и с социально-культурными факторами.

Во-первых, основная причина заключается в консерватизме языка, поскольку его развитие непосредственно связано с коллективным восприятием и принятием. Несмотря на растущее осознание и поддержку гендерного разнообразия, в обществе все еще существуют многочисленные стереотипы и предубеждения, препятствующие внедрению неоместоимений. Грамматические правила и структуры языка меняются медленно, и интеграция новых элементов требует времени для их адаптации в языковые практики. Грамматическая система формируется на основе длительных исторических трансформаций, и неоместоимения еще не достигли той стадии, когда они могли бы быть универсально признаны и зафиксированы.

Во-вторых, неоместоимения часто воспринимаются как элементы, не совместимые с традиционными грамматическими категориями, основанными на фиксированных родах, что вызывает определенные сложности в их интеграции. Например, многие языки, включая русский, характеризуются четким

разделением на мужской и женский род, и внедрение форм, которые не подчиняются этим категориям, может привести к нарушению устоявшихся норм, что вызовет сопротивление со стороны носителей языка.

В-третьих, на данный момент отсутствует единообразие в использовании неоместоимений. Существует множество вариантов и форм, и без единого стандарта трудно ожидать их принятия на уровне языковых норм, поскольку это усложняет создание единой грамматической системы.

Таким образом, процесс введения неоместоимений в грамматическую систему языка связан с медленным изменением языковых традиций, сложностями адаптации со стороны общества, а также отсутствием стандартизации. Важно отметить, что включение разнообразия, существующего в рамках гендера, пола и традиционных структур языка, более радикальное изменение устоявшихся практик.

А. Э. Иванов, А. С. Пытель

АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ ТОКСИЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В современном обществе, где коммуникация приобрела многообразные формы, особенно в цифровой среде, феномен токсичности становится все более актуальным и требующим пристального внимания. Деструктивные проявления в общении, такие как агрессия, манипуляция и унижение, оказывают существенное влияние на восприятие информации и формирование межличностных отношений, что подчеркивает необходимость понимания механизмов токсичности и тем самым определяет актуальность настоящей работы. В связи с этим, данное исследование направлено на всесторонний глубокий анализ токсичности как сложного коммуникативного феномена, зачастую выходящего за рамки лексических и грамматических средств ее реализации.

Новизна работы заключается в использовании ассоциативного эксперимента в качестве основного метода выявления основных аспектов токсичности в целом, характеристик токсичных коммуникантов и прагматического анализа токсичных высказываний. В отличие от традиционных подходов, фокусирующихся на формальных языковых особенностях, данное исследование стремится к выявлению глубинных механизмов, определяющих токсичность в коммуникации. Как отмечает С.В. Ионова, данный феномен может проявляться в различных формах, начиная от явных оскорблений и заканчивая скрытыми манипуляциями, что требует комплексного подхода к ее изучению (С. В. Ионова, 2018).

Так, целью исследования является выявление сем токсичности, основных черт токсичного преподавателя и интенциональной составляющей высказываний таких преподавателей на основе открытого ассоциативного эксперимента.

На начальном этапе был непосредственно проведен сам эксперимент, в котором приняли участие 20 студентов различных факультетов. Ассоциативный эксперимент предстает как ценный инструмент для уточнения понятия «токсичность», поскольку позволяет выявить субъективные ассоциации, связанные с этим термином, и исследовать, какие конкретные характеристики и ситуации люди связывают с «токсичностью» в различных контекстах, дополняя теоретические и методологические подходы.

Студентам было предложено ответить на три открытых вопроса, касающихся их понимания токсичности в коммуникации, характеристик токсичных преподавателей и типичных высказываний, которые они используют. В частности, студентам предлагалось дать развернутое определение понятия "токсичность" с точки зрения коммуникации, перечислить до пяти основных черт, которые, по их мнению, свойственны токсичным преподавателям, а также привести до пяти конкретных примеров высказываний, которые они считают характерными для токсичного речевого поведения. Полученные данные были тщательно проанализированы с использованием методов контент-анализа, который позволил выявить наиболее часто встречающиеся ассоциации, категории и речевые паттерны. В частности, проводился анализ семантического содержания ответов, выявлялись наиболее часто упоминаемые характеристики и высказывания, а также определялась эмоциональная окраска используемых студентами выражений.

Результаты анализа ответов студентов позволили выделить ключевые категории, характеризующие их представления о "токсичности" в коммуникации преподавателя: «неуважение к личности» (75 % упоминаний), «негативное эмоциональное воздействие, боль» (50 %), «явная или скрытая агрессия» (60 %), «нарушение личных, психологических и других границ» (30 %) и «намеренное причинение вреда (унижение, оскорбление)» (35 %). В меньшей степени упоминаются такие черты, как «навязывание мнения», «манипуляция» и «осуждение» (в пределах 5 %).

Эти результаты подтверждаются исследованиями М. Кляйна, который отмечал, что токсичность может проявляться в различных формах, включая пассивную агрессию и сарказм (М. Кляйн, 2009).

В результате проведенного опроса респондентами были выделены следующие характеристики токсичного преподавателя: «высокомерный» (65 %), «унижающий/высмеивающий» (55 %), «несправедливый/предвзятый» (40 %), «критикующий» (45 %), «не желающий помогать/объяснять материал» (30 %).

Ключевой чертой большинства ответов является высокомерие/снобизм (65 %) что, указывает на то, что студенты воспринимают токсичность как проявление превосходства и пренебрежения к их знаниям и способностям. Распространенным проявлением токсичности для респондентов также выступает публичное унижение (55 %) и несправедливость/предвзятость (40 %). Это демонстрирует осознание студентами злоупотребления властью и создания неравных условий для обучения. Негативная критика (45 %) и нежелание помогать (30 %) отражают отсутствие поддержки и конструктивного диалога,

что негативно сказывается на мотивации и уверенности студентов в себе. В целом в образовательной среде токсичные преподаватели могут проявлять целый ряд деструктивных черт и стилей общения, которые негативно сказываются на психологическом состоянии студентов и их мотивации к обучению.

Прагматический анализ высказываний токсичного преподавателя позволил выделить следующие основные интенции: унижение/принижение достоинства («С такими знаниями тебе здесь нечего делать»), обесценивание усилий/знаний («Ты что ли не можешь этого понять?! Это же элементарно!»), установление доминирования («Вас дубинками надо бить: по-другому вы не понимаете»), игнорирование («С вами все понятно, идите»).

В заключение следует отметить, что эмпирически было установлено следующее: токсичность определяется такими категориальными понятиями, как неуважение, агрессия и негативное эмоциональное воздействие, типичными характеристиками токсичных преподавателей являются высокомерие, унижение и предвзятость, а токсичные высказывания детерминируются интенциями принижения достоинства, обесценивания усилий и установления доминирования/власти.

На основе результатов исследования можно предложить следующие рекомендации по снижению токсичности в коммуникации: повышение осведомленности о токсичности и ее последствиях; развитие навыков эффективной коммуникации, включая умение слушать, выражать свои мысли и чувства конструктивным образом и устанавливать границы; создание поддерживающей и уважительной среды общения; разработка этических кодексов и механизмов регулирования для онлайн-платформ и средств массовой информации.

Таким образом, данное исследование представляет собой вклад в изучение токсичности как лингвопрагматического феномена и предлагает практические рекомендации по снижению токсичности в коммуникации. Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на изучение влияния цифровой среды на проявление токсичности, разработку методов противодействия токсичности в онлайн-пространстве и изучение долгосрочных последствий воздействия токсичности на психологическое благополучие и социальную адаптацию индивидов. Как отмечает Зигмунд Фрейд, недовольство культурой часто связано с отношениями между людьми, что подчеркивает важность изучения токсичности в коммуникации для создания более гармоничного общества (З. Фрейд, 2014).

Ю. В. Сможенкова

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОЛОРОНИМОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИА-ДИСКУРСЕ

Цвет вызывает у нас определенные ассоциации и ощущения. Каждый человек дает цвету различные значения в силу характера, темперамента, возраста, национальных традиций и культуры. Отсюда символика цветов

в разных странах может различаться, что обусловлено обычаями, сформированными убеждениями и мировоззрением. Цветообозначения в различных лингвокультурах вызывают как схожие, так и специфические ассоциации, что проявляется, в том числе, при образовании производных единиц, контекстном использовании цветообозначений в новых значениях, образовании фразеологически связанных сочетаний с наименованиями цвета. Таким образом, значение цвета часто оказывает влияние на различные сферы деятельности человека (медицину, бизнес, искусство, СМИ). Цвет оказывает сильное влияние на психику человека. В связи с этим также становится актуальным выявление значения колоронимов и их интерпретация в газетных статьях, соответствующих установкам современного мира и английской культуры. Научная проблема связана с ролью цвета в современных англоязычных СМИ.

Одной из особенностей англоязычного газетного дискурса является широкое использование колоронимов при описании политических и общественных событий страны.

В качестве материала исследования был выбран корпус статей британской газеты *The Guardian*. Производящими основами были избраны 10 наименований в английском языке – это колоронимы *black, red, white, green, yellow, pink, purple, brown, grey, blue*.

В ходе исследования были выявлены контексты с колоронимами, в которых наблюдаются случаи метонимического и метафорического переносов. Наиболее частотными колоронимами оказались *white* ‘белый’, *green* ‘зеленый’, *black* ‘черный’ и *red* ‘красный’.

Среди колоронимов, использующихся в англоязычном газетном дискурсе, были выявлены следующие метонимические модели: «цвет целого – цвет части», «цвет (следствие) – иная характеристика (причина)», «цвет – субъект цвета», а также была выделена модель «метонимический символ».

Метонимия колоронимов проявляется через замещение одного понятия другим на основе смежности. В исследуемых текстах колоронимы *black* ‘черный’ и *white* ‘белый’ часто указывает на расовую принадлежность человека. Например:

- *MP calls for inquiry into labelling of black pupils as ‘educationally subnormal’.*
- *Black people who were labelled ‘backward’ as children seek justice for lifelong trauma.*
- *Lewis Hamilton dismisses ‘older, white men’ criticising his move to Ferrari.*

Здесь наблюдается переход от признака, характеризующего цвет предмета, к признаку, характеризующему причину (цвет кожи) цветовой характеристики предмета.

Группа «цвет – субъект цвета» сопровождается переходом от признака, характеризующего цвет предмета, к предмету такого цвета, что означает действие механизма транспозиции или аффиксации. В английском языке примерами в данной группе послужили выражения *be in (the) white* ‘быть

в белом', *be in (the) black* 'быть в черном'. Интересным является тот факт, что данные словосочетания находятся не в заголовках о моде, а, например, в статьях об открытиях, кино и кинематографе:

– *The Man in the White Suit to be adapted for West End.*

Что касается метонимического символа, как отмечает в своей работе А. Бирих, символ занимает особое место среди других тропов и может иметь метафорическую и метонимическую разновидности: «в метонимическом символе эта связь всегда реальна, она обусловлена различного рода логическими отношениями (атрибутивными, причинно-следственными и т.п.); в метафорическом – ассоциативна, порой предельно опосредована [А. Бирих, с. 107–108].

Зеленый цвет, в свою очередь, символизирует экологичность. Он прочно связан с защитой окружающей среды, что является приоритетом многих стран. Это и обусловило использование зеленого цвета в данном значении в английском языке, указывая при этом на характеристики, в основе которых лежит «использование естественного (природного)».

Достаточно большое количество исследуемых контекстов с колоронимом *green* 'зеленый' характеризуется наличием символа, обозначая экологичность и движения, нацеленные на защиту окружающей среды. В статьях о климатических изменениях можно встретить выражения типа *green revolution* 'зеленая революция' или *green planet* 'зеленая планета'. Здесь *green* символизирует экологическую устойчивость и активизм.

Метонимическую модель «цвет части – цвет целого» можно обнаружить в заголовке *Blue Man Group to end run in New York City after more than 30 years*. Группа стала известна своими выступлениями, которые сопровождаются разного рода представлениями в сценическом образе «синих инопланетян». Данная метонимическая модель сопровождается переходом от признака, характеризующего цвет части предмета, к признаку, характеризующему цвет предмета (группы). Данный тип метонимии основан на той или иной импликативной связи двух признаков (используется указание на часть).

Также были выявлены модели метафорического переноса: «цвет – общественный статус» (e.g. *the black cloud* 'черная полоса'), «цвет – атмосфера в социуме» (e.g. *the golden age* 'расцвет'), «цвет – риск для человека» (e.g. *a yellow card* 'желтая карточка', *a red list* 'красный список').

Метафорические модели колоронимов в медиа-дискурсе используются для передачи абстрактных понятий через цветовые ассоциации. Например, *black* указывает на кризис, негативные события и даже секретность:

– *Brexit is black cloud for UK arts, says former National Theatre boss.*

– *Revealed: first picture of war on terror detainee in CIA black site.*

Black sites – это тайные места содержания под стражей, используемые разведывательными службами, такими как ЦРУ, для допросов и содержания под стражей, часто вне правовых рамок международного права. Эти места характеризуются секретным расположением, отказом в законных правах,

а иногда и использованием принудительных методов ведения допроса. В данном случае колороним *black* несет в себе негативную коннотацию, показывая факт жестокости или нелегальности.

Метафора «цвет – риск для человека» иллюстрируется следующими примерами: *black* ‘опасный (трасса)’: *marked by the occurrence of disaster*, *yellow (allert)* ‘серьезный (опасность)’ и пр. Например:

– *Football dissent rules lead to more yellow cards but less confrontation.*

Примечательно, что семантика словосочетания «желтая карточка» развилаась, исходя из международной цветовой схемы светофора, а семантика самого желтого цвета как маркера опасности и запрета появилась из одной практики – использования желтой заградительной ленты.

– *Post-Brexit reliance on NHS staff from ‘red list’ countries is unethical.*

В данном случае *red list* указывает на страны с высоким уровнем заболеваний *COVID-19*, т. е., находясь в этих странах, люди рискуют заразиться вирусом.

В статьях о искусстве и культуре колоронимы используются для создания образов. Например, фраза *the golden age of cinema* не только описывает исторический период, но и создает ассоциацию с роскошью и величием.

В статьях о выборах и протестах часто встречаются фразы, такие как *the blue wave* или *the red tide*, где цвета символизируют политические партии или движения. Например, *the blue wave* может обозначать успехи Лейбористской партии, в то время как *the red tide* может относиться к Консервативной партии.

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод о том, что цветообозначения способствуют более точному и выразительному описанию объектов и явлений.

Функционально-стилистические характеристики колоронимов в англоязычном медиа-дискурсе, особенно в таких изданиях, как *The Guardian*, подчеркивают их многофункциональность и значимость. Колоронимы не только описывают физический мир, но и служат мощным инструментом для передачи эмоций и культурных смыслов. Метафоры на основе колоронимов усиливают эмоциональное воздействие текста, делая его более убедительным и запоминающимся.

Круглый стол
«СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИСПАНИСТИКЕ»

Е. В. Будагова

**ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
МОРФОЛОГО-СИНТАКСИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ
ИСПАНСКОГО ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА**

Испанская публицистика отличается богатой и сложной историей, насчитывающей столетия. На протяжении всего своего развития она играла значительную роль в формировании общественного мнения, информировании граждан и привлечении власти к ответственности. Первые новостные издания появились в Испании в XVI веке, положив начало журналистской истории страны. На протяжении веков прессы переживала периоды цензуры и преследований, особенно в эпоху Франко (P. Farias, 2012). Тем не менее, переход к демократии в конце 1970-х годов привел к периоду свободы прессы и увеличению числа различных средств массовой информации. Формирование и развитие государства автономий, глубокие преобразования, затронувшие без преувеличения все области испанской жизни, находят свое отражение на страницах газет и журналов, в теле и радиопрограммах, а с появлением новых информационных технологий, в интернете (М. В. Ларионова, 2015).

Сегодня испанский медиа-ландшафт предоставляет людям знания, необходимые им для участия в публичных дебатах и принятия обоснованных решений, средства массовой информации Испании выступают важным компонентом демократии, выполняя свои основные задачи: передавать новостные сообщения; разъяснять и комментировать события; убеждать и влиять на волю и чувства граждан, побуждая их к определенным действиям. Язык СМИ несет в себе не только информативную функцию, он является средством идеологического и психологического воздействия, выражает и формирует общественное мнение, воспитывает, ориентирует, организовывает, положительно или отрицательно влияет на общественное сознание.

Газетно-публицистический дискурс – особая форма коммуникации, направленная на распространение общественно значимой информации, а также мнений, оценок, суждений через каналы СМИ. Языковые особенности, свойственные испанскому газетно-публицистическому дискурсу, ограничиваются рамками четырех основных функциональных стилей, которые служат своего рода дискурсивными границами. По мнению академика Фернандо Ласаро Карретера к ним относятся художественный, канцелярский, разговорный стили и так называемый «язык политиков», вместе составляющие особую коммуникативно-языковую практику (М. В. Ларионова, 2015). Таким образом, следует учитывать еще один особый функциональный стиль испанских СМИ – политический дискурс, который функционально ориентирован

на то, чтобы транслировать идеологию, воздействуя на массовую аудиторию с целью формирования определенного общественного мнения и программирования нужной социальной реакции с помощью целого «арсенала» манипулятивных стратегий и тактик, реализуемых благодаря языковым и экстралингвистическим средствам (М. В. Ларионова, 2015).

В отличие от объективных новостных сообщений, которые представляют факты в нейтральной манере, испанская публицистика часто включает в себя слои культурных отсылок, стратегический языковой выбор и стилистические элементы, которые находят отклик у испанской читательской аудитории. Знание морфолого-сintаксических особенностей газетно-публицистического дискурса позволяет переводчику преодолевать переводческие трудности, вызванные расхождениями в структурах иностранного и родного языков.

В испанском публицистическом тексте наблюдается смещение системы времен глаголов, это проявляется в том, что настоящее время становится эквивалентом прошедшего времени. Благодаря такому смещению, описываемые события воспринимаются как наиболее важные и актуальные, и подчеркивается их роль и значение на данный момент. Процесс «морфологической актуализации» действия позволяет изменить связь между произошедшим либо происходящим действием и моментом речи: употребление прошедших времен отдаляет говорящего от события, и тогда актуальность теряется, в то время как при употреблении глагольных форм настоящего времени эта дистанция исчезает. Указанный феномен является одним из значимых средств экспрессии на морфологическом уровне. Как правило заменяются: *Imperfecto de indicativo* на *Presente de indicativo*; *Imperfecto de subjuntivo* на *Presente de subjuntivo*; *Pluscuamperfecto de indicativo* на *Pretérito perfecto de indicativo*; *Condicional simple* на *Futuro simple de indicativo*. В последнее время в прессе наблюдается тенденция употребления будущего времени для передачи какого-либо факта или действия, осуществление которого несомненно произойдет, что придает стилистический оттенок уверенности в том, что должно произойти. Несмотря на то, что указанные явления отклоняются от грамматической нормы испанского языка, они в полной мере могут учитываться как норма, так как часто используются в любой испанской и латиноамериканской газете (Т. Н. Шишкова, 1989).

Как мы уже отмечали ранее, публицистический текст предназначается одновременно для всех и для каждого по отдельности. Поэтому употребление морфологической категории единственного числа существительного, первого и третьего лица глаголов в единственном и множественном числе, местоимений (я, мы, наш) приобретают обобщающий коллективный характер. Другими словами, наблюдается личная тенденция испанского языка, которая связана с тем, что испанский язык, в отличие от русского, предпочитает личное предложение неопределенно-личному или безличному. События при этом описываются сквозь призму воспринимающего лица, которое становится как бы его участником или свидетелем. Более частотным

в испанской речевой норме оказывается и употребление при глаголе в личной форме имен существительных событийной семантики (В. А. Иовенко, 2007).

На синтаксическом уровне испанский публицистический текст характеризуется использованием большого количества вводных конструкций, которые используются для выражения логической связи, общей мысли. Характерно использование синтаксических приемов экспрессии: инверсия, обратная последовательность в предложении от ремы к теме, перечисления, риторические вопросы, побудительные и восклицательные предложения, повторы. Употребление эмоционально и экспрессивно окрашенных конструкций, конструкций с разговорной окраской, предложений с обращением, расчлененных конструкций, бессоюзных, эллиптических и эмфатических конструкций. Журналист вынужден давать свою оценку тому, о чем он рассказывает, это приводит к большому количеству придаточных относительных предложений, которые во избежание повторов, обычно заменяются их грамматическими и синтаксическими синонимами (Т. Н. Шишкова, 1989).

Анализ морфолого-синтаксических явлений испанского газетно-публицистического дискурса позволил определить специфические грамматические структуры испанского языка, которые отличаются от русского языка и требуют от переводчика особых навыков перевода и адаптации. Мы определили такие особенности как как смещение системы времен глаголов, глагольная, адъективная, адвербальная, притяжательная и личная тенденции испанского языка, вводные конструкции, синтаксические приемы экспрессии, использование эмоционально и экспрессивно окрашенных конструкций, конструкций с разговорной окраской, предложений с обращением, расчлененных конструкций, бессоюзных, эллиптических и эмфатических конструкций. Язык испанских СМИ характеризуется экспрессивностью, стандартизированностью, повышенным регистром испанского публицистического и политического дискурса, использованием элементов других функциональных стилей, что требует от переводчика высокой степени мастерства и умения адаптировать текст с сохранением его жанрово-стилевой специфики, использовать правильные переводческие приемы для адекватной передачи информации, эмоций и оценочных суждений автора.

Т. М. Гридина

ВЫРАЖЕНИЕ ИНТЕНЦИИ ПРИ РЕФЕРИРОВАНИИ ТЕКСТОВ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Современный темп жизни обусловил необходимость получения значимой информации в сжатые сроки, но в достаточно полном для понимания сути вопроса объеме без лишних деталей. Многочисленные научные исследования в той либо иной области приводят к необходимости извлечения

ключевой информации и объединения в один документ результатов научных изысканий. Следовательно, деятельность средств массовой информации, как и научная деятельность, на сегодняшний день неразрывно связана с реферированием. Реферирование представляет собой сложный когнитивный процесс, в ходе которого референту необходимо, помимо понимания основного содержания реферируемого материала, *определить* цель (намерение) его изложения автором и *выразить* его через свое понимание исходного текста.

Коммуникативное намерение (интенция), является неотъемлемой составляющей любого дискурса. Институциональный дискурс как форма общения и взаимодействия в рамках определенных социальных институтов, порождаемая самой деятельностью того или иного социального института, противопоставляется повседневному общению, поскольку достаточно выражено передает интенции автора сообщения. Так, перформативные глаголы (*felicito, prometo, exijo*) в политическом дискурсе напрямую передают цель речевого акта ('поздравить', 'обещать', 'требовать'). Высокая степень формализованности и четкая структура научного дискурса позволяет безошибочно определить, например, коммуникативное намерение проинформировать аудиторию о результатах исследований и выводах в таких клишированных выражениях, как *de aquí concluimos, analizamos y llegamos a la conclusión, los datos recogidos evidencian, el análisis demostró*. При реферировании текстов, содержащих указанные языковые явления, референту лишь остается использовать те же самые лексические единицы, преобразовав их в косвенную речь.

Некоторые трудности при обучении реферированию испанских текстов институционального дискурса вызывает выраженность интенции в грамматических явлениях. Так, при реферировании юридических текстов референту необходимо помнить, что будущее время в испанском юридическом дискурсе передает обязательный характер описываемых действий, что означает использование во вторичном тексте таких выражений, как *las partes se comprometieron, asumieron la responsabilidad, tomaron la decisión de* и др. Тем не менее, тексты институционального дискурса, подчиненные выполняемой определенным социальным институтом цели, позволяют обучающимся четче определить намерение автора, чем интенции коммуникантов в художественном стиле речи либо в повседневном общении. Так, в медицинском дискурсе основной интенцией является дать рекомендации либо предупредить в целях профилактики о чем-либо, в связи с чем при референту понадобятся такие испанские выражения, как *sugerir, advertir, recomendar, aconsejar*.

Как следует из приведенных примеров, интенции в институциональном дискурсе зачастую подсказываются самим видом дискурса (политический, медицинский, научный и т.д.). В то же время референты, создавая вторичный текст, при выделении ключевых аспектов и передаче намерения автора, структурируют информацию по-своему, а также дают свое понимание и интерпретацию исходного текста, в результате чего транслируют получателю

реферата собственные интенции посредством различных языковых маркеров. Приведем основные группы данных маркеров, передающих позицию референта при рефериовании институциональных текстов:

- маркеры субъективного понимания (отражают уровень понимания исходного текста): *se entiende que, a nuestro juicio, en nuestra opinión* и др.;
- маркеры интерпретации (конструкции, выражающие интерпретацию ключевых понятий и суждений): *en otras palabras, esto significa que* и др.;
- маркеры выделения главного (акцентируют внимание на наиболее значимых аспектах текста): *es importante destacar, cabe señalar que* и др.

Знание данных маркеров и умение их использовать при рефериовании позволяет получить качественный реферат.

Подведем итоги. Выражение интенции при рефериовании текстов институционального дискурса является одним из важнейших компонентов рефериования, поскольку выполняет функцию медиации между исходным текстом и читателем. Тем самым, реферат становится не просто сокращенной версией исходного текста, а самостоятельным коммуникативным актом, отражающим авторскую позицию референта. Владение инструментарием для передачи интенций при рефериовании текстов институционального дискурса является одной из важнейших составляющих качественного реферата, в связи с чем результаты данного исследования имеют практическую значимость для разработки методики обучения эффективному рефериованию текстов институционального дискурса, представленных на испанском языке.

Н. М. Грищенко

СТРУКТУРНЫЙ АСПЕКТ ВОЗДЕЙСТВИЯ КАТАЛАНСКОГО ЯЗЫКА НА ИСПАНСКУЮ ЛЕКСИКУ

Воздействие каталанских заимствований на формирование испанской лексики в структурном аспекте проводится на примере лексико-семантического поля (ЛСП) *Живопись*. Конституентами ЛСП являются лексемы, данные в алфавитном порядке: *amoratado, bermellón, blanquinoso, boscaje, boscajear, bosquejar, bosquejo, brin, bruno, buril, burilada, burilador, buriladura, burilar, clarimento, datilado, dibujador, dibujante, dibujar, dibujo, entallador, entalladura, entallar, entalle, esmaltado, esmaltador, esmaltadura, esmaltar, esmalte, esmaltín, esmaltista, estampar, filete, maniquí, niel, nielado, nielar, oropimente, pincel, pincelación, pincelada, pincelar, pincelero, pincelote, portapaz, retablo, retal, rosicler, tinte, verdete*.

Исследуемое поле каталанизмов в испанском языке состоит из 50 лексем и представляет собой совокупность микрополей. В результате распределения конституентов полевого образования по тематическим сферам, объединенным присущими им определенными признаками, получаем возможность выделить 9 микрополей (МП) в составе нашего поля: *Результат работы*

художника, Действия художника, Орудия труда, Краски, Цвет, Процесс работы художника, Компоненты процесса работы художника, Субъект живописи, Атрибуты художника.

Число лексем в МП поля колеблется от девяти до трех. Наиболее полно представлена в количественном аспекте тематическая группа, обозначающая действия, производимые художником в процессе работы (9 лексем). Далее, по убывающей, следуют смысловые подсистемы *Процесс работы художника* (8 лексем), *Краски* (7 лексем), *Цвет* (7 лексем), *Результат работы* (6 лексем), *Субъект живописи* (6 лексем), *Орудия труда художника* (4 лексемы). Замыкают данный ряд наименее полно представленные группы *Компоненты процесса работы художника* и *Атрибуты художника* (по три лексемы в каждой группе).

Конституенты поля находятся по отношению друг к другу в иерархической зависимости: отдельные МП включены (по наличию в них тех или иных дифференциальных признаков) в состав других полей. Так, слова, обозначающие цвета, восходят к МП *Краски*, поскольку для любой краски обязательно наличие семы «цвет». МП *Компоненты процесса работы художника* отпочковывается от МП *Процесс работы художника*, в которое входят лексемы, обладающие более широкой семантикой, чем представители МП *Компоненты процесса*.

Тот факт, что слова обозначают предметы, которые могут использоваться человеком в различных функциях, определяет возможность слова входить одновременно в несколько разных лексических групп, образуя поля так называемого перекрестного характера. В нашем случае лексемы поля *Живопись* обладают не только иными значениями, относящими их к другим ЛСП, но и значениями, позволяющими одной и той же лексеме попадать в разные подсистемы одного и того же поля. Например, лексема *dibujo* обладает значениями: 1) непосредственный процесс рисования; 2) рисунок, набросок; 3) пропорция; 4) расположение рисуемых объектов и 5) описание (кого-либо). Таким образом, смысловая структура многозначного слова представляет собой совокупность его *вариантных гиполексем*. Поэтому при анализе лексики отдельных лексико-семантических групп правомерно говорить о лексемах и их вариантах гиполексемах как о конституентах данных групп. Под лексико-семантическим варьированием имеется в виду «внутрисловные различия (словозначения) и языковые средства снятия асимметрии словесного знака в данном языке» (А. А. Уфимцева, 1986).

В целом, можно сказать, что поле *Живопись* (*рисунок, масло, эмаль, гравюра*), представленное каталанизмами в испанском языке, является многомерным, наделенным иерархической структурой образованием, которое можно разбить на отдельные микрополя, объединенные присущими им определенными признаками. Каждое из таких микрополей в свою очередь представляет лексическое поле более низкого уровня. Число микрополей, составляющих лексико-семантическое поле, равняется девяти. В нашем случае это одномерные, так называемые «серийные» непорядковые поля.

Отношения, существующие внутри поля, не исчерпываются представленным выше описанием. Между членами поля обнаруживаются и другие типы парадигматических отношений, базирующиеся на полной или частичной идентичности этих членов. Эти отношения принадлежат к так называемым вторичным парадигматическим структурам.

В данном случае, на примере корреляции лексем рассматриваемого поля, можно говорить об элементах развертывания, в определенной мере представляющих организацию лексико-семантической совокупности. Развертывание представляется в виде своеобразной цепи лексем, объединенных по смыслу и словообразовательными связями. В целом тип отношений развертывания, наблюдаемый в нашем ЛСП, можно охарактеризовать как транспозицию, члены которой, следующие друг за другом, составляют транспозиционные серии.

Транспозиция всегда содержит изменение категории первичного развертываемого элемента, а также, в отличие от конверсии (другого типа, представляющего отношения развертывания), характеризуется лексикализацией развертываемого компонента. Подвергшаяся процедуре развертывания лексема в дальнейшем сама может служить точкой отправления для новой транспозиционной серии. В некоторых случаях мы можем говорить об усложненной транспозиционной серии, для которой деривационное развертывание проходит по двум направлениям.

В рамках нашего поля выделяются восемь транспозиционных серий:

1. *Boscaje – boscajear.*
2. *Bosquejo – bosquejar.*
3. *Buril – burilar, burilada, burilador, buriladura.*
4. *Dibujo – dibujar, dibujador, dibujante.*
5. *Entalle – entallar, entallador, entalladura.*
6. *Esmalte – esmaltar, esmaltado, esmaltador, esmaltadura.*
 └ *esmaltín, esmaltista.*
7. *Niel – nielar, nielado.*
8. *Pincel – pincelar, pincelación, pincelada.*
 └ *pincelero, pincelote.*

Они создаются по трем транспозиционным моделям развертывания.

В образовании первых двух серий участвует модель *Sustantivo \wedge Verbo*. Остальные серии создаются по условной модели *Sustantivo \wedge Verbo \wedge Sustantivo*, за исключением 6-ой и 8-ой серий, обладающих двумя направлениями развертывания: *Sustantivo \wedge Verbo \wedge Sustantivo*.

→ *Sustantivo.*

Представленные в целом отношениями развертывания, транспозиционные серии могут комбинироваться с элементами модификации, явления, не включающего специфическую функцию первичного изменяемого члена. Это видно на примере транспозиционной серии *pincel* ... и т. д., последний член которой, *pincelote*, в отличие от предыдущих, в процессе трансформации

образуется путем добавления к основе *pincel* увеличительного форманта *-ote*, выполняющего функцию формообразования и не прибавляющего к производящему слову элемент лексического значения. В остальных звеньях цепи происходящие изменения привносят в производящую лексему новый семантический нюанс.

Третья, пятая и шестая транспозиционные серии могут служить в качестве модели таких трансформационных моментов, когда лексема, прошедшая процедуру развертывания, принимает на себя функцию отправного слова, создающего новую транспозиционную серию:

Buril – burilar, burilada, burilador, buriladura.

Entalle – entallar, entallador, entalladura.

Esmalte – esmaltar, esmaltado, esmaltador, esmaltadura.
 \ *esmaltín, esmaltista.*

Наличие подобных транспозиционных серий каталанизмов в испанском словаре указывает на то, что в испанский язык из каталанского могли переходить не только отдельные слова, но и более или менее развернутые парадигматические структуры, называемые в традиционной терминологии лексическими гнездами.

В то же время это свидетельствует о том, что в структурной картине лексико-семантического поля Живопись обнаруживаются не только статические связи и отношения, но и симптомы динамизма, которые заслуживают особого рассмотрения.

Е. А. Громович

ИСПАНСКИЕ ТОПОНИМЫ КАК НАЦИОНАЛЬНО МАРКИРОВАННАЯ ЛЕКСИКА

Фразеологические единицы являются языковым творчеством народа, они содержат как универсальные знания и представления, так и национально-специфические, страноведчески ценные, веками накопленные опыт, ощущения и мировоззрения, присущие отдельно взятому народу. Предметом данного исследования является выявление особенностей национальной истории и быта, наблюдений, обобщений и закрепление их в языковой форме как фразеологизмов (ФЕ), так и пословично-поговорочных выражений (ППВ). Пословицы и поговорки составляют значительную часть фразеологического фонда испанского языка, и в данной работе будут использоваться как синонимичные термины наряду с ППВ и фразеологической единицей.

Важным носителем страноведческой информации является ономастическая лексика, и топонимы как ее варианты обладают яркой национально-культурной семантикой.

ППВ с компонентом-топонимом в испанском фразеологическом фонде занимают значительное место. В их состав входят географические названия испанских населенных пунктов, водных объектов и горных массивов.

A Zaragoza o al charco ‘кровь из носу!’ ‘в лепешку разобьюсь, но сделаю’; *parecerse al papamoscas de Burgos* ‘погрузиться в себя, задуматься о чем-либо’; *cegar como la judía de Zaragoza* ‘не твоя печаль чужих детей качать’; *ser uno como el reloj de Pamplona* ‘говорить невпопад, нести околесицу’; *salir de Málaga y entrar en Malagón* ‘попасть из огня да в полымя’; *como las bolas del puente de Segovia* ‘огромный, большущий (о круглых предметах)’; *aprovechando que el Pisuerga pasa por Valladolid* ‘говорить не к месту, не зная о чем идет речь’; *llevar hierro a Vizcaya* ‘таскать дрова в лес, лить воду в море’; *como los bandidos de Sierra Morena* ‘настоящий бандит’.

Отдельный корпус составляют фразеологические обороты, содержащие топоним «Испания» и «Мадрид». *¡Santiago y cierra España!* ‘вперед! ура! в атаку! бей их!’ *lo que hay en España es de los españoles* ‘свои люди сочтемся, свои не обессудят’; *la España de pandereta* ‘«опереточная Испания» ложное, далекое от действительности представление об Испании как о стране цыганских плясок и боя быков’; *¡adiós, Madrid!* ‘беда! пиши пропало!’ *¡como está Madrid!* ‘ну и нравы!’

Понятие образованности закрепилось в испанском языковом фонде в ассоциации с городом Саламанка, где располагается один из древнейших в Европе университетов, основанный в 1220 г. *el que quiera aprender que vaya a Salamanca* ‘вырастешь узнаешь’; *para eso no se necesita ir a Salamanca* ‘для этого большого ума не надо’.

Города Алькала и Гранада, известные своей университетской деятельностью и богатой историей нашли отражение в таких ФЕ как *como el que tiene un tío en Alcalá, como el que tiene un tío en Granada, tener un tío en Alcalá*. Полным вариантом были пословицы: *Como tener un tío en Alcalá, que ni es tío ni es ná* и *Como tener un tío en Granada, que ni es tío ni es nada*.

Америка и Индия являлись тем местом назначения, куда направлялись жители Испании в XV–XVI вв. с целью обогащения. Редкий испанец не имел родственника в указанных населенных пунктах. ФЕ *como el que tiene un tío en América/ en Las Indias* имеют значение бесполезности, неадекватности какого-либо действия или вещи.

Наряду с крупными испанскими городами, такими как Мадрид, Севилья, Малага, Сеговия, Памплона, Сарагоса, Алькала, Вальядолид, небольшие населенные пункты и местечки разнообразно представлены во фразеологии, а спектр их семантических значений велик. Так, стихийный, несправедливый суд, вершившийся в городках, стал отождествляться с их названиями, а затем получил оценочные характеристики несправедливости, честности и своевременности: *como la justicia de Peralvillo* ‘несправедливый, произвольный суд’; *la justicia de Almudébar: páguelo el que no lo deba* ‘честный платит за виновного’; *la justicia de Alcalá, que llegó tres días después de la función* ‘дорога ложка к обеду’.

Города Рим и Сантьяго де Кампостела были и остаются важными центрами христианского паломничества и веры. Не так просто было до них дойти, но весьма важно было это сделать для религиозных испанцев.

Поэтому ФЕ, содержащие указанные топонимы, часто обозначают значимость и усилия *revolver Roma con Santiago* ‘приложить все усилия, чтобы найти или добиться чего-либо’; *ir a Roma y no ver a Papa* ‘не заметить самого главного’.

Для испанского менталитета Индия, а затем после памятных событий 1492г. Америка ассоциировались с далекой, таинственной землей, полной сокровищ и неограниченных возможностей обогащения. Этот факт позволил закрепиться в языке целому ряду ФЕ, содержащих названия вышеуказанных стран: *carrera de Indias* (ист.) ‘плавание в Вест-Индию на торговых судах’, ‘морская торговля с Новым Светом’; *ser un conejillo de Indias* ‘быть подопытным животным’. Дело в том, что, начиная с XVI в. морских свинок начали ввозить в Испанию из Перу, которая, как и весь американский континент, называлась Индией (отсюда *conejillo de Indias* ‘подопытный кролик’). Позднее животных стали использовать для опытов в медицине.

Наряду с топонимом «Америка» в испанских фразеологизмах встречаются и названия стран, составляющих эту часть света. *¡ni que viniera uno de América!* ‘нашли миллионера!'; *valer un Perú* ‘быть драгоценным, бесценным’; *soñar con Californias* ‘мечтать о быстром, легком обогащении; *no ser una California* ‘здесь не очень разживешься’.

С XVI в. Испания с переменным успехом вела постоянные войны с Францией. XVIII в. характеризуется установлением постоянного альянса с этой страной. Политика испанской короны характеризовалась сближением с ней, чтобы противостоять гегемонии Великобритании. Родство королевских семей Испании и Франции способствовало сближению, и традиционная вражда была забыта. Значение этого противостояния было столь велико, что топонимы «Франция» и «Париж» прочно вошли во фразеологию. *Hacerle a uno saltar por el rey de Francia* ‘загонять, заездить кого-либо’; *¿estamos aquí o en Francia?* ‘да ты что! что за безобразие!'; *como un santo de Francia* ‘болван, олух царя небесного’; *como puntas de París* ‘булавочный укол, точно комариный укус (о досадных мелочах)’.

Испанский король Карл I унаследовал от своего деда Максимилиана I герцогство Фландрания (современные территории части Франции, Бельгии и Голландии). Фландрания в XVI в. была большим индустриальным и торговым центром, занимавшим стратегически важное положение между Великобританией и Францией. Будучи испанским герцогством, она представляла испанской короне многочисленные товары высочайшего качества, которые очень ценились. В XVIII в. обострились противоречия между католическим и протестантским населением страны, поднявшимся на восстание. Испания была вынуждена отступить и сохранила за собой лишь юг (современная Бельгия) Фландрии. В испанской фразеологии отражены сведения о своем бывшем владении. *No hay más Flandes* ‘бесподобно! какая прелесть! просто чудо!'; *¿estamos aquí o en Flandes?* ‘страна благоденствия’; *poner una (buena) pica en Flandes* ‘сделать что-либо чрезвычайно трудное’;

poder pasar por las Picas de Flandes ‘быть идеальным, безупречным’. Все вышесказанное свидетельствует о том, что испанский менталитет чтит свою историю.

Однако, с другой стороны, Испания никогда не имела тесных связей с Китаем, а в языке сохранились определенные сведения об изделиях и продуктах этой страны. *Tinta de China* ‘тушь’; *barro de la China* ‘китайский фарфор’; *como mentar la China* ‘что-то совершенно неизвестное, абракадабра’; *muralla de China* ‘непроницаемая, глухая стена, китайская стена’; *¡naranjas de la China!* как бы не так! Интересна этимология этой ФЕ: китайский апельсин ассоциировался у испанцев с чем-то фантастическим, далеким, экзотичным. Фразой *naranjas de la China!* говорящий хотел опровергнуть, усомниться в мнении оппонента. Но реальность такова, что на самом деле апельсин, ввезенный на Иберийский полуостров арабами, происходит из Китая.

Вехам всемирной истории, нашедшим отражение в мифах, посвящены следующие идиомы: *¡(que) arda Troya!* ‘будь что будет! была не была!’; *¡ahí fue Troya!* ‘вот и все, что осталось!’; *la moderna Babilonia* ‘«Новый Вавилон» (О Париже)’; *aquello se ha vuelto una Babilonia* ‘началось вавилонское столпотворение’.

Анализ с применением лингвострановедческого комментария способствует изучению и пониманию таких национально специфичных единиц языка, как пословично-поговорочные выражения, и позволяет прийти к определенным выводам. Спектр топонимов, включенных во фразеологизмы, обширен: от испанских поселков до европейских столиц (Рим, Париж) и континентов (Америка, Индия, Китай). Появление топонима в составе идиомы обуславливалось важным событием либо значимостью для всего испанского народа.

С. А. Колесник

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ ИЗ ЯЗЫКА КАЛО В СОВРЕМЕННОМ ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Первые цыганские поселения появились на Иберийском полуострове в начале XV столетия. Однако до сих пор испанские цыгане держатся обособленно, а местные жители продолжают считать их чужаками. Тем не менее, многовековое сосуществование испанского и цыганского народов привело к взаимодействию не только их культур, но и языков, как правило, за счет заимствования слов друг у друга.

В лингвистическом отношении заимствования из языка кало представляют собой любопытный феномен. Они обогащают словарный состав испанского языка, появляясь в различных языковых регистрах. В зависимости от термина, заимствования из цыганского языка встречаются как в вульгарной, грубой, бытовой речи носителей испанской коммуникативной культуры, так и в литературной.

Современный испанский язык насчитывает около трехсот заимствований из языка кало, которые в большинстве своем имеют очень широкий спектр повседневного употребления (от вульгарного до разговорного). В качестве примеров можно привести такие общеупотребительные слова, как *chingar* ‘совокупляться (вульг.)’, *diñarla* ‘подохнуть (груб.)’, *pinreles* ‘ласти (груб.)’, *acharar* ‘смущать/приводить в замешательство’, *andoba/andova* ‘этот(а)/он(а)’, *barbián* ‘бойкий/разбитной’, *jindama* ‘страх/трусость’, *molar* ‘быть крутым/нравиться’ и т.д. Носители испанского языка, как правило, даже не подозревают, что столь привычные им слова являются лексическими заимствованиями из цыганского языка.

Значимая часть заимствований из языка кало присутствует также в мире фламенко и корриды. Например, такие слова, как *menda* ‘моя особа/ваш покорный слуга; какой-то тип’, *gachó* ‘мужчина/человек’, *burel* ‘бык’ и другие.

Стоит отметить, что только с недавних пор подавляющее большинство слов цыганского происхождения признано Королевской академией испанского языка, причем все эти лексические единицы отмечены как разговорные. Но, несмотря на такое решение Королевской академии, многие из них уже давно вышли за рамки разговорного регистра. Этот вывод находит подтверждение в работах Н. Х. Родригеса, выпускника университета Комплутенсе, магистра в области образовательных исследований, и Г. А. Нуждина, кандидата философских наук, окончившего магистратуру по преподаванию испанского языка в университете Комплутенсе и PhD по психолингвистике и усвоению языка. В доказательство этому приведем несколько примеров.

La mayor parte de los gitanismos en el DRAE están marcados como coloquiales. Creo que eso no es justo. [...] Falta un verdadero estudio exhaustivo sobre los gitanismos del español que analice la relevancia de su aportación y vigencia actual. (Nicolás Jiménez González, *Agitanando el DRAE*) ‘Большинство слов цыганского происхождения отмечены в словаре Королевской академии испанского языка как разговорные. Я считаю, что это несправедливо. [...] Не хватает по-настоящему исчерпывающего исследования данных слов, в котором анализировалась бы значимость их вклада в испанский язык и актуальность’.

Глагол *currar* переводить русскими разговорными эквивалентами ‘вкалывать/горбатиться’ будет не совсем верно, поскольку в испанской речи он практически вытеснил свой нормативный вариант *trabajar* ‘работать’ (Г. А. Нуждин, *Рассказ о слове*).

Действительно такие лексемы, как *currar* ‘работать/трудиться’, *camelar* ‘ухаживать/любезничать; обманывать’, *paripé* ‘фикция/обман’, *chaval* ‘парень/юнец’, *chalado* ‘влюбленный/сумасшедший’, *chungo* ‘запутанный; плохой; приболевший’ и другие, давно уже присутствуют не только в неформальном регистре испанского языка, но и в средствах массовой информации, в художественной литературе, а также в академической среде Испании. Чтобы проиллюстрировать это, приведем несколько примеров из крупнейших

общественно-политических и самых цитируемых в международной прессе изданий Испании, а также из художественных произведений некоторых испанских классиков и известных прозаиков.

El Greco [...] había oído decir que había curro en El Escorial.

(*Manuel Hidalgo, El Mundo*) ‘Эль Греко [...] слышал, что есть работа в Эль Эскориал’.

Tenía un sueldo bastante chungo. (La luna, El Mundo) ‘У меня была довольно мизерная зарплата’.

Hubiera cedido mi plaza a algún chaval si me hubiesen seleccionado. (El Mundo) ‘Если бы меня выбрали, я бы отдал свое место кому-нибудь парню’.

... es más tonto que una vaca, más imprudente que un loro, más chalado que una cabra... (A. Ussía, ABC) ‘... он глуп как сивый мерин, бестактен как попугай, он явно со сдвигом...’

¡Vaya suertecita! ¡Nos tocó el Gordo, chaval! (A. Zamora Vicente, Historias de viva voz) ‘Какая удача! Мы выиграли в лотерею, малыш!’

... intentaba camelar a un posible cliente... (Juan Madrid, Turno de noche) ‘... он пытался обмануть потенциального клиента...’

... resultaría, como él dice, hacer el paripé... (Ramón José Sender, La tesis de Nancy) ‘... было бы это, как он говорит, для отвода глаз...’

Что же касается академической среды, то здесь довольно часто встречаются такие термины, заимствованные из языка кало, как *cate* ‘неудовлетворительно’, *dar cate/catear* ‘провалить на экзамене’, *alumno cateado* ‘провалившийся ученик’. Причем данные выражения используются не только учащимися, но и преподавателями в более формальной обстановке.

Таким образом, проанализировав вышеизложенную информацию, можно сделать вывод, что особенностью употребления заимствований из языка кало в современном испанском языке является их присутствие не только в нижних языковых регистрах, но и в художественной литературе, а также в массмедиийном и академическом дискурсах, хотя и в скромном количестве.

А. Б. Лисова

ОБЩЕЕ И СПЕЦИФИЧНОЕ В ОБРАЗНОСТИ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ ИСПАНИИ И СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Образные средства не только являются важным смыслообразующим механизмом в рекламе, но и привносят в данный тип дискурса лингвострановедческий аспект. Это мотивирует исследовательский интерес в отношении национально-специфичных характеристик образных ресурсов (метафор, сравнений и метонимий, прежде всего) в рекламном дискурсе Испании и испаноговорящих стран Латинской Америки.

Анализ фрагментов рекламных сообщений, содержащих метафорические образы и сравнения, в Испании и странах Латинской Америки показал как общие для данных регионов черты, так и характеристики, их разграничивающие.

К общему для испанских и латиноамериканских рекламных сообщений относится эксплуатация традиционных образов в описании тех или иных продуктов. К подобным источникам образности можно отнести концепты магии и волшебства в рекламе косметических средств, бытовой химии, продуктов питания и др. Например:

Despierta la magia navideña. Предметом рекламы в данном случае выступает популярный напиток.

Востребованным в сфере испанской и латиноамериканской рекламы косметических и уходовых средств является образ шелка, например:

Descubre tu piel de seda.

Логично отметить универсальный характер образов, типичных для испанского и латиноамериканского дискурса. Т.е. речь идет, как правило, о привычных ассоциациях и в других лингвокультурах (русско- или англоязычной, например).

Помимо общих черт испаноязычных реклам, анализируемый материал предлагает любопытные факты, характеризующие рекламные тексты Испании, с одной стороны, и Латинской Америки – с другой, как специфичные. Эти характеристики преимущественно касаются востребованности в рекламе определенных образов.

В ИСПАНСКИХ рекламных текстах в качестве их частной характеристики выявлено довольно частое употребление образа солнца, а также образов эмоционального состояния.

Эмоциональное состояние

В рекламе испанского красного вина *Da vino al que tiene amargo el corazón* образ ‘горькое сердце’ апеллирует к психоэмоциональному состоянию потребителя.

Образ солнца

В рекламе вина бренда *Tío Pere Sol de Andalucía embotellado* эксплуатируются два образа. Во-первых, продукт уподобляется солнцу по цвету. Во-вторых, вино уподобляется андалузскому солнцу, символизирующему жаркий климат, который благоприятствует выращиванию виноградников.

Для ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОГО рекламного дискурса выявлены следующие специфичные образные тенденции:

Образ семьи

В рекламной кампании напитков *Jarritos Jarritos, el sabor de la familia mexicana!* разные вкусы этой газировки уподобляются семье по принципу родственных отношений.

Образ эмоционально-оценочного отношения

В текстовой рекламе хлебобулочных изделий *Bimbo Bimbo suave y rico como el amor de mamá* продукт ассоциируется с заботой и любовью матери к своим детям, что создает тем самым яркий эмоциональный образ.

Образ драгоценности

В рекламе алкогольного напитка из Венесуэлы бренда Añejo Cacique *Oro caribeño* ром уподобляется золоту.

В рекламной кампании бренда Oro *El Perú tiene sabor. Sabor de oro* напиток так же уподобляется золоту, а также подчеркивается, на наш взгляд, уникальная характеристика страны: Перу – одна из десяти стран-лидеров по добыче золота в мире.

Образ уникальности

В рекламе аргентинского бренда Jerome *Cerveza Jerome – Cervezas de raza al pie de glaciar* с понятием расы, обозначающим определенные морфологические, физиологические и географические признаки групп людей, отождествляются различные виды напитка (светлое, темное и другие разновидности пива). Кроме того, производитель делает отсылку к леднику, расположенному в национальном парке в Аргентине и известному как одно из природных чудес света в этом регионе.

Ярким примером, иллюстрирующим ставку на национальный колорит, является рекламная кампания напитка перуанского бренда Inca Kola *Destapa el sabor del Perú*. Помимо использования образа Перу производитель в самом названии бренда Inca Kola подчеркивает связь с империей инков, доколумбовой цивилизацией. Подобные приемы позволяют рекламодателю ассоциировать свой продукт с предметом национальной гордости и патриотизмом в Перу.

В мексиканской рекламе безалкогольных напитков бренда Jarritos *Tan mexicano como un taco con todo* эксплицитное сравнение газировки с тако подчеркивает непревзойденность этих традиционных мексиканских продуктов.

В другой рекламе этого же бренда *Tan mexicano como un clásico en domingo* рекламодатель сравнивает свой продукт с известной игрой в Мексике Эль-Класико (футбольный матч между мексиканскими клубами «Америка» и «Гвадалахара», считающийся одним из самых интересных противостояний в мировом футболе).

Таким образом, в испаноязычном рекламном дискурсе фиксируется востребованность как общих для Испании и стран Латинской Америки образов, так и специфичных для того или иного региона источников переосмысления. К симптоматичным для латиноамериканского рекламного дискурса свойствам относится употребительность образов драгоценности, семьи, эмоционально-оценочного отношения, а также уникальности страны или региона. При этом повышенной частотностью выделяется включение в рекламный текст национальных и общественно-культурных реалий. Испанские же рекламные тексты отличают образы солнца, а также эмоционального состояния. Результаты анализа позволяют утверждать, что образность рекламных текстов на испанском языке характеризуется не только собственно частными признаками, но и культурно обусловленными чертами.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЭВФЕМИЗМЫ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Экономические эвфемизмы не являются изолированным языковым явлением, так как они тесно взаимосвязаны с социально-историческим контекстом и отражают не только особенности речевого этикета, принятые в том или ином социуме, но и глубинные процессы трансформации государства, экономики и общества. Результаты анализа эвфемизмов испанского языка указывают на то, что их тематика и структура варьируются в зависимости от конкретного исторического периода, в котором они функционируют. Можно проследить определенную историческую динамику тематических приоритетов: те или иные группы эвфемизмов активизируются или, напротив, утрачивают актуальность в зависимости от политической повестки, экономической ситуации и идеологической модели.

В период диктатуры Франсиско Франко (1939–1975) экономический дискурс отличался высокой степенью идеологической регламентации. Язык власти стремился скрыть любые проявления социальной нестабильности, экономических трудностей или классового неравенства. Эвфемизмы использовались для того, чтобы создать образ контролируемой, гармоничной и рационально управляемой экономики. Особенно активно в этот период использовались эвфемизмы, связанные с безработицей и увольнениями. Так, вместо прямого обозначения массового сокращения кадров использовались выражения *reestructuración laboral, ajuste de plantilla, movilidad de trabajadores*, с помощью которых создавалось ощущение нормального течения экономического процесса внутри управляемой системы. Также частотны были эвфемизмы, скрывающие рост цен и инфляцию: *revisión de tarifas, actualización de precios, modificación del mapa tarifario*. За счет их использования повышение стоимости товаров и услуг преподносилось не как удар по потребителю, а как необходимая экономическая мера. Эвфемизация в данном случае выступала не только как языковой механизм вуалирования определенной информации, но и как важнейший элемент политического контроля.

С переходом к демократии и в условиях либеральных экономических реформ (1975–2000), язык стал более открытым, однако эвфемизмы не исчезли, а лишь изменили свои формы и функции. В эпоху евроинтеграции, приватизации и deregulación риторика модернизации вытеснила прежние идеологические клише, заменив их языком эффективности и роста. Особенно активно в этот период развивалась лексика, связанная с трудовой сферой и корпоративным управлением. Эвфемизмы *flexibilización del empleo, externalización, subcontratación, optimización de recursos humanos* представляли собой попытку преподнести негативные явления (потерю трудовых прав, непостоянную трудовую занятость, рост неравенства) в виде «рационального» управленческого решения. Появляются

также эвфемизмы, обозначающие новых участников экономических отношений, такие как *autópoto* ‘самозанятый’, *uppie* ‘государственный служащий’, отражающие идеологию индивидуализма и ответственности субъекта за собственное экономическое положение. Данная группа эвфемизмов, как правило, заимствовались из англоязычного экономического дискурса, что само по себе придавало им «модернизирующую» окраску.

С наступлением эпохи глобальных экономических кризисов XXI века, начиная с ипотечного пузыря 2008 года и заканчивая периодом пандемии COVID-19, эвфемистический дискурс вновь трансформируется. В условиях острой социальной нестабильности, неопределенности и потери доверия к государственным институтам, в публичной риторике правительства Испании, бизнеса и СМИ начинают преобладать языковые формулы, с помощью которых минимизируется экономическая угроза, и всему происходящему придается видимость временного сбоя, а не системной катастрофы. Так, появляются выражения *hibernación de la economía*, *plan de sostenibilidad fiscal*, *suspensión temporal de contratos*, *reajuste presupuestario*. Они заменяют более точные, но социально острые понятия – *quiebra*, *recesión*, *despido*, *recorte social*. Кроме того, с активной цифровизацией экономики возникает новая эвфемистическая лексика, касающаяся форм занятости: *teletrabajo*, *modelo híbrido*, *economía colaborativa*. В данных эвфемизмах маскируется нестабильность, отсутствие социальных гарантий и рост индивидуальной уязвимости.

Таким образом, прослеживается четкая связь между историческим этапом развития и использованием тех или иных эвфемистических единиц. Так, при авторитаризме эвфемизмы служат скрытию реальности и поддержанию иллюзии стабильности; в условиях неолиберальной перестройки – легитимизации реформ и институциональных изменений; в кризисные периоды – минимизации тревоги и управлению общественным восприятием. Данная динамика позволяет рассматривать экономические эвфемизмы не как случайные языковые явления, а как маркеры историко-политического контекста, отражающие идеологические векторы определенной эпохи. Язык экономики оказывается глубоко вписаным в структуру власти, и эвфемизм – один из важнейших инструментов данной структуры.

Круглый стол
«ФОНЕТИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ ФРАНЦУЗСКОГО
ЯЗЫКА В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА»

А. О. Буевич

**ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАНСИЗАЦИИ
ИНОЯЗЫЧНЫХ ТОПОНИМОВ В НОВОСТНОМ ДИСКУРСЕ**

Средства массовой информации часто сталкиваются с необходимостью использования иноязычных онимов в условиях глобализации. При передаче онима с одного языка на другой происходят фонетические и графические изменения первоначального вида иноязычного онима. В данном исследовании мы остановимся на иноязычных топонимах. Поскольку французский язык обладает строгими нормами произношения, мы наблюдаем активную трансформацию иноязычных топонимов, что представляет интерес для лингвистических исследований.

Под новостным дискурсом мы будем понимать особую разновидность медийного дискурса, объединяющую все тексты, которые связаны с передачей новостей. Новостной дискурс включает в себя не только сами языковые средства, но также все экстралингвистические характеристики, которые влияют на создание, распространение и восприятие новостей (Т. Г. Добросклонская, 2006).

Новостной дискурс строится на достоверности, так как в нем сообщают о реальных событиях и фактах. Использование в речи журналиста иноязычного топонима добавляет информации аутентичность, что создает в речи ощущение связи с оригинальным источником. Однако возникает проблема, которая связана с его произношением. Журналист может оставить произношение как в языке-доноре, таким образом он сохранит исходное звучание, но есть риск того, что такой топоним станет непонятным для французской аудитории. Вторым вариантом является попытка адаптировать иноязычный топоним под французское произношение, и в таком случае есть риск потери связи с оригиналом. Данная дилемма между точностью и удобством восприятия является ключевой в работе журналистов и лингвистов.

При изучении иноязычных онимов в новостном дискурсе 30 % от общего числа иноязычных онимов составили топонимы. Топонимом называют оним, который обозначает название географического объекта. Топонимы классифицируются по типу объекта, таким образом выделяют оронимы (названия гор), хрононимы (названия территории), урбанонимы (название внутригородских объектов), дромонимы (название путей сообщения), ойконимы (название населенных пунктов), гидронимы (название водных объектов) и геонимы (название всех географических объектов) (А. В. Суперанская, 2009).

Во французском новостном дискурсе преобладают топонимы английского происхождения, которые составляют 76 % от общего количества языков, которые представлены в исследовании. В новостном дискурсе различают 4 основных способа передачи онимов иностранного происхождения – транскрипция, транспозиция, транслитерация, калькирование (А. В. Федоров, 2002). Основным способом передачи иноязычного топонима во французском новостном дискурсе является транскрипция, при которой звучание иноязычного топонима передается средствами языка-реципиента.

Французская фонологическая система, влияя на внешний облик иноязычного топонима, обуславливает проявление общих фонетических особенностей. Независимо от языка-донора, во французском новостном дискурсе иноязычные топонимы подвержены францизации в акустическом плане. В 100 % случаев произношения иноязычных топонимов в языке-реципиенте происходит перенос ударения на конечный слог. Примером может послужить английский топоним *Colorado* [kɒlə'ra:dəʊ] → [kɔ̃-lɔ̃-ka-'do] (название западного штата США).

В подавляющем большинстве при произнесении иноязычных топонимов наблюдается монофтонгизация дифтонгов, например, *Orlando* [ɔ: 'lændəʊ] → [ɔ̃-lã- 'do] (название города во Флориде, США), дифтонг [ju] *New Delhi* также монофтонгизировался [nu-de- 'li] (название столицы Индии). Это происходит из-за того, что современный французский язык не обладает дифтонгами и трифтонгами. Однако есть случаи сохранения дифтонгов и трифтонгов, чтобы отметить аутентичность иноязычного топонима. Так дифтонг [au] остается в 100 % случаев, например, *Southampton* ['sauθ.hæmp.tən] → [sau-zamp- 'tən] (название города в Англии). Дифтонг [ɛɪ] *Illinois* [ɪlə'nɔɪ] произносится с использованием 2 звуков [wa] во всех иноязычных топонимах в нашем исследовании [i-lin- 'wa] (название штата США).

Францизация не является всеобъемлющей, так как не свойственные для французской фонологической системы аффрикаты [tʃ] и [dʒ] сохраняются в 50 случаях из 52. Например, *Edenbridge* ['i:dnbridʒ] → [a-i-dã- 'bridʒ] (название города в Англии). Данный факт можно объяснить тем, что ведущий новостей хочет подчеркнуть аутентичность таких топонимов.

Во всех иноязычных топонимах, которые встречались в исследовании, глottальный согласный звук [h] выпадает из произношения в языке-реципиенте. Например, *Hollywood* ['holliwud] → [ə-li- 'wud] (название района Лос-Анджелеса, США). Та же закономерность касается замены звонкой альвеолярной согласной [l] или звонкой альвеолярной щелевой согласной [r] на звонкую увулярную фрикативную согласную [v], которая присутствует в языке-реципиенте, например, *Arizona* [æri 'zævnə] → [a- v̯i- zɔ- 'na] (название штата США). И в случае замены велярного звонкого фрикатива [ɣ] на привычный для французской аудитории звук [g], например, *Málaga* ['malaya] → [ma-la- 'ga] (название города в Испании).

Назализация слогов типа ротовой гласный + носовой согласный встречается в 50 % случаев от общего числа иноязычных топонимов, участвовавших в исследовании. Случай полной назализации можно рассмотреть на топониме *Staten Island* [ˈstætn ˈaɪlənd] → [stə-tā a-i- ˈlā:t] (название округа в штате Нью-Йорк, США), а примером полного отсутствия назализации рассмотрим на примере иноязычного топонима *Stockton* [ˈstɒktən] → [stɔ:k-ˈtən] (название города в Калифорнии, США).

Ассимиляция в сторону звонкости или глухости частое явление при произнесении иноязычных топонимов. Наблюдается озвончение звука [s] в интервокальной позиции или перед звонким согласным звуком, например, *Las Vegas* [læs ˈveɪgəs] → [laz-ve-ˈgas] (название города в Неваде, США). Это явление происходит в соответствии с комбинаторными законами французского языка. Оглушение звуков в большинстве случаев происходит в конечной позиции или перед глухим согласным звуком, когда звонкий согласный утрачивает свою характеристику, например, *Sunderland* [ˈsʌndələnd] → [san-deb-ˈlā:t] (название города в Англии).

Францизация иноязычных топонимов частое явление в новостном дискурсе, многие особенности их произношения уже можно назвать закономерностями. Францизация сочетает в себе традиционные нормы и глобальные влияния. Редкие случаи сохранения произношения иноязычных топонимов как в языке-доноре указывают на желание диктора сделать акцент на их аутентичности.

В. Д. Бурло

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ПОЛИСЕМИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ПРЕДЛОГА «POUR»

Предлог в грамматиках рассматривается «как неизменяемое служебное слово с определенной семантикой, выполняющее в предложении связующую функцию и выражающее подчинительную связь» (В. Г. Гак). Но его функция и многочисленные значения раскрываются при его функционировании в тексте или высказывании. Рассмотрим структуры с предлогом ‘pour’ во французском языке. Ядро значения, отмечаемое всеми лингвистами, это направленность к цели или точке назначения физической или абстрактной: *Je l’ai fait pour te plaire* ‘Я это сделал, чтобы тебе понравиться’. *Un remède pour l’âme* ‘Лекарство для души’. Цель – понравиться или лечить душу.

Направленность к цели может проецироваться на разные концептуальные сферы: бенефициар – *Je travaille pour mes enfants* ‘Я работаю ради детей’ (читай – ради их блага). Или другой пример: *Ces repas sont pour les pauvres* – *pour* маркирует получателя пользы, направленность превращается в избранность – только для бедных; причина (псевдо-причина) – *Il a été arrêté pour vol* ‘Он был арестован за кражу’. Формально это причина – за что осужден, но

семантически это цель, т.е. результат его действий. Они направлены на преступный результат: *Il est gentil pour un agent de police* – причина – уступка (*с отрицанием/иронией*). Акцент на контрасте с ожидаемым, так как стереотипно, что полицейские не очень милы и добры; следствия – *Il est trop jeune pour voter* ‘Он слишком молод, чтобы участвовать в голосовании’. Причина – молодость, следствие – не голосует.

Часто предлог *pour* употреблен для выражения времени/длительности или места/пространства. Например: *Nous sommes partis en France pour une semaine* ‘Мы уехали во Францию на неделю’ и *Les enfants sont partis pour la France* ‘Дети уехали во Францию’.

Интересно, что обстоятельства места и времени, хотя и различаются синтаксически, имеют общие свойства. Предлог *pour* выражает то место, куда планируется доехать, однако действие может быть прервано и не совершиться. Такое невозможно с перфективным глаголом *arriver*, требующим в таком случае предлог *à*. Рассмотрим обстоятельство времени *pour une semaine*. Процесс может также быть прерван телефонным звонком или другим обстоятельством. Следовательно предлог *pour* не может быть употреблен, например, с глаголом *séjourner*, требующим в данном случае предлог *pendant*. То же наблюдается и в случае с датами: *L'ouverture de l'exposition est prévue pour le mois de mai*; т.е. возможна нереализация действия *Elle peut être remise au samedi suivant* ‘Оно может быть отложено на ближайшую субботу’. И как только идет речь о глаголе семантически исключающим сомнение, *pour* уступает место предлогу *à*: *L'ouverture de l'exposition aura lieu au début de mai*. Оба обстоятельства предполагают направление, перспективу, план на будущее и выражают намерение, волю, но реализация действия может не состояться. Эта особенность кардинально отличает последние от обстоятельств с предлогом *pour*, выражавших причину: *L'étudiant est sanctionné pour avoir manqué les cours* ‘Студент наказан за пропуски занятий’; *Le jeune est condamné pour vol* ‘Молодой человек осужден за кражу’. В данном случае выражено предшествование, на что указывает и инфинитив в прошедшем времени. Такое употребление можно назвать «санкционированная причина». Но подобное употребление возможно и при позитивной ситуации, ср.: *Cet écrivain a reçu le prix pour son dernier roman* ‘Этот писатель получил премию за свой последний роман’. Действие со стороны субъекта не являются осознанным и ориентировано на результат. Может быть, он получил премию против воли, не по собственному желанию, в то время как обстоятельство цели обязательно предполагает волевое, желаемое действие: *Il a écrit ce roman pour avoir le prix* ‘Он написал этот роман, чтобы получить премию’.

Мы не рассматривали случаи фиксированных выражений с предлогом *pour* с десемантизацией (*crier pour rien*, *c'est fait pour ça*), а также переосмыслением направленности (*prendre X pour Y*).

Анализ фактического материала позволяет утверждать, что полисемия *pour* не хаотичное явление, а система производных значений от прототипа

«направленность». Конкретный смысл выявляется только в синтаксическом окружении глагол – тип дополнения – дискурс. Расширение значений происходит через метафорический перенос, семантическое обесцвечивание, контекстную переинтерпретацию. Как следствие полисемии – возможность в одном контексте нескольких толкований, например: *Un test pour les étudiants* может значить *для студентов* (цель), или *бенефициара* – пред назначен *только для студентов*, если сказано, например, при выдаче книг в библиотеке.

Г. А. Змудяк

СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ
И ПОБУДИТЕЛЬНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ
(на материале французского языка)

Во французском языке существует множество разнообразных средств выражения побудительной модальности. Однако не все они могут рассматриваться как грамматические синонимы императива. Одним из таких средств является настояще время сослагательного наклонения (*le Subjonctif Présent*). Это наклонение представляет собой одноплановую с императивом форму во временном значении, но обладает рядом характеристик, которые отличают его от императива как инвариантной формы в синонимичном ряду. *Subjonctif* относится к косвенной (некатегориальной) императивности. Кроме того при употреблении *Subjonctif* в функции императива наблюдается сдвиг в содержании самой императивной ситуации. В такого рода ситуациях меняется роль субъекта – исполнителя каузируемого действия и побуждение имеет косвенный характер.

(1) *Alors, l'inconnu demanda d'un air naïf :*

– *Quelle réponse apporter à monsieur Vincart ?*

– *Et bien ! répondit Emma, dites-lui que je n'en ai pas ... ce sera la semaine prochaine ... Qu'il attende ...* (G. Flaubert)

‘Тогда незнакомец спросил с наивным видом:

– Какой ответ передать господину Винкару?

– Ну что же, – ответила Эмма, – скажите ему, что его у меня нет... Ответ будет на следующей неделе... **Пусть он подождет...**’

В императивных высказываниях такого типа слушающий выполняет роль транслятора волеизъявления 3-му лицу, которое и должно быть исполнителем действия.

Вторым типом императивной ситуации, выражаемой сослагательным наклонением, являются ситуации, в которых слушающий является исполнителем волеизъявления говорящего. Обычно для выражения такой императивной ситуации характерно употребление повелительного наклонения (*l'Impératif*) и его главных форм (2-ое лицо ед. и мн. числа). Употребление же

сослагательного наклонения в данной функции обусловлено экстралингвистическими факторами: характер взаимоотношений между говорящим и слушающим, их социально-ролевая зависимость.

(2) – *Vous retardez, dit monsieur Fogg.*

– ***Que monsieur me pardonne, mais c'est impossible.***

– *Vous retardez de 4 minutes. N'importe. Il suffit de constater l'écart.*

(J. Vernes)

‘– Вы опаздываете, – сказал господин Фог.

– **Пусть господин простит меня**, но это невозможно.

– Вы опоздали на 4 минуты. Неважно. Я лишь констатирую факт.’

Признаки данной императивной ситуации – это влияние экстралингвистического фактора на выбор императивной конструкции, а также бенефактивная направленность высказывания в пользу говорящего.

Одним из подтипов императивной ситуации являются такие ситуации, где субъект-исполнитель каузируемого действия выражается неопределенным местоимением «он». Говорящий не называет субъекта действия, подразумевая под ним всех участников и свидетелей речевого акта, т.е. субъект волеизъявления вводит всех присутствующих в круг потенциальных исполнителей.

(3) *Quand il se redressa il y avait autour de lui un cercle de curieux.*

– *Un médecin, prononça-t-il. Qu'on aille chercher le docteur Moreau qui habite dix maisons plus loin ... Vite ...* (G. Simenon)

‘Когда он пришел в себя, вокруг него собралась толпа любопытных.

– Врача, – сказал он. – **Пусть сходят за доктором Моро**, который живет через десять домов отсюда... Быстрей...’

В примере (3) субъект волеизъявления подчеркивает актуальность и необходимость действия. Настойчивость говорящего подчеркивается повторением приказания (*Un médecin ... le médecin Moreau / ‘Врача ... доктора Моро’*), а также указывается его адрес (... qui habite dix maisons plus loin ... ‘который живет через десять домов’). Наречие *vite* ‘быстро’ усиливает динамичность действия.

Таким образом, настоящее время сослагательного наклонения может служить не только для выражения различных оттенков императива, но и других модальных значений. Данная форма употребляется только в устной речи.

Л. П. Казловская

О СПОСОБАХ ВЫРАЖЕНИЯ СЕМАНТИКИ БУДУЩЕГО

Будущее время представляет собой весьма сложную языковую категорию, которая тесно связана не только с грамматической формой представления будущего времени, но и с категорией модальности, с когнитивными представлениями о будущей временной перспективе, а также с pragmatикой.

Вопрос о способах выражения семантики будущего времени находится сегодня на стыке морфологии, синтаксиса, семантики и прагматики и затрагивает фундаментальную проблематику о том, как будущее концептуализируется и выражается во французском языке.

Основным способом выражения значения будущего времени во французском языке считается простое будущее время *le Futur simple*. Как грамматическое время *le Futur simple* обладает собственным системным значением и передает объективное время с позиции говорящего субъекта. Будущее время указывает, что ситуация, которая представлена в предложении, следует за моментом речи говорящего субъекта или за другим моментом, мысленно приравниваемым к моменту речи. Однако следует иметь в виду, что формы будущего характеризуются большой степенью неопределенности: «*Le futur est une page blanche*» ‘Будущее – это чистая страница’ [F. Brunot], поскольку мы знаем о нем меньше, чем о прошлом, и нам приходится говорить о будущем в более неопределенных выражениях [О. Есперсен]. Будущему неизменно сопутствует значение неопределенности, неуверенности, что и передает временная форма *le Futur simple*. Ср.:

/1/ *Je ne sais pas quel âge tu auras lorsque tu liras cette lettre.*’ Я не знаю, сколько лет тебе **будет**, когда ты **прочтешь** это письмо’ [M. Levy]

/2/ *Les parents sont des montagnes que l'on passe sa vie à essayer d'escalader, en ignorant qu'un jour c'est nous qui tiendrons leur rôle.* ‘Родители – это горы, на которые всю жизнь стараешься взобраться, пока однажды сам не заметишь, что **играешь** их роль’ [M. Levy].

Грамматическая форма *le Futur simple* помимо выражения возможного действия в неопределенном будущем может служить также для обозначения вероятного действия в определенном (запланированном) будущем и для указания на неизбежное действие в будущем, что подчеркивает контекст и временные дейктики, типа *demain* ‘завтра’, *tout à l'heure* ‘сейчас’, *vers onze heures* ‘к 11 часам’. Ср.:

/3/ ... *j'ai vraiment peu dormi, je vais aller me reposer, je te remercie, je reviendrai demain, ça ira beaucoup mieux!* ‘... Я действительно мало спал, пойду отдохну. А тебе – огромное спасибо. **Вернусь** завтра, и все **будет** в норме’ [M. Levy].

/4/ *Je descendrai tout à l'heure.* ‘Я сейчас **спущусь**’ [M. Levy].

/5/ *Je t'abandonne pour deux jours ma fille. Maman passera te chercher vers onze heures* ‘Я тебя покидаю на два дня, девочка моя. Мама **заедет** за тобой часов в одиннадцать’ [M. Levy].

Стоит отметить, что в определенных контекстах глагольная форма *le Futur simple* может приобретать и дополнительные значения, передавая решимость, обещание, иронию, раздражение говорящего субъекта, а также степень его уверенности в возможности будущего действия. Ср.:

/6/ “*Je ne vous paierai rien, dit-il sans ambages*”. ‘**Платить я вам не буду**», – заявил он без обиняков’ [A. Makine].

В тексте /6/ le Futur simple выражает высокую степень вероятности будущего события, говорящий абсолютно уверен в своих действиях, о чем свидетельствуют контекстуальные элементы *dit-il sans ambages* ‘заявил он без обиняков’.

/7/ «*Viens, tu ne regretteras pas ...* » ‘Пошли, не пожалеешь’ [A. Makine].

Высокая вероятность реализации события в /7/ подчеркивается с помощью контекста – говорящий уговаривает, тем самым обещая, что собеседник не пожалеет о содеянном.

/8/ *Deux choses! dit Arthur, la première, elle n'est pas et ne sera pas à vendre, la seconde, c'est une propriété privée!* ‘Должен сказать две вещи! – произнес Артур. – Первое – дом не продается и не **будет продаваться**; второе – это частное владение!’ [M. Levy].

Форма le Futur simple в /8/ используется также для выражения предсказания/намерения. Фраза *elle n'est pas et ne sera pas à vendre* подчеркивает решительность говорящего в отношении будущего статуса собственности – он категорически отрицает перспективу возможной продажи дома.

Кроме того форма le Futur simple может выражать нетемпоральные значения: передавать просьбу или приказ, т.е. выступать в функции повелиительного наклонения. Ср.:

/9/ *A l'heure de la visite, il examina la plaie et d'un ton très naturel dit à l'infirmière: « Il faudra lui mettre un plâtre. Juste une couche. Charlota le fera avant de partir ».* Во время обхода он осмотрел рану и самым естественным тоном сказал медсестре: « **Надо наложить** ему гипс. Один слой. **Шарлота сделает это** перед уходом » [A. Makine].

Перед нами четкие и однозначные указания, представленные в мягкой форме (в виде просьбы), выполнение которых ожидается в ближайшем будущем.

Le Futur simple может выполнять также эпистемическую функцию в предложении. С помощью временной формы будущего можно передавать предположение по отношению к текущему состоянию дел:

/10/ *Il sera dans son bureau à cette heure-ci.* ‘Он, вероятно, в офисе в этот час’.

/11/ *Ce sera sans doute une fête mondaine* ‘Это будет, без сомнения, светский прием’ [M. Proust].

В примерах /10/ и /11/ говорящий через грамматическую форму le Futur simple указывает на вероятное действие, что позволяет говорить о эпистемической модальности, выражаемой временной формой.

Наконец, le Futur simple может использоваться в нарративной функции в исторических текстах для описания событий, которые в момент повествования уже произошли, но подаются как будто с точки зрения будущего относительно какого-то момента в прошлом. Ср.:

/12/ *En 1815, Napoléon reviendra de l'île d'Elbe et reprendra brièvement le pouvoir.* ‘В 1815 году Наполеон вернется с острова Эльба и ненадолго вновь захватит власть’.

Формы будущего в /12/ придают повествованию динамичность и выразительность, создавая эффект предвосхищения будущих событий.

Таким образом, грамматические формы будущего времени не являются исключительно способом выражения времени, они представляют собой важный дискурсивный элемент отражения субъективного отношения говорящего к времени, действию и действительности.

Н. И. Манько

ГЛАГОЛЫ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ВТОРИЧНОЙ ПРЕДИКАТИВНОСТИ

Глаголы зрительного восприятия – это глаголы, с помощью которых человек описывает ощущения, полученные при помощи органов зрения. Во франкоязычном художественном тексте наиболее широко употребляются четыре глагола зрительного восприятия:

1. *voir* ‘percevoir les images des objets par le sens de la vue’ ‘воспринимать образ объектов с помощью органов зрения’;
2. *regarder* ‘faire en sorte de voir, s’appliquer à voir (qqn, qqch)’ ‘направлять взгляд, чтобы увидеть кого-либо, что-либо’;
3. *observer* ‘considérer avec une attention soutenue, afin de connaître, d’étudier’ ‘внимательно рассматривать, чтобы изучить’;
4. *apercevoir* ‘distinguer, après un effort d’attention, et plus ou moins nettement’ ‘различать, прилагая усилия, более или менее четко’.

Традиционно глаголы зрительного восприятия противопоставляются по двум параметрам: осознанность восприятия и наличие результата восприятия. Так, глагол *voir* ‘percevoir les images des objets par le sens de la vue’ ‘воспринимать образ объектов с помощью органов зрения’ трактуют как глагол бессознательного восприятия: субъект воспринимает объекты, которые находятся в поле его зрения. В свою очередь глагол *regarder* ‘faire en sorte de voir, s’appliquer à voir (qqn, qqch)’ ‘направлять взгляд, чтобы увидеть кого-либо, что-либо’ является глаголом осознанного восприятия.

Сравним пары высказываний:

- (1) *Je vis mon meilleur ami assis sur sa chaise* ‘Я увидел лучшего друга, сидящего на своем обычном месте’;
- (2) *Elle regarda du coin de l’oeil le sac Valentino posé sur le siège à côté d’elle* ‘Краем глаза она посмотрела на сумку от Валентино, лежащую на пассажирском сидении’.

В высказывании (1) используется глагол *voir*, а в (2) – *regarder*. Субъект восприятия в обоих высказываниях представлен личным местоимением (*je / elle*), а объект восприятия – именной группой, обозначающей одушевленное лицо (*mon meilleur ami*) и неодушевленный предмет (*le sac Valentino*) соответственно. Важно отметить, что в обоих высказываниях именная группа

сочетается с причастием прошедшего времени с зависимыми словами (*assis sur sa chaise / posé sur le siège à côté d'elle*), обозначающим положение объекта восприятия в пространстве.

Возможность трансформаций (1а) и (2а) свидетельствует о возникновении в исходных высказываниях вторично-предикативного отношения между неглавными членами предложения – прямым дополнением и его определением:

(1а) *Je vis mon meilleur ami qui était assis sur sa chaise* ‘Я увидел лучше друга, который сидел на своем обычном месте’;

(2а) *Elle regarda du coin de l'oeil le sac Valentino qui était posé sur le siège à côté d'elle* ‘Краем глаза она посмотрела на сумку от Валентино, которая лежала на пассажирском сидении’.

Соотношение в (1) и (2) двух признаков (в широком смысле) и двух носителей указывает на бипропозитивность анализируемых предложений:

(1б) *Je vis mon meilleur ami. Il était assis sur sa chaise* ‘Я увидел лучше друга. Он сидел на своем обычном месте’;

(2б) *Elle regarda du coin de l'oeil le sac Valentino. Celui-ci était posé sur le siège à côté d'elle* ‘Краем глаза она посмотрела на сумку от Валентино. Сумка лежала на пассажирском сидении’.

В исходных высказываниях первая пропозиция представлена предикативным отношением между подлежащим и сказуемым, а вторая пропозиция – трансформом как результатом свертывания вторично-предикативного отношения. При этом первая пропозиция не репрезентирует реальную ситуацию действительности: восприятие является следствием воздействия некоторого объекта на органы зрения и нервного возбуждения коры головного мозга. При этом осознанность или бессознательность восприятия роли не играют. Следует говорить о скрещивании пропозиций, реализованных в простых предложениях с глаголами восприятия: объект восприятия одновременно является субъектом-носителем признака.

Интересно отметить, что глагол бессознательного восприятия *voir* предполагает успешность восприятия, в то время как глагол целенаправленного восприятия *regarder* обозначает процесс, который может не иметь результата:

(3) *Il me regarde sans me voir* ‘Он смотрит на меня, но не видит’.

В первой части высказывания (3) (*Il me regarde*) сообщается об осознанном и активном восприятии: субъект прилагает усилия для восприятия (*s'appliquer à voir*). Но из второй части высказывания (*sans me voir*) становится ясно, что несмотря на прилагаемые усилия, результат восприятия отсутствует. С этих позиций можно говорить о парадоксальности глагола *voir*: будучи глаголом бессознательного восприятия, он подразумевает результат процесса восприятия.

Глаголы *voir* и *regarder* свободно сочетаются с инфинитивом, формируя инфинитивное предложение:

(4) *M. Bartel regardait la Prius s'éloigner dans la rue* ‘Господин Бартель смотрел, как «приус» удаляется от дома’. = (4a) *M. Bartel regardait la Prius qui s'éloignait dans la rue* ‘Господин Бартель смотрел, как «приус» удаляется от дома’;

(5) *Le jardinier les a vus bavarder dans le parc* ‘Садовник видел, как они разговаривают в парке’. = (5a) *Le jardinier les a vus qui bavardaient dans le parc* ‘Садовник видел, как они разговаривают в парке’.

В (4) и (5) инфинитивное предложение свободно трансформируется в относительное придаточное предложение, что, однако, не означает семантической эквивалентности исходных высказываний и их трансформаций.

Американский романист Кнуд Ламбрехт утверждает, что использование относительного придаточного предложения обусловлено потребностью автора художественного произведения привлечь внимание читателя к специальному факту. Так, в ситуации текста (5a) субъекты утверждали, что не встречались ранее, а садовник видел, как они разговаривали в парке. Эта нестыковка должна привлечь внимание читателя и заставить его подозревать их в краже. Инфинитивные предложения такую интенцию адресанта не реализуют.

Итак, в простых предложениях с глаголами зрительного восприятия в позиции сказуемого между прямым дополнением и его определением возникает вторичнопредикативное отношение. Формально предикативное отношение между подлежащим и сказуемым доминирует над вторичнопредикативным отношением между неглавными членами предложения: категории предикативности определяются по сказуемому предикативного ядра. На уровне семантики предложения наблюдается скрещивание пропозиций: объект восприятия одновременно выступает субъектом носителем признака (в широком смысле), само же восприятие объекта следует из пресуппозиции.

Н. М. Щенникова

ЭКСПРЕССИВНО-АФФЕКТИВНЫЙ СИНТАКСИС
ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ
(на материале художественных текстов)

Рассмотрение и анализ языка в контексте личности по-прежнему остается актуальным. Эмоция – одна из фундаментальных характеристик человека. Являясь по своей природе глубоко эмоциональным, человек под воздействием внутренних или внешних факторов проявляет свое эмоциональное отношение, как выражение состояния. Роль эмоций в жизни человека и в межличностном общении очень велика. Аффекты, как самостоятельное эмоциональное явление, получили признание среди различных «чувств» лишь в начале XX века.

Авторы Большого психологического словаря Б. Г. Мещеряков и В. П. Зинченко дают следующее определение понятию «аффект»: «АФФЕКТ (от лат. *affectus* – душевное волнение, страсть) – сильное и относительно

кратковременное эмоциональное переживание, сопровождаемое резко выраженнымми двигательными и висцеральными проявлениями...» (Б. Г. Мещеряков, 2002). По их мнению, состояние аффекта возникает в неожиданных обстоятельствах или ситуациях опасных для жизни, в связи с чем человек не способен разумно мыслить, происходит замедление психических процессов, что объясняет, почему этим состоянием почти невозможно управлять. Человеческая психика прибегает к шаблонной реакции на данную ситуацию (оцепенеть, разрыдаться, убежать).

Четой, которая присуща аффекту и выделяет его среди других эмоций, является ослабление сознательного контроля, хаотичные, суетливые движения, т.е. человек теряет самообладание и полностью отдается переживанию.

Следует отметить, что в то время как одни ученые считают, что нет причин для разделения эмоции и аффекта на две разные эмоциональные реакции, поскольку аффект есть не что иное, как сильно выраженная эмоция, другие предлагают различные классификации аффективных проявлений положительных и негативных эмоций. Однако количество эмоций, которые принято считать базовыми, у различных авторов отличается.

По мнению некоторых лингвистов, эмоции предвосхищают еще не состоявшееся событие, а аффект представляет собой ответ на ситуацию, которая уже фактически наступила.

Эмоции имеют особые способы выражения как в языковой системе, так и в речевой деятельности человека. Для обозначения эмоций в системе языка используются языковые знаки, которые соответствуют определенным душевным состояниям человека. Выражение эмоций является неотъемлемой частью речи, т.к. человеку, будучи существом эмоциональным, необходимо выражать свое отношение к разным явлениям действительности.

Для проведения анализа из французских художественных произведений (F. Sagan «Bonjour, tristesse», M. Proust «À la recherche du temps perdu. Du côté de chez Swann», M. Leblanc «Arsène Lupin, gentleman-cambrioleur») был отобран 61 пример. Однако, необходимо обратить внимание на то, что, среди отобранных примеров, лишь в 50 отражены аффективные эмоции.

Одним из средств передачи состояния является эмоционально окрашенное произношение, при его помощи говорящий может выразить свое отношение к любому явлению действительности. Такое произношение позволяет передать весь спектр эмоций, испытываемый человеком, дать оценку ситуации, поступка, факта и обозначение данной оценки с помощью интонационных средств: *Quelques minutes après, le directeur accourut jusqu'au greffe, gesticulant et feignant une colère violente.* ‘Через несколько минут директор подбежал к стойке регистрации, жестикулируя и изображая бурный гнев’. Интонация позволяет понять эмоциональное состояние, намерения и отношение собеседника по отношению к другому человеку. Также она позволяет понятно выражать свои эмоции так, чтобы слушатель уловил эмфатический посыл сообщения (В. С. Ротенберг, 1980), например: *Aoh! dit-il, en accompagnant cette exclamation d'un geste de colère...* ‘А-а-а! – сказал он,

сопровождая это восклицание гневным жестом...’. Именно в обычной разговорной речи человек выражает весь свой внутренний мир, свои переживания и эмоции. Французов считают очень эмоциональной нацией. Они довольно общительны и их речь отличается скоростью и мелодичностью (Мещеряков, 2002).

Ш. Балли для экспрессивно-аффективного синтаксиса и стилистического употребления временных форм были введены понятия «экспрессивный синтаксис» и «аффективный синтаксис» (Ch. Bally, 1951), для которых характерными являются такие грамматические способы, как инверсия, различные способы выделения ключевых слов и выражений, вопросы и восклицания, например: *Ganimard, amusé, s'exclama: – Quel drôle de garçon! Tu me déconcertes. Allons, raconte-moi l'aventure.* ‘Ганимар, повеселев, воскликнул: – Какой забавный мальчик! Ты меня сбиваешь с толку. Давай, расскажи мне о приключении’; повторения, антитетические сопоставления, лексические и синтаксические параллелизмы как симметрично расположенные однотипные, однородные по строению, фразы и их части.

Анализ фактического материала позволяет утверждать, что для репрезентации аффективных эмоций во французских художественных текстах авторами достаточно часто используются существительные, глаголы: *Mon père s'ébrouait.* ‘Отец просто из кожи вон лез’; прилагательные: *Il était furieux.* ‘Он был в бешенстве’. Однако к наиболее употребительным следует отнести различные словосочетания, например: *un éclat de rire* ‘взрыв смеха’; *il rit à gorge* ‘он смеется во все горло’; *je me mis à courir, poussée par une sorte de rage* ‘я мчалась сломя голову, подгоняя чувством похожим на ярость’; *véritablement affolée* ‘совершенно потеряв голову’ и др.

Иногда целое предложение (или несколько предложений) может выражать состояния аффекта, однако во французских текстах это встречается достаточно редко, например: *Il trépignait, il se convulsait, fou de rage et de douleur.* ‘Он дрожал, дергался в конвульсиях, обезумев от ярости и боли’; *Un plaisir délicieux m'avait envahi, isolé, sans la notion de sa cause.* ‘На меня внезапно нахлынул беспричинный восторг’.

Анализ отобранных примеров, в которых выражены положительные и отрицательные аффективные эмоции, позволяет сделать вывод о том, что для французского языка наиболее типичным является употребление словосочетаний. Они позволяют более полно описать состояние аффекта и не перегружать предложение. Следует отметить, что выражение крайних точек эмоций одним словом не представляется типичным для французского языка, т.к. такой способ был обнаружен лишь в 3 примерах из числа отобранных для анализа.

СОДЕРЖАНИЕ

ГРАММАТИКА

<i>Баранова А. А.</i> Причастия английского языка как потенциально пропозитивные единицы	3
<i>Безменова Е. С.</i> Представленность адресанта угрозы в семантической структуре предложения	5
<i>Беланович Е. В.</i> Реализация ситуации украшательства в современном английском языке	7
<i>Бельченко В. И.</i> Функционально-семантическое поле следствия в немецком языке: особенности реализации в публицистике и художественной литературе	9
<i>Бенедиктович А. В.</i> Критерии оценки сложности междийного текста	12
<i>Дмитриева И. В.</i> Синтагматика и прагматика вербальных глаголов	15
<i>Дмитриева И. В., Серая А. А.</i> Бленды в коммуникативной структуре английского предложения	17
<i>Зуевская Е. В.</i> Средства выражения темпоральности в немецкоязычных тревел-блогах	20
<i>Капуста А. Р.</i> Категория залога в заголовках белорусско- и немецкоязычных публицистических текстов	22
<i>Кондракова С. В.</i> Средства выражения образа действия в художественных текстах на русском языке	24
<i>Курбаленко Н. В.</i> К категориям каузативности и каузальности	26
<i>Леус А. М.</i> Эмоциональность речи как признак гендерной идентичности (на материале немецких интервью)	29
<i>Ляшенко Е. С., Годлевская М. А.</i> Возможности употребления глагола <i>change</i> и существительного <i>a change</i> в устойчивых сочетаниях	32
<i>Миронович М. В.</i> Характеристика модального компонента в структуре несобственно-прямой речи	34
<i>Овсейчик Ю. В.</i> Сочинительный союз в конструировании смыслов	37
<i>Паремская С. В.</i> Генезис немецких предлогов	39
<i>Петрашкевич Н. П., Ставер К. Д.</i> Особенности современного употребления формы притяжательного падежа английского существительного в текстах информационного стиля	42
<i>Радикевич Н. С., Боженкова Д. М.</i> Репрезентация концепта «цвет» в английском и турецком языках (на материале художественных произведений)	45
<i>Радикевич Н. С., Чепко В. М.</i> Денотативный аспект семантики предложений с английскими глаголами обиды	48

<i>Симакова М. Г.</i> Сложное бессоюзное предложение в синтаксической структуре немецкого языка.....	51
<i>Тарасенко Е. В.</i> Особенности функционирования средств выражения категории компаративности в немецкоязычных произведениях экспрессионизма и постмодернизма	53
<i>Чучкевич И. В., Слынько А. Д.</i> Особенности функционирования уточняющих вопросов в романе К. Исигуро «Клара и солнце»	56

ФОНЕТИКА

<i>Бондарчук В. С.</i> Темпоральные маркеры эмотивно-оценочной модальности	60
<i>Воробьева Л. Г.</i> Эксплицитность степени вежливой обращенности в просодии английской устной фразы	61
<i>Воробьева Л. Г., Панова И. И.</i> Соотношение синтактико-просодических средств в сегментации жанрово-стилистических видов английских устных и письменных текстов	63
<i>Гвоздикова Н. М.</i> Специфика просодического маркирования информационно-смыслового центра английской фразы в речи носителей языка и билингвов	65
<i>Долматова Е. Д.</i> Темпоральные характеристики внутрисловных и межсловных консонантных стыков в речи билингвов.....	68
<i>Лебедева И. Г.</i> Особенности восприятия французской речи белорусами	70
<i>Лебедева И. Г.</i> Становление качества переднеязычности французских звуков в перцептивно-артикуляционной базе белорусов.....	73
<i>Лопатъко В. В., Трибис Л. И.</i> Просодический потенциал интеръектиков в структуре английской фразы	75
<i>Медведева Н. Г.</i> Подъем гласных как ключевой фактор в идентификации аллофонического варьирования.....	78
<i>Медведева Н. Г.</i> Перцептивная устойчивость палатализации как фонемного признака.....	81
<i>Мисовская Е. В.</i> Временная структура частично выделенного многосложного слова в английской фразе	84
<i>Панова И. И., Верас Я. А.</i> Просодические средства эмотивного воздействия в территориальных вариантах современного английского языка.....	86
<i>Рускевич Л. В.</i> Применение технологий искусственного интеллекта в преподавании фонетики в лингвистическом вузе: возможности и ограничения	88
<i>Рускевич Л. В.</i> Реализация тональных акцентов в английской устной речи при академическом билингвизме	90

<i>Трибис Л. И., Лопатъко В. В.</i> Общий вопрос и речевая ситуация.....	92
<i>Трибис Л. И., Лопатъко В. В.</i> Семантическая недоопределенность, тематический контекст и эффекты субъективности восприятия	95
<i>Устинович В. В.</i> Об актуальных изменениях в произношении носовых гласных во французском языке	99
<i>Устинович В. В.</i> О современных особенностях произношения французского союза <i>quand</i> ‘когда’	101
<i>Яскевич В. В.</i> Акустическая структура дифтонгов и дифтонгоподобных сочетаний (на материале английского и белорусского языков).....	103

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

<i>Астрамецкий В. С.</i> Знаковые «образы» китайского модернизма как объект семиотического анализа	106
<i>Астрамецкий В. С.</i> Термины как специфический знак языкового пространства китайского модернизма 80-х гг. XX в.	109
<i>Гибкий П. В.</i> Декларативное представление будущего времени в китайском и английском языках.....	112
<i>Горбани Эбрахими Н.</i> Роль иранских женщин-писательниц в развитии иранской литературы после исламской революции.....	114
<i>Жуковец Т. Д.</i> Особенности перевода названий болезней на китайский язык	117
<i>Кевлюк Т. И.</i> Позиция иордании по отношению к кризису в Персидском заливе (1990–1991 гг.).....	118
<i>Дудинская Е. И., Кузьмина М. Д.</i> Семантика и функционирование глаголов со значением повреждения в японском языке	120
<i>Ладо А. В.</i> Особенности арабского языка в интернет-коммуникации	123
<i>Михалькова Н. В.</i> Формальные способы определения номинативного потенциала детерминативов китайской письменности.....	124
<i>Москаleva A. Ю.</i> Инкорпоративный комплекс китайских предикативов как коррелят сочетания с фазисным егеном.....	127
<i>Серова А. С.</i> Структурные характеристики метафорических сочетаний с процессуальными знаками китайского языка	129
<i>Сулима Е. С.</i> Семантика и символика наименования элемента головного убора 充耳 в древнекитайской «Книге песен» («Шицзин»)...	132
<i>И Сяо.</i> Модели соединения смысловых компонентов идеограмм именующих абстрактное понятие китайской письменности	135
<i>Филимонова М. С.</i> Реализация дуальной пары противоположностей Инь-Ян в структуре китайской логограммы	137

Круглый стол
«ИСПАНОЯЗЫЧНЫЙ ДИСКУРС: СЕМАНТИКА, ПРАГМАТИКА, ПЕРЕВОД»

<i>Боковец А. А.</i> Лексико-семантические способы пополнения молодежного сленга: сопоставительный аспект.....	141
<i>Кулик О. А.</i> Лингвопрагматическая характеристика лексических особенностей аргентинского диалекта “rioplatense”	144
<i>Кучугурная Е. А.</i> Контаминация в текстах испаноязычных СМИ	147
<i>Пушкина О. А.</i> Англицизмы в молодежном сленге испанского языка	150
<i>Цупа А. И.</i> Структурные разновидности смешанной модели сложного диалогического единства в разговорном испаноязычном дискурсе.....	152
<i>Цыбулева Т. Э.</i> Обиходный дискурс в контексте обучения испанскому языку.....	154
<i>Шмат И. Ф.</i> Испанская дипломатия в годы Второй мировой войны	155

Круглый стол
«ИТАЛЬЯНИСТИКА: ЛЕКСИКА, ГРАММАТИКА»

<i>Игнатьева М. А.</i> Специфика цветовых обозначений в английском и итальянском языках (на примере белого, черного и красного цвета)	159
<i>Стремоус Н. М.</i> Частотность употребления терминологических единиц подсистемы «экономика» в статьях экономической и спортивной тематик итальянских электронных СМИ	161
<i>Чеснокова Е. В.</i> Швейцарский вариант итальянского языка: грамматические и лексические особенности	164
<i>Якубовская М. П.</i> Языковая картина мира в русском и итальянском языках: лингвокультурные барьеры и методы их преодоления.....	167

Круглый стол
«ИТАЛЬЯНСКИЙ ЯЗЫК В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР»

<i>Иващенко Г. В.</i> Состав современного молодежного итальянского сленга	170
<i>Потапова М. В.</i> Жесты, интонация, эмоции: особенности коммуникации в итальянской культуре	172
<i>Тропец Т. В.</i> Английские заимствования в итальянском языке (на материале компьютерных технологий)	175

Круглый стол

«КОНСТАНТНОСТЬ И ВАРИТИВНОСТЬ ЕДИНИЦ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННЫХ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ»

Бондарчук Л. Г. Морфологические неологизмы во французском языке	178
Грачева Л. А. Французские пословицы о двойственности любви: лингвокультурологический аспект.....	181
Дудина А. М. Гендерный аспект маркированности фразеологических единиц французского и русского языков	184
Дудина А. М., Мацкевич О. О. Средства создания экспрессивности французского песенного текста	186
Токаревич Н. М. Как в языке появляются новые слова (на примере слова <i>boloss</i> во французском молодежном арго)	189
Шабашева Л. А. Семантика пессимистического в новеллах Мопассана	191

Круглый стол

«ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ

В ПОЛИДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ»

Денисова Е. В. Эвфемизация как средство вербализации табуированной лексики в русском и английском языках	194
Жукова А. О. Принципы отбора лексических единиц для исследования (на базе предлогов английского языка)	197

Круглый стол

«ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ ДИСКУРСА»

Авдейчик К. В., Ковалевич И. Н. Структурные и прагматические характеристики вопросительных предложений в директивных речевых актах	199
Иванов А. Э., Ажаронок Е. В. Неоместоимения в современном английском языке: предпосылки возникновения и перспективы развития	201
Иванов А. Э., Пытель А. С. Ассоциативный эксперимент как метод изучения токсичной коммуникации	204
Сможенкова Ю. В. Функционально-стилистические характеристики колоронимов в англоязычном медиа-дискурсе.....	206

Круглый стол
«СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИСПАНИСТИКЕ»

<i>Будагова Е. В.</i> Лингвопрагматическая характеристика морфолого-синтаксических явлений испанского газетно-публицистического дискурса.....	210
<i>Гридина Т. М.</i> Выражение интенции при рефериовании текстов институционального дискурса в испанском языке.....	212
<i>Грищенко Н. М.</i> Структурный аспект воздействия каталанского языка на испанскую лексику.....	214
<i>Громович Е. А.</i> Испанские топонимы как национально маркированная лексика	217
<i>Колесник С. А.</i> Особенности употребления заимствований из языка кало в современном испанском языке.....	220
<i>Лисова А. Б.</i> Общее и специфичное в образности в рекламных текстах Испании и стран Латинской Америки.....	222
<i>Чиркун А. Б.</i> Экономические эвфемизмы в испанском языке.....	225

Круглый стол
«ФОНЕТИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА»

<i>Буевич А. О.</i> Фонетические особенности франсизации иноязычных топонимов в новостном дискурсе	227
<i>Бурло В. Д.</i> Синтаксическая полисемия французского предлога «pour».....	229
<i>Змудяк Г. А.</i> Сослагательное наклонение и побудительная модальность (на материале французского языка)	231
<i>Казловская Л. П.</i> О способах выражения семантики будущего	232
<i>Манько Н. И.</i> Глаголы зрительного восприятия в формировании вторичной предикативности	235
<i>Щенникова Н. М.</i> Экспрессивно-аффективный синтаксис во французском языке (на материале художественных текстов)	237

Научное издание

**МАТЕРИАЛЫ ЕЖЕГОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И АСПИРАНТОВ УНИВЕРСИТЕТА**

23–24 апреля 2025 года

В четырех частях

Часть третья

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *В. Д. Синяк*

Компьютерная верстка *Н. В. Мельник*

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Белорусский государственный университет иностранных языков». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2014 г. № 1/337. ЛП № 38200000064344 от 17.09.2025 г.

Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.